

1000+

ИСТОРИЙ

ЖЕНЩИН И ДЕВОЧЕК
С ВОЙНЫ РОССИИ
ПРОТИВ УКРАИНЫ

ТОМ II

УДК 821.161.2'06-94
ISBN 978-617-7574-60-5
ISBN 978-617-7574-66-7

Составители: Елена Бучинская, Елена Давликанова, Ирина Лылык, Оксана Яшкина и другие.

Сборник «100 историй женщин и девочек с войны России против Украины». II том. Составители: Е. Бучинская, Е. Давликанова, И. Лылык, О. Яшкина и др. /под ред. Е. Давликановой. – К. : ООО «ВИСТКА», 2022. – 232 с.

Дизайн – М. Крутько, Украина.

Обложка: постер «Вас вітає вільна Україна», автор – Станислав Лунин, заимствованные фрагменты – @Cedric Peyravernay, @Maxim Verekhin, @Oleksandra Frantseva, @Insist.

Во втором томе собрана половина из более чем ста историй женщин и девочек, жизнь которых навсегда изменила война. Это реальные истории, рассказанные во время интервью или записанные героинями самостоятельно. Мы хотим представить истории людей, чья жизнь разделилась на «до» и «после» начала войны – военнослужащих, защитниц из территориальной обороны, медиков, дипломаток, правозащитниц, активисток, волонтерок, предпринимательниц, беженок, матерей, сестер, дочерей... Это их личные истории, их опыт, их взгляд. Мы также чтим убитых и замученных российскими захватчиками женщин и девочек, у которых преждевременно отняли жизнь с ничем не оправданной жестокостью, замешанной на имперских амбициях и гордости за кровавое «величие».

Из соображений безопасности по просьбе некоторых женщин и девочек мы не публикуем их фамилии, как и определенные детали их историй, ведь у них остались родственники на оккупированных территориях. Также, пока идет война, мы не можем представить полный спектр историй защитниц и медиков в военных госпиталях. По тем же причинам некоторые фото заблюрены. Но мы надеемся, что после Победы Украины все истории будут рассказаны полностью.

Мнения, высказанные женщинами и девушками в этой публикации, являются их личной позицией, которая приводится без цензурирования. Их точка зрения может не совпадать с официальной позицией Фонда им. Фридриха Эберта или организаций, где работают составители публикации.

УДК 821.161.2'06-94
ISBN 978-617-7574-60-5
ISBN 978-617-7574-66-7

Сборник размещен на сайте

Представительства Фонда им. Фридриха Эберта в Украине

www.fes.kiev.ua

© Представительство Фонда им. Фридриха Эберта в Украине, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	4
РАЗДЕЛ I. О тех, кого забрала война (рассказы о погибших, а также истории вдов)	8
РАЗДЕЛ II. Дети войны	40
РАЗДЕЛ III. В оккупации и рядом с врагом.....	56
РАЗДЕЛ IV. Два круга войны (истории женщин в ВСУ и территориальной обороне)	106
РАЗДЕЛ V. Наши руки, плечи, крылья (истории волонтерок, активисток и работающих женщин)	124
РАЗДЕЛ VI. На дипломатическом фронте и на уровне принятия решений.....	158
РАЗДЕЛ VII. В поисках убежища от ужасов войны (истории беженок и внутренне перемещенных лиц)	180
РАЗДЕЛ VIII. Наши соотечественницы: защита и поддержка из-за границы.....	200
РАЗДЕЛ IX. Разоренные гнезда.....	222
Список сокращений	230

Вступление

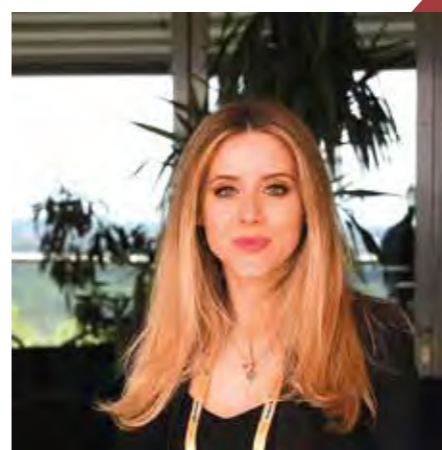
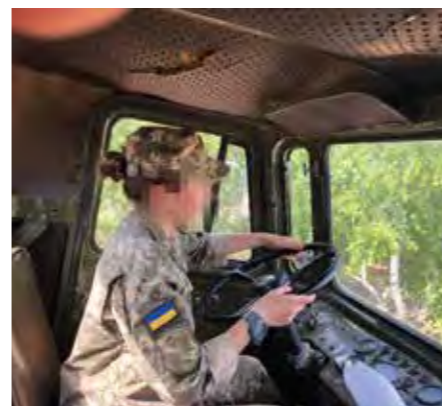
ПРОБАЧ, РІДНЕНЬКА

Ми думали, фашизм перемогли
І вже ніколи більш війни не буде!
Вже друзі – ті, колишні вороги.
А ті, що поряд... То уже не люди!!!

Вони гвалтують навіть немовлят!
Людей вбивають просто для розваги.
За Маріуполем хрестів вже виріс сад!
Зробили нелюди із сіл наших гулаги...

27.04.2022 г.

Тамила Шевцова

24 февраля 2022 около пяти часов утра Российская Федерация по приказу В.Путина начала полномасштабное вторжение на территорию Украины.

На момент составления второго тома весь мир уже облетели фотографии из Бучи, Ирпenea и Мариуполя. Массовые захоронения людей, изнасилования не только женщин, но и детей, пытки и расстрелы мирного населения, попытки сжечь тела убитых... Масштаб и жестокость военных преступлений, которые должны быть расследованы, ошеломили мир. Хотя Россия де-факто ведет войну против Украины уже восемь лет, ведь военное вторжение началось еще в 2014 году с аннексии Крыма и боевых действий в Донецкой и Луганской областях, никто не был готов и вряд ли кто-то мог вообразить беспрецедентные преступления российских военных против гражданского населения.

На данный момент РФ не достигла целей своей так называемой «специальной военной операции» и готовит большое наступление на украинском Востоке и Юге. На полях сражений решается не только будущее Украины, а всей Европы. Каждый день украинский народ теряет свои жизни, своих близких и свои дома, а страна нуждается в постоянной поддержке Запада, поставках тяжелого вооружения и просит об усилении санкций.

Этой публикацией мы хотим помочь собрать доказательства о военных преступлениях, которые нужны как для украинской системы правосудия, так и для Международного суда ООН в Гааге. О героической борьбе украинского народа не только за свою независимость и свободу, но и за будущее всей Европы, за весь демократический мир, напишут книги и снимут фильмы.

«
Первая часть книги — истории, отражающие ужасы войны и содержащие свидетельства военных преступлений и преступлений против человечности. Это истории о женщинах и девочках, жизнь которых унесла война; истории тех, кто находился или находится в оккупации, рядом с местами боевых действий, а также истории детей войны. Вторая часть книги посвящена женщинам и девушкам, защищающим нашу землю, — военнослужащим и бойцам территориальной обороны; тем, кто защищает нашу свободу и независимость на дипломатическом фронте; это истории активисток и волонтерок, а также женщин, выполняющих свои профессиональные обязанности и таким образом помогающих своей стране; кроме того, мы собрали истории тех, кто давно живет за границей, но встали на защиту Украины. В процессе работы мы говорили с одними женщинами и девочками, узнавали от них истории других, к которым потом также обращались за интервью. Сначала планировалось собрать сто историй, но их оказалось больше, и мы решили включить в сборник каждую из них, потому что мир должен знать, что сделала с судьбами женщин в Украине эта война «без правил», начатая РФ еще в 2014 году.

»

Мы же хотим сейчас представить истории женщин и девушек, чьи жизни разделились на до и после начала войны, — военнослужащих, защитниц из территориальной обороны, медиков, дипломаток, правозащитниц, активисток, волонтерок, предпринимателей, беженок, матерей, сестер, дочерей... Это их личные истории, их опыт, их взгляд. Мы также отдаем дань уважения убитым и замученным российскими захватчиками женщинам и девочкам, чьи жизни были преждевременно прерваны ничем неоправданной жестокостью, замешанной на имперских амбициях и чувстве гордости за "величие" на крови.

Лишь немногим больше ста историй из 20 миллионов представлено в двух томах. Мы надеемся, они станут напоминанием мировому сообществу XXI ст., что захватнические войны за завоевание территорий, военные преступления против гражданского населения, а также ответственность за предотвращение и прекращение подобных военных конфликтов не являются вопросами прошедшего XX века, и что уроки истории не следует забывать.

«
Все истории записаны исследовательницами после интервью либо написаны самими женщинами и девочками (в таких случаях тексты, написанные для украинской версии публикации на русском языке, мы не переводили). Из уважения к респонденткам мы оставили оригинальную лексику и не цензурировали оценочные суждения, ведь так видят мир те, кто видели войну.

»

**РАЗДЕЛ I. О тех, кого забрала война
(рассказы о погибших,
а также истории вдов)**

*Моя матусю, я до тебе не прийшла,
Не посадила на могилці квіти...
Пробач, рідненька! Це усе війна
Весні квітуцій обламала віти.*

*27.04.2022 г.
Тамила Шевцова*

г. Буча. Эксгумация тел убитых людей из братской могилы возле церкви. Фото Дмитрия Ларина. Публикуется с разрешения интернет-издания «Украинская правда»

Кира Глодан
3 месяца, г. Одесса

23 апреля 2022 года в результате вражеского ракетного удара по Одессе погибла целая семья, три поколения женщин: бабушка Людмила и молодая мама Валерия (28 лет) с ее трехмесячной дочерью Кирой.

ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ: ЗА КИРУ

*Как вы там говорите – скорей бы мира?
Коляска через ступеньку летит по лестнице.
Девочку из Одессы назвали Кира.
Кире было три месяца.*

*В три месяца начинают держать игрушку,
Учатся переворачиваться на спинку.
В три месяца человек похож на зверушку –
Белочку или свинку.*

*Улыбается маме, уставшей от вечных стирок,
Начинает другие лица вокруг учить.
Кириня мама погибла в Одессе с Кирой,
Теперь никто не сумеет их различить.*

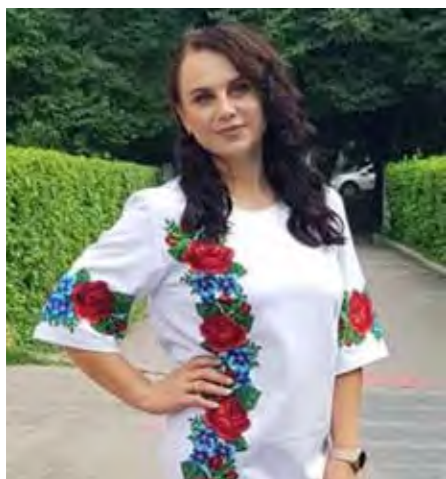
*У мамы на запястье старая фенечка,
Сказали, что защитит. Видно, обманули.
У Кире в приданом – купальник размера «феечка»,
Должна была примерить его в июле.*

*Как они там «а давай напишем им «С Пасхой вас»,
Сейчас докурю и ракетку им в тыл закину».
Жители ада выйдут, боясь испачкаться,
На дверях напишут: «За Киру».*

© Аля Хайтлина

г. Одесса. Похороны. фото Дмитрия Ларина. Публикуется с разрешения интернет-издания «Украинская правда»

Екатерина Ступницкая

26 лет, военный медик, Герой Украины (посмертно), с. Зализныця Корецкого района Волынской области (Публикуется с согласия главного редактора издания «Волынские новости» Ивана Савича)

С 2016 года сержант Екатерина Ступницкая неоднократно спасала жизнь защитников и защитниц Украины в горячих точках. Окончила Дубенский медицинский колледж. Первым местом ее работы стал ФАП в селе Даничево, затем она ушла в армию. Девушка была санитарным инструктором медицинского пункта 3-го механизированного батальона воинской части во Владимире. Несколько раз с небольшими

перерывами была на передовой, а в сентябре 2021 года снова подписала контракт.

Погибла 8 марта 2022 года. Званием Героя Украины награждена посмертно. К сожалению, она не успела выйти замуж и родить детей, но успела самое главное — спасти не одну жизнь и стать Героем.

Похоронена 12 марта в селе Зализныця Корецкого района.

Рассказ военного медика Тараса, боевого друга Екатерины

Я не помню, в каком году мы с Катей познакомились. Мы, медики, приехали на ротацию, а она как раз была в молодом пополнении. Искренняя, настроенная на позитив и ну очень боевая девушка! В 2019 году были вместе на полигоне во время показательных занятий по медицине. Девушки там отрабатывали эвакуацию раненого с поля боя. В целом по работе часто сталкивались. Всегда как медики делились всем, что имели. У нее были одни препараты, у меня другие. Так менялись, в наряды вместе ходили. У нас были хорошие дружеские отношения.

Когда Катя погибла, мы были не вместе. Она работала с танковым взводом и в тот день эвакуировала троих раненых танкистов, вывезла их «на больничку» и вернулась на поле боя. После этого враг нанес авиаудары по периметру. На помещение, которое служило медпунктом и где находилась Катя, упала или бомба, или ракета. Это был вроде как опорный пункт — медики доставляли туда раненых и, стабилизировав их состояние, отправляли в медицинские учреждения. Прямое попадание — и тот дом сложился. Ребята всю ночь разбирали завалы, надеясь найти Катю, а на рассвете увидели, что ударной волной ее отбросило от помещения метров на 30. Я не знаю, был ли у нее шанс остаться в живых, если бы ее нашли сразу... И никто не знает.

« Прямое попадание — и тот дом сложился. Ребята всю ночь разбирали завалы, надеясь найти Катю, а на рассвете увидели, что ударной волной ее отбросило от помещения метров на 30. Я не знаю, был ли у нее шанс остаться в живых, если бы ее нашли сразу... »

« Не было у нас разграничений или поблажек по половому признаку, потому что медик — существо без пола. »

У нас не только медики, но и военные из личного состава бригады до сих пор шокированы, что Катя погибла. До сих пор не можем смириться с мыслью, что ее больше нет. Лично я ее тела не видел, для меня она до сих пор жива.

Анна, 34 года

Иринка, 12 лет

Дарья, 2 года

г. Мариуполь

(Записано со слов Людмилы, 51 год, г. Запорожье.

Все имена изменены)

О трагической гибели целой семьи из Мариуполя нам поведала сестра мужа Анны. Леденящая душу история. Сначала Людмила пояснила, почему несколько лет не общалась с братом, поделилась подробностями ужасных событий, выпавших на ее долю. То, о чем рассказала Людмила,

обычно умалчивают, таят в себе, пронося через всю свою искалеченную жизнь, украинские женщины и девушки, подвергшиеся сексуальному насилию, в том числе групповому изнасилованию. О сексуальном насилии как инструменте войны сейчас пишут все медиа — рашистские изверги массово совершали такие преступления на оккупированных территориях, в частности в Буче, Бородянке и Мотыжине.

Рассказ Людмилы

Для меня война началась не 24 февраля 2022 года — она пришла в мою жизнь гораздо раньше. Мой друг пошел на фронт в 2014 году, поэтому я знала, что на тот момент бойцы, защищающие восточные рубежи страны, были фактически «голые и босые». К нам обращались за помощью воюющие близкие и знакомые. Мы покупали им обувь, одежду и все, что могли найти. Я водила автомобиль и не боялась ездить в зону АТО, лично доставляя помощь бойцам.

Последняя поездка была 28 декабря 2014 года. Мы купили ребятам обувь. Денег на берцы не хватило, поэтому приобрели рыбацкие «бурки». Это очень теплая обувь, ведь хлопцы на фронте той зимой стояли кто в кедах, кто в кроссовках.

15 января 2015 года я снова отправилась в путь с теплыми вещами и вкусной едой, но не доехала... ДНРовцы уже заметили, где я разгружала вещи, потому что ездила довольно часто. Я заехала за Мариуполь по дороге на Талаковку. Внезапно появились две машины и оттеснили меня в лесополосу. ДНРовцы думали, что я еду сразу на позиции, но ребята всегда встречали меня гораздо раньше на дороге и перегружали все в свои автомобили.

Сепаратисты вытащили меня из машины. Всего их было восьмеро: шестеро из так называемой ДНР, а двое — из РФ. Это было понятно по их произношению.

Люди в плену проводят месяцы и даже годы. Я провела минут сорок... За это время они сломали мне руку, сильно избили, выбили все зубы. Тушили об меня сигареты. Потом насиловали.

«**За это время они сломали мне руку, сильно избили, выбили все зубы. Тушили об меня сигареты. Потом насиловали... Спасал меня в Мариуполе знакомый патологоанатом... В течение года ходила сдавать анализы на СПИД.**»

Наши хлопцы знали, что ехать мне полчаса, и когда не дождались, отправились на поиски. По сути, это меня и спасло. Из тех, кто меня захватил и изнасиловал, в живых не осталось никого — все в той посадке и полегли.

Ребята уговаривали меня ехать в больницу и написать заявление, но я решила этого не делать. Спасал меня в Мариуполе знакомый патологоанатом... В течение года ходила сдавать анализы на СПИД. Сыну сказала, что попала в аварию. Дома выделила себе отдельную посуду. Я очень похудела. Через год у меня обнаружили диабет. Врач сказал, что это последствия пережитого стресса.

Некоторое время спустя, когда пришла в себя, вернулась к волонтерству — не смогла оставить бойцов без помощи.

С двоюродным братом мы вместе росли, всегда были очень дружны. Все изменилось после его женитьбы на Анне. Мы вроде и продолжали общаться, я крестила их старшую дочь Иринку. Однако с 2014 года, после начала войны, брат с Анной смотрели канал «Россия 24» и считали, что на российском телевидении говорят правду. Он даже говорил: «Мы все русские», — забыв, как рос в селе под Запорожьем у бабушки, которая и по-русски никогда не говорила. Так и жили они в Мариуполе, исповедуя «русский мир», и до последнего верили русской пропаганде, не желали прислушиваться ко мне.

Когда меня вызволили из того проклятого плена, я не хотела сразу ехать домой, поэтому позвонила брату, попросилась побыть у него несколько дней. Привезли меня к нему наши хлопцы, я лежала в бусике на носилках, потому что свою машину вести уже не могла. Однако они с женой меня даже на порог не пустили: «Ой, ты такая грязная, вся в крови! Убирайся прочь!» С тех пор общение с братом я прекратила.

Он позвонил мне после 24 февраля 2022 года. После семи лет обоюдного молчания. Сказал, что я была права, а Россия — не дружественная нам страна. Спросил, могу ли я принять его с семьей. Я живу в Запорожье, наш город не обстреливали постоянно, как Мариуполь. Конечно, я сказала, чтобы они приезжали.

Потом связь оборвалась... Я стала ездить в центры приема беженцев из Мариуполя и искать брата с семьей. Думала, может, у них телефоны разряжены или потерялись, а мой номер они не знают на память. Может, адреса не вспомнят, потому что давно у меня были. Я даже их младшую дочь не видела ни разу. Однажды, когда я снова приехала искать родных, меня узнала их соседка. Она спросила: «Ты своих ищешь?» Я ответила, что да. И тогда та женщина сказала: «Анна с девочками — в одном пакете... Где их похоронили — неизвестно».

«**Анна с девочками — в одном пакете... Где их похоронили — неизвестно». Там, где минуту назад стоял дом, зияла огромная воронка, а подвал завалило обломками. Вечером пришли гражданские и военные и начали разбирать завалы. Старенькая соседка с мужем стояли рядом — они уже немощные, помогать не могли, — поэтому опознавали погибших. Один военный посоветовал женщине писать на листках имена и фамилии опознаваемых и закрывать в банки, которые клали в мешки с телами, чтобы потом похоронить погибших по-человечески. Она сказала мне: «Я твоим в банки все положила, чтобы знали, кто они».**»

Соседка рассказала, что брат ушел и больше не вернулся. Анна с девочками его ждали. Позже они с соседями спустились в подвал дома и сидели там. Сперва Анне удавалось выходить за какой-нибудь едой, а потом все разбомбили. Продукты взять было негде. Воду тоже. Сначала умерла младшая девочка Анны и соседский мальчик, еще младенец, — от обезвоживания. Соседка с мужем пошли искать воду. Они взяли баклажки, думали хотя бы из батареи где-то слить. Едва отошли от дома, их сбил с ног страшный взрыв. Там, где минуту назад стоял дом, зияла огромная воронка, а подвал завалило обломками. Вечером пришли гражданские и военные и начали разбирать завалы. Старенькая соседка с мужем стояли рядом — они уже немощные, помогать не могли, — опознавали погибших. Один военный посоветовал женщине писать на листках имена и фамилии опознаваемых и закрывать в банки, которые клали в мешки с телами, чтобы потом похоронить погибших по-человечески. Она сказала мне: «Я твоим в банки все положила, чтобы знали, кто они».

«
Несколько дней я пыталась осознать услышанное. Каждый день мне звонил по телефону дядя — отец брата. Сложнее всего сказать семье, дяде, что его невестки и внучек, которых он так любит, уже нет в живых. Рассказать, что их троих запихали в один пакет и где-то похоронили, а где — не знаю.
»

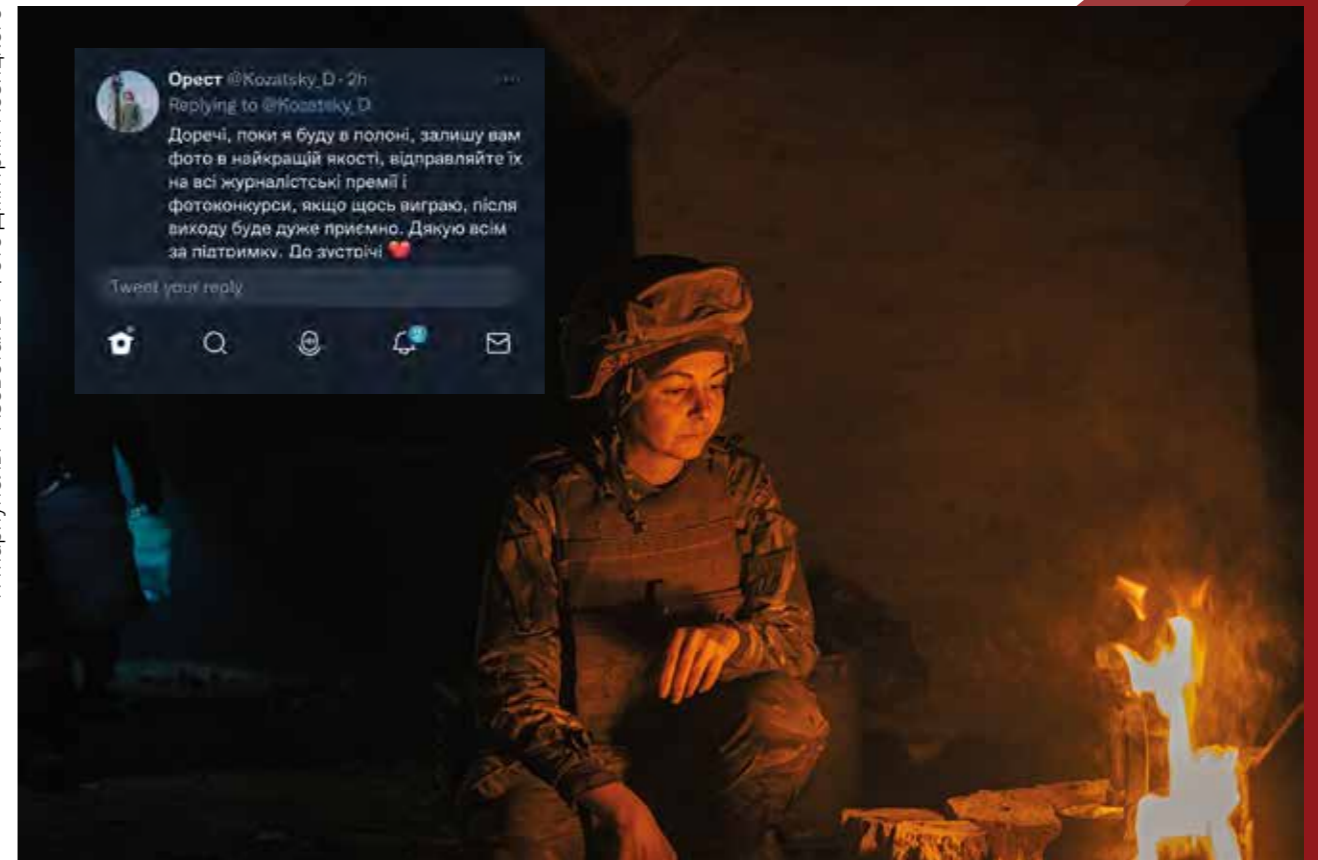
Несколько дней я пыталась осознать услышанное. Каждый день мне звонил дядя — отец брата. Сложнее всего сказать семье, дяде, что его невестки и внучек, которых он так любит, уже нет в живых. Рассказать, что их троих запихали в один пакет и где-то похоронили, а где — не знаю. Неизвестно, где его сын. Несколько дней ходила как призрак. Не знала, как правильно поступить. В конце концов позвонила отцу, подумала, лучше пусть он сам скажет своему брату, что произошло. Когда дядя узнал о судьбе родных, попал в больницу с инфарктом, а вскоре умер.

Я не знаю, жив ли мой брат. Если жив, то мне легче умереть, чем сообщить ему, что его девочек уже нет и отец тоже умер.

Сейчас мы плетем маскировочные сетки и готовим еду для бойцов. Я езжу на своей машине по базарам и магазинам за продуктами, а девчата готовят что-то домашнее, вкусное. В военкомате мне отказали — не взяли в армию из-за диабета и позвоночной грыжи.

Мой муж с первого дня на войне. Сейчас под Харьковом. Сын работает в госпитале. Он ездил в Бородянку помогать криминалистам. Говорит, что увиденные ужасы не забудет никогда в жизни. Эти изверги насилуют даже двухлетних девочек, разрывая их почти пополам.

г. Мариуполь. «Азовсталь». Фото Дмитрия Козицкого

Маргарита Чикмарева

33 года, г. Буча

(история добавлена в сборник с согласия журналистки Марины Петик и издания OBOZREVATEL, где опубликована статья)

Из интервью подруги Маргариты

В Буче рядом с церковью, где в братских могилах хоронили убитых русскими оккупантами украинцев, есть отдельная могила. Над ней стоит деревянный крест с именами погибшей семьи — Маргарита Чикмарева и ее два сына Матвей и Клим.

Часто к этому месту захоронения приходит пожилая женщина и горько плачет. Это бабушка детей, свекровь Маргариты.

Семья Чикмаревых, 33-летняя Маргарита и 43-летний Александр, родом из Донецка. Они выросли в одном селе Донецкой области. Саша старше Риты на десять лет. Долгое время не обращал на нее внимания, считал ее малолеткой.

Когда девушка окончила институт, они начали встречаться, а впоследствии поженились. У супругов родился сын Матвей. Война на Донбассе застала их, когда Матвей был еще младенцем. Когда мальчику нужно было идти в первый класс, Маргарита и Александр решили перебраться на мирную территорию.

Они оба украиноязычные, поэтому не хотели, чтобы их сын ходил в школу так называемой ДНР. Вместе с родителями Саши переехали в Бучу. Позднее у них родился еще один сын, Клим.

Отец Маргариты остался в Донецкой области, а мамы у нее не было — она умерла, когда Рита была маленькой. Девочку воспитывали отец и бабушка. После декрета Маргарита работала в Бучанском городском совете, затем в сельсовете Гостомеля, Саша же работал менеджером по продаже молочных продуктов.

Полномасштабная война застала их в Буче. Сначала никто не думал, что в городок придут русские оккупанты и будут совершать такие зверства. Потом стало поздно.

Мы с ней постоянно разговаривали по телефону. В первый день войны я позвонила Маргарите, и она сказала, что семья хотела бы уехать. Потом написала, что это уже невозможно. 4 марта Маргарита отправила сообщение, что они с детьми все же попытаются уехать. Помню, говорила им, чтобы они повесили на машину белый флаг и табличку «ДЕТИ». В их машине окна не тонированные, так что враг прекрасно видел, что в машине дети.

« **А**втомобиль расстреляли российские оккупанты. Они погибли на месте. Саша получил сильное ранение и лишился ноги... Маргарите навсегда теперь 33 года... 13 апреля младшему Климу исполнилось бы пять лет, а летом старший Матвей праздновал бы свое десятилетие. »

5 марта в 6 часов утра они выехали. Связь с ними сразу пропала. Я набирала номер Риты, но она не отвечала. Потом звонила Саше и Матвею, но в ответ — только тишина. Родные не знали, где они.

7 марта в одной из групп в Facebook папа Саши написал, что исчезла семья, и попросил помощи в поисках. Откликнулся один из волонтеров и написал, чтобы с ним связались.

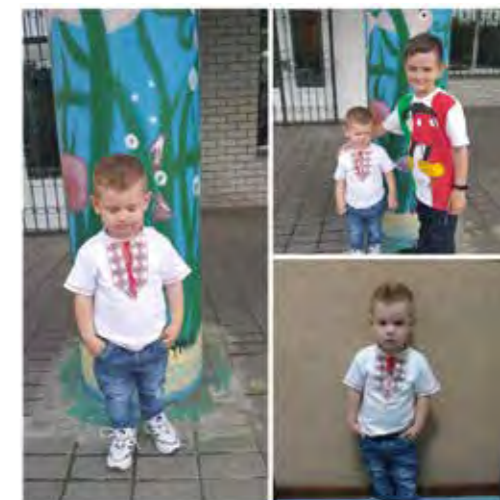
Именно он и сообщил, что автомобиль расстреляли российские оккупанты. Маргарита с детьми отъехали от дома на 800 метров. Они погибли на месте. Саша получил сильное ранение и лишился ноги. Он был в больнице, связался только с кумом и сказал ему, что у него больше нет семьи. Он и Маргарита так любили своих сыновей! Иногда я думаю: хорошо, что Рита не видела Матвея и Клим мертвыми.

Саша связался с соседями и попросил похоронить жену и детей. Несмотря на опасность, соседи исполнили его просьбу. Маму с сыновьями похоронили возле церкви.

Маргарите навсегда теперь 33 года. До дня рождения 27 марта она не дожила три недели. 13 апреля младшему Климу исполнилось бы пять лет, а летом старший Матвей праздновал бы свое десятилетие.

Матвей был очень одаренным мальчиком, учился в школе с углубленным изучением иностранных языков, хорошо знал математику и физику, писал какие-то компьютерные программы. Мальчишка был не по годам развит.

Друзья Клим никак не могут поверить, что его уже нет. Но теперь точно знают, что россияне убивают даже детей.

Ольга Сухенко

*50 лет, староста села, с. Мотыжин
(рассказывает односельчанка и родственница
Вера Балацкая)*

Речь идет о моем Мотыжине — старинном селе, первые письменные упоминания о котором содержатся еще в Ипатьевской летописи и датируются 1161 годом. О селе сохранилось немало повествований, а его древняя история увлекает, запечатленная на страницах славной и победоносной истории украинства. Мотыжин часто оказывался в эпицентре геополитических штормов, как и в нынешних жестоких событиях войны путинской России против Украины.

Facebook Последняя запись Ольги Сухенко в Facebook от 27 февраля

Дорогие жители села!
У нас в деревне чужестранная сволочь.
Будьте осторожны.
Не выходите из домов.
Сохраняйте спокойствие.

«
Односельчане избрали ее председателем сельского совета и в течение трех каденций доверяли ей управление громадой. В 2020 году Ольгу назначили старостой села. За те 16 лет село Мотыжин стало самым обустроенным селом Макаровщины.»
»

Этот рассказ — о героях и героинях Мотыжина.

Фото с похорон старосты села Ольги Сухенко, ее мужа Игоря и сына Александра публиковали украинские и мировые медиа. Их похоронили 7 апреля. Елена, дочь Сухенко, разрывалась между тремя гробами. Рыдая, падала на тело матери. Ее пытались поддерживать. Мать Ольги страшно кричала и рыдала, а потом потеряла сознание.

Их семья — одна из многих, кого замордовали и лишили жизни русские нелюди.

Их жестоко убили, хотя Господь дарует жизнь для возвращения. Сначала — своих мечтаний, потом детей, внуков. А еще для заботы — о семье, родном селе, Родине.

Спасению жизнью и посвятила свои последние дни семья Сухенко — Ольга, Игорь и их сын Александр. Когда их родное село стало для кого-то стратегически важным населенным пунктом, оказалось в оккупации рашистов, в гуще боевых действий на подступах к Киеву — настали черные времена.

Они изо всех сил заботились о селе, старались держать связь с каждым, помочь продуктами или хотя бы поддержать словом. Делали невозможное — без гуманитарных коридоров эвакуировали односельчан, которые с детьми приехали в Мотыжин из Киева, считая его безопасным местом. Александр проявлял особую храбрость, каждый раз возвращался, чтобы помочь другим.

Ольга Сухенко родилась, росла и училась в Киеве, хотя родом из Мотыжина, как и Игорь. После

ющие круглые даты совместной жизни — 30, 40, 50 лет, проводили культурные мероприятия. Ольга плодотворно сотрудничала с руководителями сельскохозяйственных предприятий — арендаторов крестьянских паев, привлекая их к участию в развитии инфраструктуры села. Особой любовью и уважением пользовалась она у стариков — с каждым выстраивала историю отношений, основанных на уважении, внимании и помощи с ее стороны.

Она была очень открытым и жизнерадостным человеком, любимой женой, любящей дочкой и мамой. Очень любила цветы — весь двор играл разными красками, словно маленький и уютный ботанический сад. Когда ее спрашивали: «Ольга Петровна, когда же вы успеете ухаживать за цветами?», она смеялась и отвечала: «С пяти до восьми утра — целая вечность».

Во время оккупации Мотыжина в селе осталось много людей, приехавших из Киева «переждать несколько дней»: молодые семьи с маленькими детьми и пожилые люди, у которых в селе дачные дома или друзья-родственники. Они приехали без запасов продовольствия, одежды, электрогенераторов. Преимущественно из-за этого семья Сухенко и не уехала из Мотыжина: остались заботиться обо всех жителях.

свадьбы они поселились в Мотыжине, где Игорь работал инженером. Ольга сначала немного проработала в детском саду, а затем несколько лет — секретарем сельского совета. Приобрела управленческий и организационный опыт, а в 2006 году односельчане избрали ее председателем сельского совета и в течение трех каденций доверяли ей управление громадой. После проведения административной реформы глава Макаровской объединенной территориальной громады в 2020 году назначил Ольгу старостой села.

За те 16 лет село Мотыжин стало самым обустроенным селом Макаровщины. Все так говорили. Сельскую школу и детский сад всем обеспечивали, больницу и дом культуры капитально отремонтировали, улицы заасфальтировали и провели освещение. В течение тех лет, когда Ольга Сухенко была председателем сельского совета и старостой села, рождались и утверждались традиции, в частности ежегодное празднование дня села на праздник Юрия/Георгия Победоносца — именно его имя носит Мотыжинская церковь. В доме культуры поздравляли старожилы села и семьи, отмеча-

Александр, сын Ольги Сухенко

С начала вторжения российские войска постоянно обстреливали село из «Градов» и танков, сразу начались мародерство и зверства. Люди на свой страх и риск стали уезжать. Сын Ольги Александр помогал жителям организовать автомобильные колонны для выезда из села. Он сообщал людям о такой возможности, собирал их и часто сопровождал в соседнюю Ясногородку, но сам всегда возвращался к родителям.

В дом семьи Сухенко оккупанты пришли с обыском. Сначала забрали автомобиль. Затем увели Ольгу с Игорем. Говорят, что хотели забрать только Ольгу, но Игорь воспротивился: «Нет! Я буду с ней!» На следующий день пришли за Александром.

С 23 марта, когда оккупанты забрали всю семью, до дня освобождения села прошло десять суток. Все это время не было никакой информации о местонахождении старосты, ее мужа и сына. Уже 24 марта я подавала информацию о захвате семьи, посылала запросы в СБУ, Генеральный штаб ВСУ, Центр гражданских свобод, Областную военную администрацию, офис Уполномоченного по правам человека, министру по вопросам реинтеграции временно оккупированных территорий Ирине Верещук. Ольгу Сухенко внесли в перечень пленных должностных лиц. Все надеялись, что ее и членов семьи обменяют. К сожалению, этого не произошло.

На следующий день после освобождения Мотыжина от российской армии зачищавшие территорию украинские военные нашли братскую могилу, куда оккупанты сбрасывали тела людей после пыток и убийств и присыпали их песком. В Игоря Сухенко, очевидно, стреляли в упор — ему снесли череп. Игоря хоронили в закрытом гробу. На теле Ольги — следы жестоких пыток. У Саши были связаны руки, живот и голова прострелены.

Нормальный человек не в состоянии понять эти зверства... Трудно представить горе и отчаяние дочери и матери...

Мотыжин не стал безопасным местом для многих приезжих и местных. Село заплатило в этой кровавой войне высокую цену — сожженные дома, разрушенная инфраструктура, человеческие страдания и загубленные жизни. В том числе жизни этой смелой семьи, которая когда-то была безгранично счастлива.

«**Н**ашли братскую могилу, куда оккупанты сбрасывали тела людей после пыток и убийств и присыпали их песком. В Игоря Сухенко, очевидно, стреляли в упор — ему снесли череп. Игоря хоронили в закрытом гробу. На теле Ольги — следы жестоких пыток. У Саши были связаны руки, живот и голова прострелены.»

с. Мотыжин. Фото Надежды Донец

Екатерина Дьяченко

*11 лет, гимнастка, г. Мариуполь
(история добавлена в сборник с согласия
журналистки Марины Петик и издания
OBOZREVATEL, где опубликована статья)*

Из интервью тренера Кати Анастасии Мещаненко

Война застала семью Дьяченко в Мариуполе. Одиннадцатилетняя юная гимнастка Катя, ее младший брат Артем, а также родители Марина и Александр не успели уехать из города до его блокады российскими войсками.

Мы ничего не знали. Сначала город не так сильно бомбили, а уже со 2 марта мы остались без связи и не понимали, что происходит. У нас ни разу за все время не срабатывала воздушная тревога, не было никаких сообщений. Мы сидели в подвалах, отрезанные от всего мира.

Никакой эвакуации не было, поскольку город начали жестоко обстреливать россияне, а «зеленых коридоров» никто не давал. Вырваться из Мариуполя могли только храбрецы на легковых автомобилях. Я сама так уехала из города под обстрелами из «Градов». Только с Божьей помощью осталась жива.

На последней тренировке перед войной мы с Катей ставили новую программу с обручем, готовились к выступлению на «Кубке Дерюгиных». Последнее, что мне тогда сказала Катя: «Спасибо за тренировку». Мы должны увидеться буквально на следующий день, но началась война.

Катюша впервые пришла ко мне на занятия два года назад. До этого она уже занималась гимнастикой, но у другого тренера. Это была очень светлая девочка, искренняя. Не по годам развита, умна. Ее все любили, а малыши обожали. Она была очень перспективной гимнасткой, я всегда говорила, что станет тренером и сможет воспитать олимпийских чемпионки. Она всегда на соревнованиях выступала так, будто это Олимпийские игры, эмоционально, ярко, с высоко поднятой головой, я называла ее «звезда моя».

«**Р**оссийская бомба попала в дом, где жила семья Кати. Там обрушились плиты с 9-го по 6-й этажи. На глазах у мамы стена упала на Катю и ее отца. Они оба погибли на месте.»

10 марта российская бомба попала в дом, где жила семья Кати. Там обрушились плиты с 9-го по 6-й этажи. На глазах у мамы стена упала на Катю и ее отца. Они оба погибли на месте.

Маму и младшего брата удалось спасти, их отвезли в мариупольскую больницу №3. Однако вскоре оккупанты разбомбили это медицинское учреждение. Связь с Мариной и Артемом пропала.

У нас до сих пор теплится надежда, что они смогли спастись. Мы просматриваем списки эвакуированных, но пока их там не обнаружили. Однако сейчас россияне принудительно вывозят оставшихся в живых мариупольцев в Донецк. Данных об этих людях у нас нет. Но мы продолжаем надеяться, что Марина и Артем живы.

После «Кубка Дерюгиных» Катя собиралась уехать на выступления в Испанию. Но русские агрессоры отняли у девочки не только ее мечту, но и жизнь. Как и жизнь сотен украинских детей, погибающих сейчас от российских бомб и ракет.

Когда мы обратились к журналистке Марине Петик за разрешением на публикацию статьи, она сообщила, что мама и брат Кати живы и находятся в безопасности.

«**П**осле «Кубка Дерюгиных» Катя собиралась уехать на выступления в Испанию. Но русские агрессоры отняли у девочки не только ее мечту, но и жизнь. Как и жизнь сотен украинских детей, погибающих сейчас от российских бомб и ракет.»

Татьяна Котлубей

*20 лет, г. Мариуполь
(записано со слов ее отца Евгения Котлубея)*

Моя дочь не дожила всего несколько дней до своего 21 дня рождения, погибла в Мариуполе.

Татьяна — моя самая старшая дочь от первого брака. С ее мамой Оксаной мы развелись, когда дочь была еще совсем маленькая, однако связь между нами оставалась. Она очень переживала за свою маму. Росла умницей. Такая крохотная, черноволосая, очень ловкая. Сдала ВНО на высокий балл и могла бы поступить в любой вуз Украины, однако решила

остаться в Мариуполе, рядом с мамой. Иностранские языки давались ей легко, как и история с математикой. В последние годы мы ходили вместе на концерты, в кино, на митинги за Украину.

Накануне войны она очень боялась. Я даже подтрунивал над ней и говорил, что это бред, но все же предложил выехать в Киев. Вот этот ее страх... я не могу себе простить, что не воспринял его серьезно. Она очень боялась.

В начале марта, когда в Мариуполе пропали связь и электроэнергия, стало ясно, что медлить больше нельзя. Я поехал на улицу Куприна, там напротив, по прямой, оптовый рынок. Таня с мамой уже ждали меня там с «тревожными чемоданчиками». Таня воскликнула: «Папа! Ты приехал!»

Я забрал их и спросил, куда отвезти: на улицу Metallургов к матери Татьяны на квартиру или на улицу Куинджи к родственникам в частный дом. Сказали, что на Куиндже, туда я их и отвез. А потом... Потом начались обстрелы. Двоих дочерей от второго брака (одной тринадцать, другой три года) отвез к куму, также позаботился о себе и о двух матерях — своей и теще. Уже 15 марта появилась информация, что можно уехать из города. Я посадил всех в машину, и мы выехали в Бердянск. Только там начал искать сведения о Тане, хотел забрать и ее. Но... друзья сообщили, что еще 11 марта в дом, где они жили, попал снаряд... Прислали также фотографию.

В это было тяжело поверить...

«**Накануне войны она очень боялась. Я даже подтрунивал над ней и говорил, что это бред, но все же предложил выехать в Киев. Вот этот ее страх... я не могу себе простить, что не воспринял его серьезно. Она очень боялась.**

У Тани был любимый. Его начальник позвонил мне, чтобы я уговорил парня уехать из Мариуполя. Дмитрий отказался и остался в городе, чтобы найти Танечку, свою любимую. Он пришел к разрушенному дому, раскапывал руины руками. Потом позвонил мне: «Там много тел. Я вижу ее волосы. Можно, я буду вам звонить? Потому что вы — единственное, что у меня осталось от нее».

Он вытащил тело моей Танечки, отнес на кладбище, похоронил и поставил крест. Ее тело уже не сожгут в мобильных крематориях. Сказал, что других ему вытащить не удастся. Добавил, что будет вместе со своей семьей вырываться из Мариуполя. В том подвале на стене написал имена Таниной мамы, бабушки, тети, тела которых там остались. Дмитрий постоянно плачет, но все же он сделал то, что должен был сделать для дочери я.

Корю себя, что не воспринял ее страхи всерьез. Она очень боялась войны. Теперь ее нет... 11.03.2022. В этот день она умерла.

«**У Тани был любимый... Он пришел к разрушенному дому, раскапывал руины руками... Он вытащил тело моей Танечки, отнес на кладбище, похоронил и поставил крест. Ее тело уже не сожгут в мобильных крематориях... Дмитрий постоянно плачет, но все же он сделал то, что должен был сделать для дочери я.**

Марина Калабина

39 лет, врач-анестезиолог Центра детской кардиологии и кардиохирургии, г. Киев (история добавлена в сборник с согласия журналистки Марины Петик и издания OBOZREVATEL, где опубликована статья)

«Она была прекрасным, ласковым, скромным, исключительным врачом. Всю себя отдавала работе. Очень любила новорожденных, старалась сделать все для их спасения. В последнее время даже переживала, что больше приходится работать со старшими детьми. Неонатология была ее призванием», — говорит о женщине заведующая отделением Руслана Калашникова.

Из интервью родственницы погибшей и ее коллеги

1 марта Марина и ее брат с женой выехали из Киева за 14-летним племянником Арсением в село Кухари Иванковского района. Мальчик был в деревне у бабушки с дедушкой, когда началась война. Вскоре туда зашли российские оккупанты, поэтому в районе уже несколько дней продолжались обстрелы. Они лупили из «Градов» и стреляли из танков, их вертолеты постоянно залетали со стороны Беларуси, уничтожая все вокруг. Вскоре взорвали водонапорную башню.

Один вражеский танк встал на огороде у дома бабушки и дедушки Арсения. Так оккупанты пытаются прикрываться мирным населением.

Во время обстрелов Арсений был тяжело ранен в затылок. Мальчик находился в доме, его родные начали организовывать эвакуацию.

Марина пыталась обеспечить автомобиль из «Охматдета», но не получилось, поэтому она взяла с собой медикаменты и вместе с родителями ребенка на двух машинах выехала в Кухари.

Пока ехали, мальчик умер, однако они решили забрать тело ребенка домой, чтобы похоронить по-человечески. На подъезде к блокпосту российские военные в упор расстреляли их машины. Авто Марины разлетелось на куски. Она погибла. Ее брат получил ранение, но все же выехал из-под обстрела, вывез тело ребенка и похоронил. Тело Марины остается в машине на блокпосте, его невозможно забрать — большой риск гибели. Родные говорят, что будут ждать, потому что не хотят новых жертв. В Центре детской кардиологии и кардиохирургии, где работала Марина, не могут опомниться от этой трагедии.

«**В** Центре детской кардиологии и кардиохирургии, где работала Марина, не могут опомниться от этой трагедии. На подъезде к блокпосту российские военные в упор расстреляли их машины. Авто Марины разлетелось на куски. Она погибла. Ее брат получил ранение, но все же выехал из-под обстрела, вывез тело ребенка и похоронил. Тело Марины остается в машине на блокпосте, его невозможно вынести — большой риск гибели. Родные говорят, что будут ждать, потому что не хотят новых жертв.

Надежда Гончаренко

67 лет, учительница, с. Микуличи Бучанского района

(история записана со слов ее подруги и коллеги Надежды Николаевны Зубец)

Надя – инженер-технолог, окончила институт пищевой промышленности. По специальности работала недолго, всего несколько лет на предприятии в Киеве. После переезда в село устроилась работать в школу в Микуличах, где и трудилась почти тридцать лет.

В школе Надя сначала была пионервожатой, затем начала преподавать трудовое обучение. Учила работать на станках,

шить, вязать, готовить. Преподавала также черчение и рисование. На стенах в школе всегда висели плакаты, нарисованные и оформленные Надеждой. Она готовила детей к различным творческим конкурсам. Работы ее учащихся украшали все классы. Мне кажется, что Надя и ее любовь и равнодушие к своей работе и детям делали школу более приветливой, яркой и душевной.

Я всегда думала, что Надежда умеет все. Она была многогранна. Разбиралась в точных науках, хорошо пела и танцевала, вязала, шила, рисовала и выпекала невероятные торты. Кроме того, была еще и медсестрой-самоучкой – помогала людям на улице, где жила: кому нужно сделать укол или поставить капельницу, а кому – клизму. Никому ни в чем не отказывала.

Надежда очень любила театр – не пропускала в театре имени Ивана Франко ни одного представления. Ездил на концерты и на балет. Очень любила жизнь... Строила планы на будущее...

Она рано стала вдовой, поэтому растила двух сыновей, по сути, самостоятельно. Почти в шестьдесят лет Надя вышла на пенсию. Хотела посвятить время семье, внукам, но отдыхать дома не смогла. Сыновья перестраивали дом – делали его больше и комфортнее. Конечно, строительство требует больших денег, поэтому Надя хотела как-то помочь. Именно поэтому через два года после выхода на пенсию устроилась поваром в частный садик в г. Буча.

В последние пять месяцев нас снова свела судьба. Я пошла в этот самый садик работать воспитателем. Ее очень все любили... И я видела, как ошеломила родителей, детей и работников садика новость о том, что Нади не стало.

Оккупанты пришли в мое село Немешаево 27 февраля – на третий день с начала войны. Я из-под обстрелов вырвалась 6 марта, а Надя и ее сыновья с семьями остались в соседнем селе Микуличи. Старшего сына Надежды ранили, когда он с другими соседями после обстрела оккупантов пытался потушить пожар в доме друзей по соседству. Четыре осколочных ранения. Надя его лечила.

Нелюди расстреливали бегущих на помощь. Один мужчина постарше закрыл своим телом молодых. Он тоже скончался от ранений.

Улица Старосельская, на которой жила Надежда с семьей, расположена недалеко от леса. Она крайняя в деревне, пролегает через наивысшую точку местности, поэтому оккупанты обосновались там, обстреливая Бучу, Гостомель, Ворзель и Ирпень. Под лесом на небольшом холме россияне организовали военный плацдарм – разместили «Грады», танки, зенитки. Когда они возвращались через село на свои позиции, то просто обстреливали дома и машины мирных жителей.

11 марта я узнала, что можно вырваться из Микуличей, поэтому сразу позвонила Наде, чтобы сообщить, по какой дороге лучше ехать. Старший сын с семьей вырвались, а Надя осталась. Она говорила: «Мне 67 лет. Я уже пожилой человек. Если придут меня грабить, то отдам все, что им нужно. Кому я нужна?» Мы еще не знали тогда о зверствах российских оккупантов в пригородах Киева. Думаю, она осталась еще и потому, что ее сыновья занимались ремонтом автомобилей и во дворе стояли с пять чужих машин.

«**Через пять часов мне позвонила коллега со словами: «Надежды нет! Ее нашли во дворе застреленной». Соседка зашла к ней через огород и увидела, что Надя лежит во дворе лицом вверх с раскинутыми руками и простреленной головой. В тот день рашисты зверствовали, ходили по селу и убивали людей.**»

Я ежедневно звонила Наде – узнать, как она, как дела в селе, не поврежден ли недавно построенный дом моей дочери (Наде его было видно из окон второго этажа).

27 марта удалось ей дозвониться, я услышала «Алло» – и связь прервалась. Я будто что-то предчувствовала. Позвонила по телефону ее младшему сыну, который не уехал из Микуличей и жил недалеко от Надежды. Он сказал, что только что говорил с мамой и все хорошо. Через пять часов мне позвонила коллега со словами: «Надежды нет! Ее нашли во дворе застреленной». Соседка зашла к ней через огород и увидела, что Надя лежит во дворе лицом вверх с раскинутыми руками и простреленной головой. В тот день рашисты зверствовали, ходили по селу и убивали людей.

Возможности попасть на кладбище не было. Надежду похоронили в садике в гробу, который купили в соседнем ритуальном магазине. После освобождения от оккупантов сыновья похоронили маму на кладбище.

Она говорила: «Я поработаю еще немного и уйду на пенсию». Она пережила всю оккупацию. Все выдержала. А за четыре дня до освобождения села ее застрелил изверг сквозь щель в заборе ради развлечения или от злости. Никто уже не узнает... Моего близкого человека больше нет!

Илона Анатольевна Куровская

45 лет, ученая, доктор юридических наук, волонтерка, г. Киев (по рассказам коллег)

«В 1988 году, еще до провозглашения независимости Украины, она нашла дома сине-желтые ленты и вплела их себе в волосы. Я работала в райисполкоме. Меня вызвали и спросили, знаю ли я, что учудила моя дочь. Я попросила снять их, а она ответила: «Ни за что», — рассказала мама Илоны Куровской Ирина Эдуардовна.

Эта история лучше всего характеризует Илону. Активная, искренняя, преданная Родине. Такой она навсегда останется в памяти родных, знакомых и коллег.

Ее боевой побратим Андрей вспоминает Илону с нескрываемым восхищением. Они познакомились 24 февраля, в первый день полномасштабной войны. Илона навсегда запомнилась ему своей смелостью и умом. «Она была очень красивой, хрупкой женщиной, которая могла сама и дом построить, и картину написать. Я благодарен Богу и судьбе за возможность узнать такого человека. Женщина-патриот и Герой нашей Родины!» По словам Андрея, Илона сразу взялась организовывать желающих присоединиться к местной терробороне родного села Клавдиево-Тарасово для противодействия мародерству и выявления диверсионно-разведывательных групп. Штаб Илона создала в собственном доме. Она делала то, на что другие не решались.

«Как я могу покинуть свое родное Клавдиево! Если я что-то могу сделать для своего села и Украины, то должна это сделать», — говорила она друзьям.

Рискуя жизнью, Илона выезжала с оккупированной территории в Киев за военной и гуманитарной помощью. Ей удавалось совершать практически невозможное. Так, через рашистские блокпосты Илона доставила в местную терроборону квадрокоптеры, автоматы АК-74, рации, а также продукты и лекарства для односельчан.

Андрей рассказывает, что последний выезд 21 марта был решающим. Тогда Илона везла продовольственную, медицинскую и в то время крайне необходимую военную помощь — спутниковую связь с мощным дроном для дальнейшего выявления и передачи по

«**Как я могу покинуть свое родное Клавдиево! Если я что-то могу сделать для своего села и Украины, то должна это сделать».**

Рискуя жизнью, Илона выезжала с оккупированной территории в Киев за военной и гуманитарной помощью. Ей удавалось совершать практически невозможное.

безопасному каналу координат врага украинским защитникам. «Она фактически спасла от разгрома наш поселок. Ребята летали дронами, проводили аэроразведку, а она посылала данные», — рассказывает ее мать. Илона презирала войну, говорила, что она приносит только ужас и смерть. Однако считала ее неизбежной и необходимой для возрождения Украины как нации.

В ходе очередной волонтерской миссии 24 марта Илона Куровская погибла. Автомобиль подорвался на противотанковой mine, заложенной русскими нелюдьми на полевой дороге между оккупированными поселками Озерщина и Андреевка. В машине вместе с ней были еще двое мужчин — одноклассник-дальнобойщик и молодой парень, прошедший АТО. Выжить не посчастливилось никому.

«Последнюю неделю она будто чувствовала: что-то случится. Когда читала, просила меня: «Мамочка, приляг возле меня, хоть ненадолго», — вспоминает мать погибшей.

За свою короткую жизнь Илона Куровская успела немало: занимала должности заместителя председателя Бориспольской районной государственной администрации, и.о. председателя и заместителя председателя Переяслав-Хмельницкой районной государственной администрации (Киевская область). Она посвятила себя науке, плодотворно сотрудничала с Национальной академией СБУ. Летом 2021 года защитила диссертацию и получила ученую степень доктора юридических наук; соответствующий диплом ей выдали лишь в феврале.

У нее было много профессиональных и жизненных планов, которым война, к сожалению, не дала осуществиться... Она обожала читать, в основном художественную, историческую и страноведческую литературу. Несколько лет назад ее личная библиотека насчитывала около 9 тысяч книг.

Любила рисовать, прекрасно пела, ходила в студию звукозаписи, занималась бальными танцами и отлично готовила. А еще Илона обожала животных: у нее было семь собак.

В память о героических подвигах Илоны Куровской односельчане выступили с инициативой подать ее кандидатуру на присвоение (посмертно) звания «Герой Украины» — высшей степени отличия за мужество и отвагу, героизм и самопожертвование, за самоотверженные действия во время защиты государства от вооруженной агрессии российской федерации.

«Теперь, когда я молюсь, не к Богу обращаюсь, а к ней», — делится сокровенным ее мама. Светлая и вечная память Илоне Куровской... Ведь Герои не умирают!

«**Она фактически спасла от разгрома наш поселок. Ребята летали дронами, проводили аэроразведку, а она посылала данные... Последнюю неделю она будто чувствовала: что-то случится. Когда читала, просила меня: «Мамочка, приляг возле меня, хоть ненадолго», — вспоминает мать погибшей.**

Рассказ Ольги Стефанишиной

38 лет, народного депутата Верховной Рады IX созыва от политической партии «Голос», вдовы, г. Киев

Он всегда говорил, что на первом месте у него Украина. За нее он и погиб, выполняя боевое задание по спасению гражданских людей в Чернигове. Мой любимый муж Богдан Стефанишин, солдат, убитый российским снарядом 30 марта 2022 года.

Это были не просто слова. Он с детства перенял это понимание от своего папы Евгения, который всю свою жизнь ненавидел москалей и очень любил Украину. Богдан родом

из Коломьи, его папа и мама были членами УПА. Отца Евгения (деда Богдана) убили чекисты. Его жена Стефа ночью забрала тело мужа, чтобы его похоронить. Она уже тогда была беременна маленьким Евгением, но тащила тело своего любимого вдоль реки Прут, потому что не могла оставить его гнить прямо в братской могиле.

После этого Стефу отправили в концлагерь, а ее маленького сына Евгения с бабушкой и дедушкой — в Сибирь. Хотя семье удалось воссоединиться в родной Коломье много лет спустя, душевные раны от советской власти остались на всю жизнь. Отец Богдана сжег все документы, свидетельствовавшие о пребывании их семьи в советских лагерях, таким образом стремился спасти своих детей от геноцида со стороны российской власти. Не спас.

Я чувствовала приближение войны. Поэтому накануне вторжения мы отправили дочерей — Владу и Валерию — из Украины к их крестной матери. «Лучше мы все потом повспоминаем, какая ваша мама истеричка, — шутила тогда в поезде. — Если война все же не начнется, то вы ненадолго проведаете крестную, а потом вернетесь домой».

К сожалению, мои предчувствия сбылись. Но самое страшное, что мне так и не удалось уберечь своих детей от наибольшего ужаса войны — потери самого дорогого человека, любимого отца Богдана.

24 февраля я проснулась ночью. Открыла глаза с мыслью, что нужно срочно посмотреть новости. А там — «путин напал на Украину. Война началась». Мне сразу позвонила сестра Богдана, я вышла в другую комнату, чтобы не разбудить его, но в окно уже все было видно и слышно: Киев и пригород начали бомбить. Он сразу отвез меня на работу в Верховную Раду, ведь мы должны были объявить военное положение в зале Парламента, а сам поехал в военкомат — встать в строй обороны Киева. Он всегда говорил, что пойдет воевать за Украину, если потребуется. И сделал это.

Через несколько дней каждый из нас уже делал то, что мог во время войны, — приближал нашу страну к победе. Богдан был в одном из подразделений Киевской ТрО, а я — в Парламенте, а также

занималась волонтерством, помогала больницам: вместе с другими волонтерами мы искали и развозили по медучреждениям Киева продукты питания. Люди бесплатно раздавали запасы пищевых продуктов со своих складов: тонны блинов, вареников, курятины, воды... Благодаря огромной сети знакомых и желанию каждого приобщиться и помочь мы делали действительно невероятные вещи. Когда обеспечение больниц наладилось, мы вместе с Фондом «Пациенты Украины», где я работала до политической карьеры, основали медицинский штаб. Работы было безумно много, ведь больницы нуждались во всем, что помогло бы спасти раненых и тяжелобольных.

Волонтеры закупали лекарства и медицинские изделия, искали деньги, поставщиков лекарств и волонтеров, которые могли бы отвезти медикаменты, в частности, в горячие точки — Харьков, Чернигов, Сумы. Эти города нуждались в лекарствах больше всего. Наша работа немного отвлекала от сирен и постоянных звуков взрывов вдаль, хотя я жила в более-менее безопасном районе Киева.

«**В**ражеский снаряд попал в обоих, Настю и Богдана, сжег их заживо за долю секунды. Их друг Алексей вскоре скончался от осколочных ранений.»

«**Я** все время волновалась за жизнь мужа. Собственно, и за свою тоже. Не потому, что страшно умирать. Страшно представлять две пары глаз наших дочерей Леры и Влады, которые узнают ужасную новость — что кто-то из родителей погиб.»

Почти еженедельно проходили заседания Верховной Рады Украины. Мы голосовали за важные для военного времени законы, но самое главное — демонстрировали украинцам, что депутаты в Киеве и работают. Так же, как Правительство и Президент. Сами заседания до последнего держались в секрете из соображений безопасности. Все понимали: придурковатый путин может сделать, что ему вздумается, например демонстративно разбомбить Верховную Раду Украины. Было жутко.

Я все время волновалась за жизнь мужа. Собственно, и за свою тоже. Не потому, что страшно умирать. Страшно представлять две пары глаз наших дочерей Леры и Влады, которые узнают ужасную новость — что кто-то из родителей погиб. Однако я всегда надеялась, что беда минует нашу семью. Увы...

30 марта в шесть утра мой муж Богдан с несколькими побратимами уехали под Чернигов вывозить оттуда гражданское население, спасать людей, оказавшихся в руках зверей-оккупантов. По сути, они делали то, что должны были делать международные организации вроде Красного Креста под миротворческими флагами и на спецтранспорте. Вместо них эту задачу выполняли смелые украинцы, рискующие жизнью ради спасения других. Такие, как мой муж Богдан. Он просто не мог по-другому, потому что стремился помогать людям там, где в этом больше всего нуждались. За все время он с побратимами спас от захватчиков около 150 человек.

В тот день их колонна получила разрешение на проезд, и они начали операцию. Согласно плану, они должны были по очереди перевозить людей из Чернигова в автобусы, стоявшие в маленьком селе Еньков. Они должны были перевезти в Чернигов Настю — девушку, решившую вернуться домой к любимому мужчине. Вражеский снаряд попал в них двоих, Настю и Богдана, сжег их заживо за долю секунды. Их друг Алексей вскоре скончался от осколочных ранений. Остальные участники колонны выжили. Вражеский снаряд сбросили на спасательную колонну с помощью дрона благодаря корректировке ДРГ. Их всех, а также выродков, запустивших снаряд, уничтожили на следующий день.

На самом деле это меня не успокаивает...

На примере одной семьи, Стефанишиных из Коломыи, становится очевидно, что история повторяется. Кровавые расправы, убийства и пытки невинных людей: россия поступает так с Украиной на протяжении веков. Менее ста лет назад свою жизнь за Украину отдал дед Богдана, а ныне он сам погиб от рук рашистов. Несмотря на все попытки его отца защитить сына. Несмотря на все мои попытки уберечь нашу семью от горя. Я очень хочу, чтобы мои внуки, дети моих дочерей Леры и Влады, никогда больше не встретились с войной. Мечтаю, чтобы жили в преуспевающей и успешной независимой Украине. Для этого мало уничтожить преступников, развязавших и ведущих против нас эту кровавую войну. Мало их судить, мало пытать. Ибо нет в мире такого ада, где они искупили бы все грехи, все преступления, совершенные менее чем за два месяца этой кровавой войны. За столетия издевательств над нашим государством. Нужно, чтобы такого государства, как Россия, не существовало совсем. Чтобы эта страна просто распалась, а нелюди-москаль прозябали в своих маленьких губерниях без средств к существованию. Чтобы в конце концов исчезли с лица земли!

« **История повторяется. Кровавые расправы, убийства и пытки невинных людей: россия поступает так с Украиной на протяжении веков. Менее ста лет назад свою жизнь за Украину отдал дед Богдана, а ныне он сам погиб от рук рашистов.** »

г. Бородянка. фото © Oleg Veremienko

РАЗДЕЛ II. Дети войны

*Ліворуч, праворуч одна за одною гине
Ні в чому не винний дорослий, дитина.
Ліворуч, праворуч ці трикляті тривоги!
Лише чутно сирену, підгинаються ноги.*

*Ми молимо – відкрийте вже нарешті очі!
Чи ви досі вбивати усіх навкруги охочі?
Мовчанням своїм і не звертаючи уваги
На вбивства, крадіжки, України відвагу?*

*Панує жорстокість, ненависть та страх.
Люди страждають у окупованих містах,
Втрачають у справедливості світу віру...
І це ви намагаєтесь назвати «миром»?!*

Олена Власенко, 13 р.

г. Львов. Акция «109 детских колясок – по количеству погибших детей». 18.03.2022. Фото Роман Валук

Лера

9 лет, Киев

(текст поста Елены Винницкой в Facebook, опубликован с разрешения автора)

Как теперь с этим жить?

Глаза девятилетней девочки, еще не осознающей, из какого ада она вырвалась невредимой... Этот взгляд останется со мной навсегда...

Нас называют волонтерами. Люди разных профессий, разного социального статуса, занимающиеся разными видами деятельности. В мирное время у нас была разная жизнь, но сейчас нас объединило общее дело — помощь людям,

пострадавшим от войны, помощь армии и ТрО на передовой.

В тот день мы с «боевым» товарищем Толиком поехали развозить гуманитарную помощь по селам, освобожденным от российской нечисти. Встретившись с председателем Копыловской громады и уточнив потребности в продуктах питания и средствах гигиены, мы узнали, что нужды в памперсах и детском питании нет, поскольку в селе не осталось детей. К счастью, их всех успели увезти. Была одна девятилетняя девочка, которую жителям села привезли орки. Мы заинтересовались. После недолгих сомнений местные согласились отвезти нас к девочке, чтобы мы лично передали ей мягкие игрушки и вкусности.

Как только подъехали к дому, нас обступили местные и предупредили, что родителей девочки расстреляли, родная сестра пропала без вести месяц назад, но она об этом не знает. Они оберегали ее от ужасных известий. Мы тоже не собирались огорчать ребенка такими новостями, хотелось лишь подарить девочке пару приятных минут в нелегкое для нее время.

Мы несколько минут подождали — и к нам вышла Лера с местной бабушкой. Улыбнулась, подошла ближе. Еле обхватила руками все, что мы ей привезли. Стеснялась от непривычного для нее внимания и улыбалась.

Сначала мы спросили, спокойно ли ей здесь, чем она занимается, что ей привезти в следующий раз. Она рассказывала, а мне стало так не по себе, я смотрела на эту улыбающуюся девочку и видела огромную тень горя, о котором она еще не знает.

Она рассказывала о школе, о своей собачке, которая сейчас с ней, а потом сказала, что хотела бы показать мне фотки, но телефон остался в ее рюкзаке в машине мамы. Немного помолчав, она продолжила.

«Рюкзак мой остался, я его забыла. Да вообще не думала про рюкзак. Мне сапог прострелили, даже кофту. Они в маму попали. В меня не попали. Она кричала: "Не стреляйте, здесь дети". Я пригнулась, как папа учил. Но они стреляли и попали в маму.

А вот сначала оно так было. Утром что-то сильно бахнуло и мы проснулись. Я не понимала, что происходит, и мне никто ничего не говорил. Мои мама и папа что-то знали, но нам с сестрой не говорили. У меня сестра есть, Арина. А потом папа сказал, что мы едем на дачу. У нас дача в Севериновке. Я спросила, что происходит вообще. Подошел папа и сказал, что в мире есть такая штука, как война, и теперь она пришла к нам. Мы уехали и несколько дней пробыли на даче. Но там было неспокойно,

там где-то стреляли, мы слышали. А потом папа сказал, что мы сейчас едем к бабушке с дедушкой в Умань, там спокойно и не стреляют. Папа сказал, что нужно будет пригнуться и не выглядывать в окна, когда нам скажут. Лечь и не подниматься. Я сидела в машине с мамой, а Арина ехала с папой.

Ну еще крестные, а еще два кота и две собаки с нами ехали. И моя собачка Лаки с нами ехала. Мы выехали на дорогу, не знаю, как называется, но по дороге ехали, а по нам начали стрелять, мама кричала, я хотела посмотреть, что там, а потом мы остановились, я позвала маму, но она сидела. И кровь у нее была. Я взяла ее телефон, чтоб скорую вызвать, но там стоял пароль. Я сказала маме, чтобы она пароль ввела, она начала бледнеть и вот так пальцем [показывает неуверенные движения рукой. — прим. ред.] ввела пароль. Я не смогла позвонить и пошла по дороге искать помощь. Там танки ездили, я спряталась. Потом к маме опять пошла, она начала бледнеть. Я ходила в разные стороны долго, наверное, часа три-четыре, и увидела папину машину. Посмотрела на папу, а он такой сидел и вот такой глаз уже у него был [прикрывает глаз рукой. — прим. ред.] Там еще Арина сидела. Я ей говорю: "Давай прятаться, тут кацапы ездят на танках". А она говорит: "У меня нога прострелена вот тут [показывает на бедро. — прим. ред.]". Я смотрю, а там пузырь такой страшный.

Я спрашиваю: "Ты ползти можешь? Нужно спрятаться". А потом подъехали на танках и нас забрали. Кацапы на танках были. Меня в один танк, Арину в другой. И бабушке отдали меня. Я тут даже посуду научилась мыть, салат готовить. А вот эти подснежники не тут выросли. Мы их в лесу нашли и тут посадили».

Лера провела нам с Толиком небольшую экскурсию и показала, какие траншеи вырыли орки на соседнем участке, где стоял их танк и станция. Повела на место, где еще недавно был домик соседей, показала следы от кацапских пуль в стене бабушкиного дома, выбитые стекла в комнатах. Рассказала, что видела, как горел рашистский танк, а тетя Валя и дядя Саша тушили горящее поле. Пожар ведь был!

Мы слушали. На Толика было больно смотреть. На Леру — еще больнее.

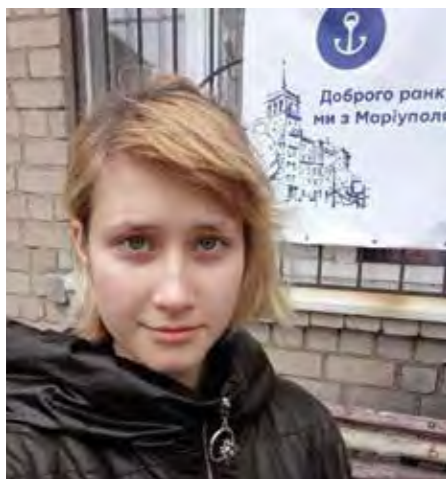
Рядом с ней я слегка улыбалась... чтобы не заплакать...

Это одна из самых тяжелых историй за время моего волонтерства. Больше всего ужасает, что осознание случившегося у этого ребенка еще впереди.

Мы уехали с тяжелым сердцем и почти всю дорогу молчали. Даже заблудились по дороге домой, настолько были поражены и растеряны. Каждый думал о своем. О том, что эта история не единственная. Сколько подобных историй мы еще услышим... Сейчас я снова увидела безобразное лицо войны: преступной войны на истребление. С теми нелюдьми, которые до недавних пор называли себя братским народом.

«
П о нам начали стрелять, мама кричала, я хотела посмотреть, что там, а потом мы остановились, я позвала маму, но она сидела. И кровь у нее была. Я взяла ее телефон, чтоб скорую вызвать, но там стоял пароль. Я сказала маме, чтоб она пароль ввела, она начала бледнеть и вот так пальцем ввела пароль. Я не смогла позвонить и пошла по дороге искать помощь. Там танки ездили, я спряталась. Потом к маме опять пошла, она начала бледнеть.»

Мария Вдовиченко

*17 лет, г. Мариуполь
(история добавлена в сборник с согласия
журналистки Олеси Биды и сайта Hromadske,
где опубликована статья)*

24 февраля в 03:50 мама услышала первый взрыв, забежала к нам с младшей сестрой в комнату и громко сказала самые страшные слова: «Началась война. Собираемся!» Куда? Как? Мы быстро растолкали в сумки теплую одежду и что-то из еды. Думали, сможем уехать. Но не удалось — город закрыли.

Тогда начался настоящий кошмар. Люди выбегали из домов, пытаюсь скупить все, снять наличные деньги, заправить

автомобили. А вокруг раздавались взрывы.

В полдень наш дом уже ходил ходуном. В какой подвал бежать? Я позвонила председателю ОСМД и спросила, где нам прятаться. Мне ответили, мол, «наш подвал на это не рассчитан, потому что там окна, ремонт, поэтому туда нельзя».

Мы не делали больших запасов пищи и воды, потому что думали, что это будет продолжаться дня три-четыре. Через два дня после начала войны пропали связь, вода и свет. Затем не стало газа.

Все это время Мариуполь обстреливали: разрушали левый берег города, до Приморского района доходили взрывные волны. Все грохотало.

Мы завесили окна в квартире, вставили между ними поролон. Думали, это может нас защитить.

Прятаться решили в ванной: как только слышали какой-то шум, шорох или взрыв, бежали сразу в ванную. Постепенно это надоело. Таяла надежда, что все закончится, что нас спасут. В конце концов, что означает ванна в обыкновенной хрущевке?

Однажды утром, уже не вспомню точную дату, наша семья лежала в одной комнате. Чувствовали, как вокруг все ходит ходуном, как что-то упало в соседней комнате, но мы лежали и думали: «Нет, это где-то далеко, мы в это не верим». Вдруг земля содрогнулась, а дом словно подскочил. Мы быстренько закрылись в ванной. Потом всего на несколько секунд, но невероятно долгих, повисла зловещая тишина... и через мгновение взрывная волна пронизала все донизу. Верхние этажи дома просто сложились. Падали куски бетона, мебель, шифер с крыши, летело стекло. Повсюду кричали люди.

Нам посчастливилось выбраться из дома, отец приказал быстро идти в первый попавшийся подвал.

Вокруг лед, стекло, шум, выстрелы, а мы бежим и думаем: «Хоть бы была лестница в подвал, хоть бы спуститься, хоть бы нас не придавило плитой».

Сестра добежала до подвала первой, за ней — я и родители. Начали стучать и слышали, что внутри кто-то шепчется. Какой-то мужчина наконец открыл дверь и сказал, что не может впустить нас, мол, подвал переполнен, лишнего места нет. Отец не стал слушать, оттолкнул его и мы вошли.

Внутри было людей двадцать, все наши соседи. Вместе с нами зашла еще одна семья с пятимесячным ребенком. То есть если бы мы не вломились, то под нашим домом погибла бы не одна семья.

В подвале насмотрелись на разные ужасы. Когда у людей заканчивались продукты, они превращались в зверей. Были готовы убить друг друга за глоток воды.

Еды не было, воду добывали из льда и снега. Выходя наружу, люди безумно рисковали.

Однажды к дверям подвала прилетела мина. Мы думали, что нас засыплет, здание уже начало разрушаться. Боялись, чтобы дом не стал нашей братской могилой.

Моя мама уже шесть лет болеет полинейропатией — это поражение нервной системы. На фоне стресса она перестала ходить, у нее дважды останавливалось сердце. Аптеки не работали, лекарства у нас не было. Отделение скорой медицинской помощи, расположенное напротив нашего подвала, разрушили.

Отец реанимировал маму, как умел, — искусственное дыхание, массаж сердца. Таблетки приходилось искать под обстрелами. Мы не могли потерять маму. В этом подвале у нас оставалась только наша надежда и молитва. Больше ничего.

На десятый день пребывания у нас остался один ломтик хлеба размером с мой кулачок. Мы делили хлеб, чтобы хватило на нас всех на несколько приемов пищи. Свой кусочек я не могла съесть, потому что долго голодали. Я очень долго его хранила: боялась, что вскоре совсем нечего будет есть.

«**В этом подвале у нас оставалась только наша надежда и молитва. Больше ничего.**

На десятый день пребывания у нас остался один ломтик хлеба размером с мой кулачок. Мы делили хлеб, чтобы хватило на нас всех на несколько приемов пищи. Свой кусочек я не могла съесть, потому что долго голодали. Я очень долго его хранила: боялась, что вскоре совсем нечего будет есть.

»

Люди ссорились, скандалили, кого-то пытались выгнать из подвала, чтобы стало на один рот меньше. Там не было доброты. Только тьма. Мы уже ощущали запах смерти.

Так продолжалось 12 дней.

Обстрелы начинались преимущественно в четыре утра. После этого — небольшой перерыв, а в десять — второй акт. В тот день все проснулись в два ночи от такого шума, какого раньше не слышали. Чашка, стоявшая на полочке надо мной, подпрыгивала. Звук был такой, будто я лежу, а рядом проезжает по четыре поезда с каждой стороны.

Обычно, когда стреляли, то плакал ребенок или кто-то читал молитву вслух. В тот раз молчали все.

Земля вдруг начала вздрагивать, казалось, будто все летит на нас. С потолка падала штукатурка, кирпичи.

Я лежала и думала: «Мы отсюда не выйдем. Это моя могила». Я уже потеряла всякую надежду, не могла ни молиться, ни надеяться. «Это закончится, потому что не может продолжаться вечно. Человек страдает ради чего-то», — повторяла я себе.

В тот момент я была уверена, что умру, мы все умрем. На одном одеяле со мной лежала моя семья.

Я все же решила молиться. Просила у Бога умереть быстро и не видеть смерти родных, не видеть, как они мучаются, а я не могу им помочь. У нас не было ни сил, ни надежды, ни даже нормальной аптечки.

Все понимали: если в нас попадет, то отсюда не выберемся. Так было в соседнем здании, откуда так никого и не достали. Вражеские солдаты запрещали спасать, у нас не было никакой возможности что-то предпринимать.

С тех пор я не помню, как проходили дни. Мы были измучены, голодны, устали. Однажды отец сказал: «Или мы умрем от голода, или нас засыплет, или нас убьют». Российские солдаты ходили по подвалам, проверяли, кто там сидит, и бросали бомбы. Когда к нам стучали, мы не отвечали.

Однажды мы услышали от соседей, что можно уехать на Мелекино. У папы были старенькие «Жигули», изрешеченные обломками зданий и осколками стекла. Мы даже не знали, заведутся ли они, но автомобиль тронулся. Мы ехали под обстрелами. Продолжались бои, а у нас была одна цель: выжить, выбраться из этого ада.

Доехали почти до села Мелекино, где стоял пост ДНР. Понимали, что вернуться не сможем, а дальше ехать не хотели: если не убили там, то убьют здесь, потому что для врага мы ничто, только мишень.

Нас остановили на блокпосте, спросили место регистрации: «Мариуполь? Вам направо».

Что значит «Вам направо», мы не знали. Оттуда нас направляли дальше и дальше. Так постепенно сформировалась большая колонна не только из автомобилей, но и из людей, шедших пешком.

Позже военные ДНР сказали ехать «вниз». Мы тронулись, а они стреляли по машинам и людям.

Так мы доехали в Ялту [Донецкой области — прим. ред.], где прятались более десяти дней в старом пансионате. Еды у нас не было, воду брали из колодца. Оставшиеся наличные деньги ничего не стоили.

В Ялте как раз меняли власть на ДНРовскую, поэтому они старались показать себя с хорошей стороны. Приглашали приходить к ним, называть свое имя и фамилию, чтобы получить гуманитарную помощь. Люди шли, чтобы выжить и не умереть от голода. Однако никаких пайков нам не давали — их получали местные, а потом продавали на базаре по космическим ценам.

В Ялте также работали несколько магазинов, куда завозили продукцию из России. Цены высокие, очереди огромные. На те деньги, которые у нас были, мы смогли купить лишь две буханки хлеба. Мы их берегли и прятали, чтобы не забрали.

« **Всего на несколько секунд, но невероятно долгих, повисла зловещая тишина... и через мгновение взрывная волна пронизала все донизу. Верхние этажи дома просто сложились. Падали куски бетона, мебель, шифер с крыши, летело стекло. Повсюду кричали люди.** »

В это время в Ялте проходила «денационализация»: солдаты ходили по домам и искали, как они говорили, «националистов» и «фашистов». Людей увозили в неизвестном направлении, а кого-то убивали.

Голод, холод и страх замерзнуть. Все, что у нас было, — огонь, вода, чай и две буханки хлеба. Родители решили уезжать.

Так мы попали на фильтрацию в пгт Мангуш, где было два лагеря. Первый — для людей, которые шли пешком. Эту так называемую фильтрацию они могли проходить больше месяца. Очереди были длиннющие. Люди изо всех сил пытались спастись и убежать. Второй — для тех, кто выбирался на машинах.

Лагерь — это не поселение или что-то подобное, а обычные колонны автомобилей. Перед нами в очереди стояло пятьсот машин, за нами еще тысячи.

Выходить из машин, искать пищу, воду или ходить в туалет запрещали. Повсюду сновали вооруженные солдаты и угрожали, проверяли, следили, чтобы все оставались на месте.

Этот фильтрационный лагерь, как нам говорили, работал с пяти утра до одиннадцати вечера, но на самом деле ничего не начиналось, пока они не проснутся, не позавтракают, не покурят, не поговорят по телефону, не сменят друг друга на дежурстве.

До гражданских им не было никакого дела. Каждый час пропускали два, а если повезет, три автомобиля. В ожидании своей очереди мы прожили в машине двое суток.

Эту так называемую фильтрацию они организовали следующим образом. Сначала стоит блокпост, к которому подъезжает автомобиль. Они проверяют каждый карман, бардачок, багажник, каждую сумку. Проверяют и людей — одежду и что под ней. Мужчин раздевают на улице возле машин. Ищут татуировки, какие-то метки, другими словами, «националистов».

Случалось, что не все пассажиры из машины проходили фильтрацию: они могли увести отца или мать, а машина должна была двигаться дальше. Люди терялись: у солдат в руках оружие, а у людей ничего.

Наша очередь подошла в одиннадцать вечера, наша машина была в тот день последней. Нас запустили, обыскали. Мама уже не ходила из-за болезни. Им с сестрой разрешили не выходить, мол, фильтрация начинается с 14 лет.

Мы с отцом вышли. На расстоянии 200 метров от нашего автомобиля стояла будка на две комнаты. На морозе стояли изможденные люди. Я так замерзла, что не чувствовала пальцев на ногах.

« **Я лежала и думала: «Мы отсюда не выйдем. Это моя могила». Просила у Бога умереть быстро и не видеть смерти родных, не видеть, как они мучаются, а я не могу им помочь... Все понимали: если в нас попадет, то отсюда не выберемся. Так было в соседнем здании, откуда так никого и не достали. Вражеские солдаты запрещали спасать, у нас не было никакой возможности что-то предпринимать.** »

Они же ходили, разговаривали между собой, обсуждали женщин, которых замучили.

Я слышала их разговоры:

- А тот, кто не прошел, куда ты его девал? — спрашивал один другого.
- Да расстрелял. Его и еще десять, может, и больше. Не считаю, надоело уже.

Один человек после фильтрации вышел с огромными, испуганными глазами. Его трясло. Он говорил, что допрос был жестокий, его избивали, а жену так и не отпустили.

Далее подошел наш черед. Я прошла в одну фильтрационную комнату, отец — в другую.

У меня сняли отпечатки пальцев, сканировали документы, проверили телефон. Задавали провокационные вопросы о власти, Украине, о моих убеждениях. Они пытались найти людей, которые любят свою родину и хотели нормально жить. Они издевались, унижали, могли обзывать, избивать.

У меня взяли паспорт и увидели, что мне 17. Я им не понравилась, вроде слишком молодо выглядела, а они как раз искали девушек.

Меня вытолкали оттуда, а их вооруженный солдат сопровождал в машину. Он толкал меня, потому что, по его мнению, я слишком медленно шла. Я упала и ушибла колено, но понимала: если сейчас не поднимусь и не побегу к автомобилю, то уже не вернусь. Я побежала изо всех сил.

Мама увидела только меня, и у нее началась паника: «Что с отцом? Он не прошел? Его уже убили? Над ним измываются?» А я ничего не могла сказать. Сидела и не знала, что будет дальше.

Впрочем, отец вернулся минут через сорок. Мы видели, как его вытолкали. Он вышел и упал. Пытался встать и падал, но все же дошел до машины.

Отец нажал на газ, и мы тронулись. Прямого пути на Бердянск не было: мост взорвали, так что мы ехали окольными путями и по поселкам. Повсюду лежали трупы, стояла разбитая техника.

Уже в пути отец начал терять зрение. В Бердянске мы переночевали в машине. Отец рассказал, как происходила его «фильтрация»: у него тоже потребовали документы, взяли отпечатки пальцев, раздели, обыскали. Начали допрашивать, давили морально. Сначала толкали. Когда увидели, что у него пустой телефон, начались вопросы: «Почему телефон пуст? Что ты скрываешь? Мы тебе не

верим!» Ударили по голове. Он не помнит, кто, как и чем. Вспоминает, как уже очутился на улице. От этих побоев отец и терял зрение, а нам еще нужно было ехать дальше.

Из Бердянска в Запорожье стояло 27 блокпостов, и на каждом проверяли документы и машину, спрашивали, прошел ли «фильтрацию». У людей отбирали еду и теплые вещи, просили сигареты, спрашивали даже о наркотиках и алкоголе.

Мы ехали, а рядом шли бои. Что-то залетело под машину и взорвалось, машина подпрыгнула. Отец сказал не волноваться, возможно, это петарда. Конечно, мы понимали, что на войне не бывает петард.

Дорога была тяжелой. Мы видели разрушенные дома, противотанковые мины посреди дороги, танки с буквой Z во дворах, обгоревшие тела вдоль дороги, разбитые автомобили. Вокруг пылал лес.

На рассвете мы доехали до городка Орехово Запорожской области. Впереди на дороге лежали каменные глыбы, ежи, колючки. С приближением к неоккупированным территориям возникало чувство, будто дышать становится легче. Впереди мы наконец увидели украинский флаг.

Сначала испугались: неужели провокация? Неужели это еще один экзамен, который нужно сдать?

Нас остановили. Говорят: «Доброго дня! Покажіть, будь ласка, документи».

Мы показали, хотя и дальше были уверены, что это провокация.

Нам говорят: «Не бійтесь. Це Україна».

Мы начали плакать. Не могли поверить, что под защитой и добрались до своей земли.

Позднее мы уехали в центр помощи беженцам в Запорожье. Маме оказали медицинскую помощь, потому что в то время она еще не ходила. Отцу было очень плохо: он стал слепнуть. Мы с сестрой были истощены эмоционально, психологически сломлены.

В городе отца обследовали два врача и пришли к выводу, что у него травма в результате контузии. На одном глазу полная потеря зрения, а другой видит будто сквозь целлофановый пакет.

За качественной медицинской помощью волонтеры направили нас во Львов. Здесь отец еще раз обследовался. Нам сказали, что его лечение будет долгим, сложным и дорогим, возможно, придется выехать за границу.

«Мы не можем потерять отца. Он нас спас, теперь наш черед помочь ему», — в конце разговора добавляет мама Марии, Наталья Сергеевна.

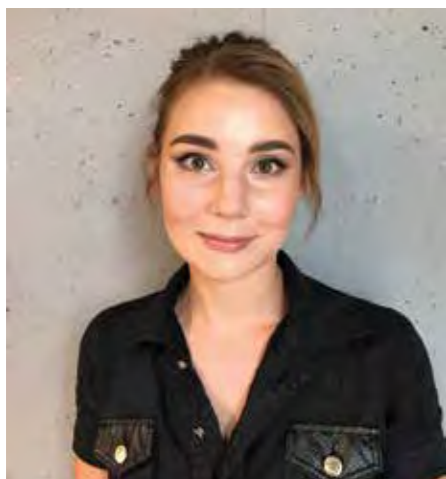

г. Мариуполь. «Азовсталь». Фото Дмитрия Козицкого

г. Мариуполь. «Азовсталь». Фото Дмитрия Козицкого

Рассказ Екатерины Галянт

27 лет, психолог, г. Киев

После освобождения пригородов Киева — Бучи, Ирпеня, Бородянки и других городков и сел, мир не только увидел убитых и замученных мирных граждан Украины, но и узнал об изнасилованных детях, женщинах и бабушках. Эти истории ужасают. И с каждым днем появляются новые. Изнасилования совершаются с особой жестокостью, на глазах у детей и родителей. И практически все — групповые.

Уполномоченная Верховной Рады по защите прав человека Людмила Денисова сообщила, что в Офис омбудсмена с 1 по 14 апреля поступило около 400 обращений по поводу случаев сексуального насилия со стороны российских оккупантов. И

такие обращения продолжают поступать. Однако не обо всех случаях жертвы насилия сообщают. Многие умалчивают эту проблему. О случаях групповых изнасилований девушек информировало Министерство обороны Украины, а также многочисленные волонтерские организации, работающие на освобожденных территориях, и медицинские центры, куда обращаются изнасилованные девушки.

Изнасилование и сексуальное насилие — военные преступления и нарушение международного гуманитарного права. Генеральный прокурор Украины и Международный уголовный суд заявили, что начнут расследование на основании сообщений о сексуальном насилии.

Мы попросили детского психолога рассказать о состоянии девушек, которые обратились к ней за помощью после изнасилования рашистскими оккупантами. Екатерина работает с несколькими изнасилованными, среди них девочки.

Рассказ Екатерины

С началом войны мы с коллегами создали волонтерский Telegram-канал психологической помощи. Сейчас нас уже 100 психологов: 40 активно работающих и 60 присоединяются время от времени. Потребность в такой помощи сегодня как никогда актуальна — к каналу присоединилось уже более двух тысяч подписчиков. Telegram позволяет скрыть номер и сделать общение полностью анонимным. Это крайне важно — особенно для жертв насилия, которые обычно боятся даже родным рассказать о пережитом ужасе. Не менее важно, чтобы помощь была предоставлена срочно. Поэтому на запрос, размещенный в Telegram, сразу отзывается специалист, который имеет возможность помочь прямо сейчас.

Жертвы насилия обычно не пишут прямо «меня изнасиловали». Часто человек обращается с жалобой, что больше не может спать, или потерял смысл жизни, или у него появились суицидальные мысли. И уже в процессе терапии мы выясняем, что произошло изнасилование. Пик обращений о помощи после изнасилования от потерпевших и их родственников наблюдался после освобождения оккупированных территорий Киевской области.

Изнасилование в мирное время и во время войны имеют совершенно разные «цели». Изнасилование является инструментом войны. Если в мирное время цель изнасилования — удовлетворение извращенного полового влечения, то во время войны — это стремление доминировать, показать силу, обесценить жертву, уничтожить человека морально и физически. Поэтому изнасилования сейчас происходят максимально извращенно — это групповые изнасилования, в присутствии родных, в присутствии маленьких детей, со страшными травмами.

Как правило, в группе насильников от трех до пяти мужчин разного возраста. Девушки терпят избиение, им выбивают зубы и ломают кости, особенно когда они сопротивляются. От пыток некоторые теряют сознание и не помнят всего, что с ними происходило. По словам выживших, когда идешь после этого в душ, хочется полностью снять с себя кожу. Чтобы этого тела не было. Они ассоциируют его с изнасилованием. Они так тщательно моют себя! Находят перекись, календулу, еще что-то на спирту — заливают это все на половые органы, и так травмированные, жжение лишь усиливается. Девочки сильно травмируют себя, пытаются вымыться изнутри, это очень больно.

Они говорят, что нет смысла жить, не понимают, как вообще теперь жить. Не могут есть, даже пить забывают. Не спят, сознание не может отключиться. Они на более безопасной территории, но не чувствуют себя в безопасности.

Просто забыть об этом ужасе или что-то сделать, чтобы не вспоминать, — невозможно.

Такая травма всегда делит жизнь на «до» и «после». В первые несколько месяцев психика включает механизм замораживания и отстранения, стараясь вытеснить травму. Человеку может казаться, что если об этом не говорить, то вроде «это и не со мной случилось».

А где-то через несколько месяцев начинается «разморозка». Когда человек осознает, что это произошло с ним, жить становится невыносимо.

Избавиться от этой травмы невозможно, можно только научиться с ней жить.

« —————
По словам пострадавших, когда идешь после этого в душ, хочется полностью снять с себя кожу. Чтобы этого тела не было. Они ассоциируют его с изнасилованием... Просто забыть об этом ужасе или что-то сделать, чтобы не вспоминать, — невозможно. Такая травма всегда делит жизнь на «до» и «после».
————— »

РАЗДЕЛ III. В оккупации и рядом с врагом

МОТИЖИН

*Мотижин спалений, розбитий,
Голосять, виживши, навзрид.
Як в тридцять третім, московити
Вчинили з ними геноцид...*

*Зведуть нащадки монументи
Своїм геройським землякам
Й прикріплять синьо-жовті ленти
Тим, хто не здався ворогам.*

Микола Паламарчук

г. Буча. Фото Виктории Кириленко

Вера (имя изменено)

38 лет, пгт Киевской области

Эта история изложена на основании упорядоченных обрывков болезненных воспоминаний Веры, которыми она понемногу делилась в течение длительного времени.

До войны в нашем селе проживали почти полторы тысячи человек, а с началом войны половина уехала. Я тоже хотела, но не могла оставить маму, а она категорически отказалась уезжать. Правду говорят, что сельские жители очень привязаны к земле. Вот мы и остались... На свою беду.

Первые дни были относительно спокойными, разве что в магазине исчезли почти все продукты. До нас доходили слухи, что враг стремится окружить Киев. На четвертый день я уже точно знала, что наш поселок расположен на пути захватчиков, потому что получила известие от сестры, проживающей в двадцати километрах от нас. Но бежать было поздно...

В тот день, когда они вошли в село, мы с мамой возились в огороде. Наш дом стоит на окраине, а дорога словно выворачивает из-за леса. Мы даже не успели забежать в дом, так и стояли, оцепенев, с граблями в руках.

Два солдата с оружием зашли к нам во двор. Остальная колонна поехала вглубь села. Мы были настолько испуганы, что не могли произнести ни слова, а мужчины все болтали и болтали. Мол, нам не стоит волноваться, потому что они нас не обидят и хуже, чем было до этого в Украине, уже не будет. Один из них смотрел на меня такими честными голубыми глазами, что в некоей степени даже стало легче. Они сказали нам сидеть дома и никуда не выходить. Мы и сидели, не выходили даже набрать воды. В центре села несколько раз раздавались выстрелы, но связи с односельчанами не было. Так прошло больше суток.

Тот день навсегда изменил мою жизнь, заставил окончательно разочароваться в людях и самой себе. К нам в дверь громко постучали: на пороге стоял тот же солдат с голубыми глазами, ссылаясь на острую необходимость, он попросил помочь соседу из дома напротив. Я не почувствовала никакой опасности, ведь утром сама рассказала о своих медицинских навыках.

Зайдя в дом, я увидела на полу и стене огромные пятна крови, но так и не поняла, откуда они. За столом сидели трое солдат, они ужинали и пили спиртное. Мне стало очень страшно, но теплилась надежда, что в доме раненый. Один из них, самый старший, покачиваясь, встал из-за стола и пошел ко мне, расстегивая ремень, так что все стало ясно.

«**Тот день навсегда изменил мою жизнь, заставил окончательно разочароваться в людях и самой себе... Зайдя в дом, я увидела на полу и стене огромные пятна крови, но так и не поняла, откуда они. За столом сидели трое солдат, они ужинали и пили спиртное. Мне стало очень страшно, но теплилась надежда, что в доме раненый. Один из них, самый старший, покачиваясь, встал из-за стола и пошел ко мне, расстегивая ремень, так что все стало ясно...**

Мне 38 лет. Я уже была замужем, было несколько сексуальных партнеров за всю жизнь. В тот момент я почему-то думала о пятнадцатилетней дочери моей подруги, проживавшей по соседству, через два дома, представила ее на своем месте. Меня охватило отчаяние, оно было значительно глубже и сильнее страха. Мужчина забрал меня в соседнюю комнату, приказал раздеться, после чего повалил меня на кровать лицом вниз и изнасиловал. Это были самые страшные две минуты моей жизни. Потом он встал и вышел. После него вошел второй, затем третий, за ним четвертый. Ощущения были невыносимые, но я постоянно думала о дочери подруги. Придумала себе, что спасаю ее. Так было легче...

Четвертый сказал, чтобы я не одевалась и выходила к ним. Когда я вышла, они играли в карты за столом. Сказали, что будем играть в «Каменное лицо», и я должен лезть под стол и поочередно удовлетворять их орально. Я никогда в своей жизни этого не делала, у меня начался рвотный рефлекс, а они только орали: «Соси, сука!» Один из них стал тушить о мои плечи окурки. Я не знаю, сколько времени это продолжалось... Когда меня отпустили, двое из них спали пьяные за столом... Больше всего я боялась, что об этом узнает мама, — у нее большое сердце, она не выдержала бы этого.

В ту ночь ограбили многие дома, убили несколько человек, так они праздновали начало оккупации. К счастью, с семьей моей подруги все обошлось. Я очень рада.

Больше этих подонков никогда не видела. Кроме одного. Солдат с голубыми глазами еще шесть раз приходил ко мне и говорил, что мог бы даже влюбиться, но теперь я грязная, потому что «отсосала стольким мужчинам». Он выводил меня во двор и заставлял заниматься с ним сексом. Я не сопротивлялась, мне было уже безразлично... Только хотела, чтобы они не трогали мать... Хотела, чтобы он сдох...

В тот день, когда этих тварей выгнали из села, к нам в дом снова пришли и вынесли все наши вещи: телевизор, микроволновку, миксер, мой старенький ноутбук, украшения, постельное белье, одежду. Разбили всю нашу посуду и консервацию. Мама так сильно плакала, пила таблетки от сердца, задыхалась... а я радовалась, что сумела скрыть от нее самое страшное.

Сейчас, когда читаю заголовки и статьи о многочисленных изнасилованиях, мне становится жутко: сколько нас таких? Сколько тех, кто скрывает эту неопишемую боль? Маленькие девочки, которые еще ничего не видели в жизни, еще не начали жить, не почувствовали первой любви и мужской поддержки, — их души опустошены. Опустошены, как и наши разбомбленные, изуродованные города и села.

Единственное, что может нас вернуть к жизни, дать импульс жить дальше — это месть. Именно поэтому я каждый день верю в победу ВСУ. Верю, что эти подонки заплатят за все: будут умирать в муках и попадут в ад! Возможно, тогда я смогу не отводить взгляд от мужчин с голубыми глазами...

«**Сейчас, когда читаю заголовки и статьи о многочисленных изнасилованиях, мне становится жутко: сколько нас таких? Сколько тех, кто скрывает эту неопишемую боль? Маленькие девочки, которые еще ничего не видели в жизни, еще не начали жить, не почувствовали первой любви и мужской поддержки, — их души опустошены. Опустошены, как и наши разбомбленные, изуродованные города и села... Единственное, что может нас вернуть к жизни, дать импульс жить дальше — это месть. Именно поэтому я каждый день верю в победу ВСУ. Верю, что эти подонки заплатят за все: будут умирать в муках и попадут в ад!**

Надежда Зубец

62 года, учительница географии и биологии, заместитель директора по УВР с 35-летним стажем, воспитательница в детском саду, пгт Немешаево

Начало войны России против Украины застало меня в городке Немешаево. Он расположен на пути от уже печально известной Бородянки до Бучи, Ирпеня, Гостомеля.

«**Э**тими мирными людьми и прикрывались рашисты, не разрешая им выходить. Они грабили и забирали последнюю еду и воду. Оккупанты вели хаотичный обстрел горящих жилых домов, административных зданий. Везде гибли люди... Этим циничное преступление не ограничилось — тела погибших не позволяли похоронить на кладбище, так что друзья и родственники тайно хоронили их в собственных садах возле домов.»

Хочу подчеркнуть, что сама я родом из Мотыжина, где замучили более двадцати мирных украинцев, в том числе и семью старосты села Ольги Сухенко — ее, мужа и сына. Фото и информация об этом случае уже облетели мир. Это преступление особенно болезненно для моей семьи, потому что это не просто односельчане, а мои близкие родственники, казненные исключительно за то, что они изо всех сил помогали жителям Мотыжина выжить в оккупации.

Моя семья — я, муж, дочь с мужем и их двое детей — сполна прочувствовала сначала наступление на Бучу и Ирпень, а потом уже оккупацию Немешаева, сидя в подвале частного дома дочери. Он расположен на Варшавской трассе неподалеку от агротехнического колледжа, где захватчики создали опорный пункт, расположили технику и личный состав, куда каждую ночь вертолетами из Беларуси доставляли подкрепление.

Окружающие территории обстреливали из «Градов», вкопанных на стадионе колледжа сразу за студенческими общежитиями. В этих общежитиях создали подвалы-бомбоубежища, где скрывались от бомбардировок и обстрелов сотни студентов, преподавателей, односельчан.

Этими мирными людьми и прикрывались рашисты, не разрешая им выходить. Они грабили и забирали последнюю еду и воду. Оккупанты нагло носились по улицам Немешаева и соседнего села Микуличи, вели хаотичный обстрел горящих жилых домов, административных зданий. Везде гибли люди.

Так погибла и моя подруга, давняя коллега, учительница Надежда Гончаренко, которой было всего 67 лет. Она планировала наконец путешествовать по миру, радоваться внукам. Ее расстреляли 27 марта. Ее и еще четырех соседей захватчики жестоко, без всяких объяснений убили прямыми выстрелами в голову в их собственных дворах.

Этим циничное преступление не ограничилось — тела погибших не позволяли похоронить на кладбище, друзья и родственники тайно хоронили их в собственных садах возле домов.

После 2 марта, когда врагам стало понятно, что блицкриг по захвату Киева на гостомельском направлении не удался, начались особо жестокие обстрелы Бучи, Ворзеля, Ирпеня и окрестных сел. Усилились бесчинства в отношении мирного населения. Врывались в дома, брали людей в плен, поселялись в домах, грабили имущество, насиловали женщин и детей.

Не миновала эта судьба и наш дом — русские бандосолдаты по-злодейски ворвались в жилище. Наверное, нас спасли наши молитвы и недалекость горе-воjak: не разобравшись в конструкции дома, они не заметили нас в подвале.

С нами были двое детей, моих внучат. Описать эмоции безысходности и страха за жизни детей невозможно. Наверное, именно поэтому мы и решили на свой страх и риск выбираться из этого ада, спастись. Выбирались из окру-

«**Э**то была «дорога жизни»: сложная и опасная, а шансы на выживание были минимальны — постоянные автоматные очереди по автомобильной колонне, выстрелы снайперов. От пули чудом спасся муж моей дочери. Как оказалось впоследствии, пережитый нами опыт был не самым страшным по сравнению со зверствами и издевательствами над сотнями тех, кто об этом уже никогда не расскажет из своих братских могил.»

жения колонной из более чем двадцати автомобилей с белыми флагами и надписями «Дети».

Это была «дорога жизни»: сложная и опасная, а шансы на выживание были минимальны — постоянные автоматные очереди по автомобильной колонне, выстрелы снайперов. От пули чудом спасся муж моей дочери.

Как оказалось впоследствии, пережитый нами опыт был не самым страшным по сравнению со зверствами и издевательствами над сотнями тех, кто об этом уже никогда не расскажет из братских могил.

Но мы, живые, всегда будем помнить о них и не простим. Украинцев не одолеть, потому что за нами правда, сила, мужество. С нами Бог. Слава Украине!

Татьяна Николаевна Булычева

75 лет, пенсионерка, г. Мариуполь

Первые три недели после начала войны я жила в своей квартире. Надеюсь, что этот ужас скоро кончится. Позднее переселилась в подвал нашей многоэтажки. Квартира моя на четвертом этаже. К тому времени было уже страшно спать в кровати, постоянно подпрыгивающей от взрывов. В подвале я прожила месяц.

До 25 марта нас не сильно обстреливали. Мобильной связи не было, поэтому мы не знали ни об уничтоженном Драмтеатре, ни о разбомбленном роддоме, ни о разрушенном городе. 21 марта, впервые с начала месяца, удалось связаться с дочерью, она кричала в трубку: «Мама, уезжай! Города уже

нет!» Это никак не укладывалось у меня в голове, но в тот день решила, что уеду. Сделаю, как сказала дочка.

Потом началось... Лупили по нам и днем, и ночью. Дрожала земля. Кто с машиной, те выезжали, а другие, кто мог, шли пешком на окраины города, потому что оттуда эвакуировали людей. У меня не было ни машины, ни возможности пройти больше 50 метров. Больные ноги...

Жить в подвале нас осталось около сорока человек, из них двенадцать пенсионеров. Самой младшей женщине было 63 года, самой старшей — 85. Мужчинам в среднем было по 70 лет. Мы давно знали друг друга, ведь в этом доме прожили всю жизнь, здесь выросли наши дети. Жили дружно.

В это тяжелое время каждый из нас принес какую-то провизию, чтобы разделить со всеми. Готовили на костре возле дома. Вместо дров собирали из разбитых помещений рамы и двери. С начала оккупации у нас не было воды, электричества, газа, отопления. Воду мы топили из снега, который собирали с крыш и капотов машин. Когда шел дождь, собирали дождевую. Недалеко от дома есть колодец, и наши мужчины ходили к нему, несмотря на взрывы и выстрелы. Однажды пришли бледные от ужаса и говорят: «Там трое убитых мужчин лежат». Через день все же вынуждены были снова пойти к колодцу, надо было как-то выживать.

Весь этот месяц пребывания в подвале нам было за счастье проснуться утром. Спали в одежде, не раздеваясь. Весна была холодная, до минус восьми ночью. В подвале холодно и сыро, так что мы натягивали на себя все, что имели, а сверху накрывались одеялами. Так и жили: лицо в саже, в пропитанной дымом одежде, без возможности помыться. Постоянно под взрывами и обстрелами. Когда нужно было попасть из дома в подвал или наоборот, то в первую очередь проверяли, безопасно ли: самолет пролетел и сбросил бомбу, значит, надо успеть, потому что вскоре он снова вернется.

Мы старались поддерживать друг друга. Конечно, было страшно, иногда охватывало невероятное отчаяние, особенно в первые дни, когда начались непрерывные бомбардировки. В конце концов мы все же должны были выжить, поэтому не падали духом и боролись за жизнь.

Одну из наших женщин, которая готовила еду у подъезда, тяжело ранило обломками упавшего неподалеку снаряда. Спину изрешетило осколками и насквозь пронзило руку. Мы собрали все лекарства и перевязочные материалы, что были в наличии. В соседнем доме жила врач-хирург, она помогала обрабатывать раны и делать перевязки. За раненой все ухаживали, кормили, лечили, поддерживали. Затем, когда прекратились постоянные обстрелы комбината, сосед увез ее в больницу. Другой женщине, пришедшей в наш двор за спасением, оторвало руку. Ее мы тоже спасали. За это время я поняла, что мы, украинцы, сильные духом и несокрушимые люди.

Молодому парню пуля попала в сердце. К сожалению, здесь мы были бессильны. На кладбище попасть было невозможно. Хоронили умерших на участке напротив нашего дома, где раньше играли в футбол дети. Дальше было не добраться. Морги не работали. Мы писали на бумажках имена погибших, если знали, и клали им в одежду перед погребением. Приходилось хоронить и незнакомых. Тогда мы писали, кто был свидетелем погребения. Глубоко закапывать погибших не было ни сил, ни времени. Поэтому все похороненные едва присыпаны землей.

Самым страшным для меня в эти два месяца было отсутствие мобильной связи. Я не могла услышать дочь, которая живет в Киеве, но с началом войны переехала во Львов. Мы ничего не знали о происходящем вокруг. Мы не могли сообщить детям и внукам, что живы. Не могли узнать, что с нашими близкими. Даже не ведали, что происходит в городе: видели только наш квартал. Пройти на соседнюю улицу невозможно, потому что все завалено обломками зданий.

«**В** это тяжелое время каждый из нас принес какую-то провизию, чтобы разделить со всеми. Готовили на костре возле дома. Вместо дров собирали из разбитых помещений рамы и двери. С начала оккупации у нас не было воды, электричества, газа, отопления. Воду мы топили из снега, который собирали с крыш и капотов машин. Когда шел дождь, собирали дождевую.»

Дом, в котором я живу, расположен возле Мариупольского металлургического комбината имени Ильича. На этом комбинате я проработала сорок лет инженером-технологом прокатной лаборатории. Мой отец занимал руководящие должности и отстраивал доменные печи после Второй мировой войны. Когда бомбили комбинат, я плакала... Его построили в 1897 году. За время оккупации все производственные помещения сгорели. Дома рядом с комбинатом, построенные бельгийцами более ста лет назад, разрушили.

В мое окно попал обломок снаряда, но наш дом, хоть и без единого окна, уцелел. Выехать удалось только тогда, когда морские пехотинцы, защищавшие комбинат, перешли с него на завод «Азовсталь», поэтому оккупанты сосредоточили все усилия там.

19 апреля меня вывез сосед. Он каким-то чудом раздобыл пропуск, по которому можно было выехать из города. На территорию неоккупированной Украины попасть было невозможно, поэтому сначала я отправилась в Донецк, затем на территорию России. Чтобы уехать в РФ, нужно пройти так называемую фильтрацию в оккупированной части Донецкой области, а это длинные очереди. К пожилым людям относятся не так строго, а вот мужчин раздевают и долго допрашивают. У всех берут отпечатки пальцев и фотографируют.

Понадобилась неделя, чтобы добраться до Литвы, где меня встретила дочь. Теперь я в безопасности. Перед отъездом из мариупольской квартиры я плакала, понимая, что потеряла все: жилье, соседей, город. От Мариуполя остались только воспоминания.

Лена Кривуляк

56 лет, врач, Макаровская многопрофильная больница интенсивного лечения, пгт Макаров

Война... Это слово даже звучит страшно.

Когда-то моя бабушка рассказывала, как она пережила Вторую мировую войну, а я была маленькая и слушала ее вполуха. Конечно, знала, что это были ужасные события, погибли многие, но это все было так далеко от меня. Я никогда не понимала, что чувствовала моя бабушка. Не понимала, почему она всегда плакала, когда говорила о далеком прошлом. Не понимала, пока сама не почувствовала и не увидела войну своими глазами... В 2022 году! Я рассказываю об этом и сама не могу поверить даже сейчас.

Каждый вечер я общаюсь по телефону с дочерью. Мы живем не очень далеко, но в последний раз виделись два месяца назад. Я как раз ждала ее в ближайшие дни, даже записала себе, чтобы не забыть: «Купить сало для Аленки». Это был один из самых важных пунктов на 24 февраля.

24 февраля началась война. Я на автомате, как робот, собиралась на работу. Плохо помню то утро. Постоянно вспоминала рассказы бабушки о Второй мировой, слушала новости, которые почему-то не воспринимала, и думала, что нужно купить сало.

День прошел очень быстро. Все мои коллеги были уверены: в Макарове будет безопасно. Все говорили, что через несколько дней все наладится... Но сына моей коллеги срочно вызвали в Киев, потому что он военный.

Я все же зашла в магазин и купила сало — это был мой личный акт неповиновения. Вечером приехала дочь. Мы так долго ели...

25 февраля на работе нам сообщили, что по выходным будем работать. Я понимала, что так и должно быть: мы ведь военнообязанные, поэтому должны в любое время суток и день недели помогать тем, кто в этом нуждается.

Становилось жутко от информации о селах, расположенных неподалеку Макарова, — Мотыжине, Копылове, Севериновке, Липовке, Андреевке, Гавронщине. Их все оккупировали, всюду были орки. Мы видели, как колонны вражеских танков проходят мимо наших домов. Было страшно... Я снова вспоминала рассказы своей бабушки. Было ли ей так же страшно, когда она видела вражеские танки?

«**Наш врач с водителем поехали в одно из оккупированных сел, чтобы оказать медицинскую помощь. Автомобиль скорой помощи (со всеми опознавательными знаками) расстреляли рашисты. Врач и водитель скончались на месте...**»

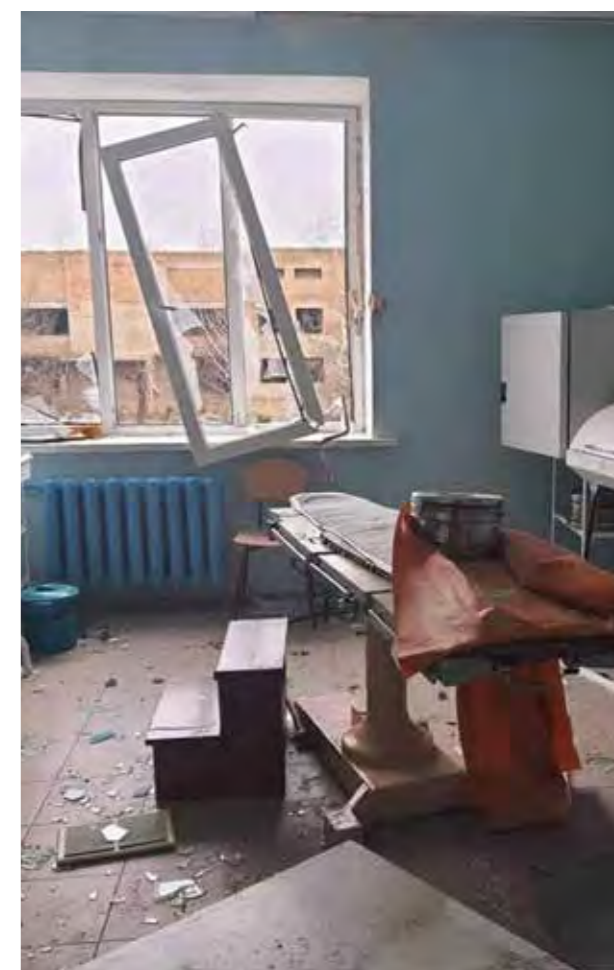
Самые ужасные события начались 28 февраля 2022 года. Муж привез меня с утра на работу. Помню, что взяла с собой еду, потому что не знала, смогу ли вернуться в тот день домой. Уже пропадала связь, газ, свет и вода. Ходили слухи о первых потерях среди наших защитников и мирного населения. Два пенсионера поехали разыскивать своего сына, но их автомобиль расстреляли и они погибли на месте... Всех гражданских просили не выходить на улицу без необходимости. Единственная реальная необходимость — добраться до бомбоубежища, расположенного в подвале больницы. Однажды ночью во время обстрелов мы (медицинский персонал и наши раненые защитники) сидели там и все вместе пели гимн Украины. Я держала руку на сердце и думала, что оно выскочит из груди. Никогда в жизни гимн Украины не был для меня так важен, как в ту ночь...

Через несколько дней наш врач с водителем поехали в одно из оккупированных сел, чтобы оказать медицинскую помощь. Автомобиль скорой помощи (со всеми опознавательными знаками) расстреляли рашисты. Врач и водитель скончались на месте...

Орки разбомбили мост через реку Здвиж. Это значило, что я не смогу попасть домой, к семье. Не смогу им позвонить, потому что нет сети. Я не могла даже узнать, жива ли моя семья...

Восемь суток я не покидала больницу. К нам привозили убитых и раненых. Их было невероятно много... Такого я никогда не видела: оторванные части тела, голова разбита вдребезги...

Постоянные сирены... Постоянные обстрелы и авиаудары... Сначала было страшно, а потом страх исчез. Когда привозили наших военных, то прежде всего мы переодевали их в гражданскую одежду, заранее привезенную волонтерами. Если орки вломятся в больницу (а они были в 30 метрах от нас), то сразу расстреляют военных. Возможно, нас тоже, потому что помогаем нашим защитникам. На тот момент все уже знали, что никого не жалеют, — больницу в Ирпене они разбомбили вдребезги.

На мне было много крови... Родной крови... Каждый защитник, которого привозили в больницу, был мне как родной... Так много горя... Они были такими молодыми... Вся жизнь должна была быть впереди у этих замечательных молодых мальчишек... Многие умерли у меня на руках. ... Это страшно — закрывать глаза парню, который должен долго жить... Враг украл его будущее ... Моя одежда и руки в крови... Отчаяние окутывает сердце, потому что не могла их спасти... В эти мгновения думала, что готова совершить военное преступление. Убедила себя: если вдруг в больницу привезут какого-нибудь рашиста, то не буду ему помогать, а задушу. И пусть меня посадят в тюрьму, но не стану помогать тому, кто уничтожает наш народ!

Авиаудар по хлебозаводу... Привезли тринадцать молодых юношей... Кого-то уже мертвым... Кого-то не удалось спасти... За что? За что это им? Почему они не заслуживают жизни? Боже, почему ты так несправедлив? Моя одежда... Мои руки снова в крови... В родной крови... Неважно, что эти мальчишки из Житомирской области... Это моя родная кровь...

Эти ужасные восемь суток в Макарове не было воды. Волонтеры привезли немного, и она стала для нас настоящим сокровищем. Надо было мудро использовать каждую каплю. Умыться? Нет, это роскошь. Я подумала: «Даже если помоюсь после войны, то ничего страшного... Главное, чтобы было что пить»...

Под постоянными обстрелами и гулом сирен периодически поднималась на пятый этаж больницы — вдруг мобильный поймает сеть и я смогу хотя бы услышать, что мой ребенок жив?

«**Когда привозили наших военных, то прежде всего мы передевали их в гражданскую одежду, заранее привезенную волонтерами. Если орки вломятся в больницу (а они были в 30 метрах от нас), то сразу расстреляют военных. Возможно, нас тоже, потому что помогаем нашим защитникам. На тот момент все уже знали, что никого не жалеют, — больницу в Ирпене они разбомбили вдребезги.**

Авиаудары пугали меня больше всего. Однажды в больнице выбило окна в результате очередного авиаудара. На девятые сутки нам сообщили, что нужно эвакуироваться, ведь здание почти полностью разрушено. С одной стороны я радовалась, что мы уедем в безопасное место, а с другой — укоряла себя, потому что сюда могли привезти раненых молодых защитников, а нас нет. Я впервые заплакала: от бессилия, усталости, смерти вокруг. Не могла успокоить сердце. Сидела в эвакуационном автобусе и плакала, мысленно разговаривая со своей бабушкой.

Я стала внутренне перемещенным лицом... До сих пор этого не понимаю. Мне кажется, будто до сих пор нахожусь у себя дома... Я знаю, что в дом моих соседей попал снаряд, а мой остался без окон и дверей... Но я знаю, что мы все отстроим... Я знаю, что когда-нибудь вернусь домой...

Когда-нибудь я буду рассказывать своим внукам о том, как мы пережили войну, а они будут слушать меня вполуха и есть мороженое или конфеты... Возможно, даже буду плакать, а они не поймут, что я чувствую, потому что это будет где-то очень далеко от них... Я буду несказанно счастлива, что они меня не очень понимают... Единственное, что у них буду просить, — любить, ценить и уважать свою страну, ведь так много наших защитников отдали свою жизнь за то, чтобы они жили, ели сладости и не чувствовали боли, которую пережила их бабушка в феврале-марте 2022 года. Еще научу их петь гимн Украины. Мы будем его петь, держа руку на сердце. Каждый раз, когда мы будем его петь, мое сердце будет выскакивать из груди, потому что с той ночи в подвале гимн Украины стал для меня особенно ценным и исключительно важным.

«**Когда-нибудь я буду рассказывать своим внукам о том, как мы пережили войну, а они будут слушать меня вполуха и есть мороженое или конфеты... Возможно, даже буду плакать, а они не поймут, что я чувствую, потому что это будет где-то очень далеко от них... Я буду несказанно счастлива, что они меня не очень понимают... Единственное, что у них буду просить, — любить, ценить и уважать свою страну, ведь так много наших защитников отдали свою жизнь за то, чтобы они жили, ели сладости и не чувствовали боли, которую пережила их бабушка в феврале-марте 2022 года.**

Анна Кебец

43 года, директор по персоналу в Booknet, соорганизатор в пространстве «Клуб наставников — сообщество профессионалов», г. Киев

В 2014 году я организовала «Клуб наставников — сообщество профессионалов», куда приглашаю экспертов-практиков, рассказывающих о своих достижениях на примере интересных кейсов. Наша аудитория — топ-менеджеры украинских предприятий. В декабре 2021 года я получила интересное предложение — возглавить отдел по управлению персоналом в IT-компании. В прошлом году мы с дочкой переехали в новую квартиру. На 25 февраля были билеты на

самолет — хотелось отпраздновать день рождения дочери в теплой стране. Свою жизнь считала счастливой и насыщенной, пока к нам не пришла война.

Еще 24 февраля решили, что поедem из Киева к родителям в Мотыжин. Это же село, тем более поодаль от трассы. Кого оно интересует? Как горько мы ошибались...

27 февраля в село большой колонной зашли рашисты и сразу начали стрелять по домам.

Исчезло электроснабжение, а с ним вода, тепло и связь.

В первый день, как только вошли войска, появились сообщения об убитых односельчанах и односельчанках. Рашисты стреляли из автомата в нашего соседа. Ранение было серьезным, поэтому местный врач решил помочь вывезти его в больницу в районном центре. Поехали врач, наш раненый сосед и его сын. От них долго не было известий, а через пять дней мы узнали, что их всех расстреляли на выезде из села. На их машине был красный крест и надпись «Раненые».

Многие, как и мы, приехали в село с началом войны, чтобы переждать несколько дней на даче. Эти люди оказались в затруднительной ситуации, у них совсем не было еды. Мой отец помогал им: разносил соседям мясо и яйца, когда нас не обстреливали.

Шли дни. Мы перестали различать даты, дни недели. Время делилось только на утро, день, вечер и ночь.

Дом остыл, мы надевали всю теплую одежду, какая была. В чем ходили днем, в том и спали ночью. Ночевали в подвале. Бывало, за сутки ни разу не выбирались наружу из-за сильных обстрелов.

«
Никто из жителей села на улицы не выходил, все прятались по домам. По улицам ездили только рашисты. Почти каждый раз стреляли по домам... Орки замучили и расстреляли другого соседа, еще накануне угощавшего родителей кофе и шоколадом. Его обнаружили 2 апреля со связанными руками.
»

До войны у родителей была небольшая перепелиная ферма. К сожалению, без света и корма птицы долго не живут. Пришлось забить почти всех перепелов и раздать соседям, потому что у некоторых из них уже заканчивались продукты. Отец оставил немного перепелов, чтобы у нас были яйца.

Генератор включали на 30 минут в день, чтобы зарядить телефоны и накачать воду. Долго боялись включать, потому что он очень громко тарахтел, — орки могли услышать и прийти. У родителей был баллон газа, который нас и спас: мы могли приготовить горячую еду и хоть немного согреться.

Никто из жителей села на улицы не выходил, все прятались по домам. По улицам ездили только рашисты. Почти каждый раз стреляли по домам.

Я должна была что-то делать. Сидеть все время в подвале было сложно и физически, и психологически, потому что в жизни я достаточно активна. Я отслеживала движение рашистских колонн и сообщала «куда следует» количество техники и координаты ее размещения.

Так мы прожили неделю. Хуже всего, что к этому привыкаешь. Наш подвал казался самым защищенным и безопасным местом. Как мы ошибались... Поняла я это только через две недели, когда увидела кадры из Бучи, Ирпеня и Бородянки. Как-то мы решили, что я попытаюсь выехать на своей машине, вывезти дочку и невестку с племянницей. Родители с братом оставались.

Когда уже упаковали сумку с кое-какими вещами и документами, то узнали, что орки расстреляли автомобили с жителями села. Они также пытались вырваться из оккупации.

Не знаю, где взялись силы на эту поездку, действовала интуитивно.

Трудно прощаться с родными, не зная, увидимся ли еще когда-нибудь. Не могу без слез вспомнить слова моего отца: «Аня, если увидишь, что навстречу едут танки, то выходите и поднимайте руки».

Мы написали на листах бумаги «ДЕТИ», разорвали белые простыни, привязали к палкам и прикрепили к машине. Мы дождалась, пока рашисты проедут мимо нас, открыли окна в машине, чтобы услышать их технику издали, и двинулись в путь... Я сказала девочкам: «Молитесь, чтобы мы доехали».

Только несколько недель спустя я начала осознавать, насколько та дорога была опасна и что мы родились в рубашке. Мы не встретили живых орков, только видели подбитую вражескую технику и расстрелянные гражданские машины.

Четыре дня ехали в Черногорию, нас пригласила моя подруга. В доме с апартаментами, построенном для отдыха туристов, живут десять семей, выехавших из Украины. Бесплатно.

Труднее всего в этот период — общаться с родителями. Мы не знали, как их вывезти из оккупации. Они не хотели покидать хозяйство и дом, где прожили всю жизнь.

Село было в оккупации больше месяца. Родители живы-здоровы. Это настоящее чудо.

Они не рассказывали нам многих жутких вещей. Настоящий ужас начался где-то за неделю до освобождения. Рашисты шли по селу и стреляли по окнам и дверям каждого дома, бросали гранаты во дворы, громили машины. После попадания гранаты в соседний дом загорелся гараж. Родители с соседями дождалась, пока орки уйдут, и начали тушить пожар водой из близлежащего озера. Успели. Дом спасли.

Орки замучили и расстреляли другого соседа, еще накануне угощавшего родителей кофе и шоколадом. Его обнаружили 2 апреля со связанными руками.

Также 2 апреля нашли и старосту села с мужем и сыном. Их похитили и пытали, а затем расстреляли и засыпали песком на том месте, где стояла рашистская техника. Оттуда и обстреливали наши позиции.

Таких погибших жителей еще много...

В селе до сих пор нет света, тепла, газа, потому что местность заминирована.

Я продолжаю работать дистанционно, находясь в Черногории. Сейчас еще и волонтеру: доставляю на своей машине прицелы, тепловизоры, военную амуницию, которые мы вместе с другими волонтерами закупаем в Загребе, в Хорватии, и передаем в Украину. Дорога туда и обратно занимает четыре дня.

Очень хочу вернуться домой. Если в Киеве будет безопасно, поеду домой. Планирую работать и волонтерить. Делать все, что смогу, для нашей Победы.

«
Рашисты стреляли из автомата в нашего соседа. Ранение было серьезным, поэтому местный врач решил помочь вывезти его в больницу в районном центре. Поехали врач, наш раненый сосед и его сын. От них долго не было известий, а через пять дней мы узнали, что их всех расстреляли на выезде из села. На их машине был красный крест и надпись «Раненые».

»

г. Киев. Фото Дмитрия Ларина. Публикуется с разрешения интернет-издания «Украинская правда»

Виктория Кириленко

46 лет, редактор, г. Буча

Нам удалось сбежать из Бучи...

Остаться в доме уже не было никакой возможности. Три дня без света, тепла, мобильной связи, под постоянными обстрелами и в напряженном ожидании: попадет в наш дом или нет. По звуку мы уже научились определять, что именно стреляет («Грады» или танки), как далеко они от нас, пора прятаться в подвале или можно еще посидеть в коридоре за несущей стеной.

Накануне с нашей улицы семья пыталась выехать на машине, рашисты ее беспощадно расстреляли, попав в маму и четырехлетнего ребенка... Мы двинулись пешком в Ирпень вдоль железной дороги... В поле попали под первый обстрел. Муж потом сказал, что слышал, как мимо него просвистела пуля, то есть они сознательно стреляли в мирную семью с детьми.

Примечательно, что подвал засасывает. Если просидеть в нем несколько суток в холоде и тьме, он парализует душевные и физические силы, решительность тает, а страх поглощает. Становится все труднее выйти наружу. Некоторые соседи с маленькими детьми сидели в нем с первого дня. Я поняла, что подвалу нельзя поддаваться.

На десятый день этого хаоса у нас закончилось все: продукты, свечи, вода и терпение. Пришло понимание: если не убежим сегодня, уже не убежим совсем. Мы рванули. Вариант автомобиля не рассматривали, потому что накануне с нашей улицы семья пыталась выехать на машине, рашисты ее беспощадно расстреляли, попав в маму и четырехлетнего ребенка. В нашем доме осталась врач-терапевт, которая оказывала им медицинскую помощь, потому что скорые и пожарные к нам давно уже не приезжали.

Впятером мы двинулись пешком в Ирпень вдоль железной дороги: я, Леша, Маша, Марик и Маринка. В поле попали под первый обстрел. Муж потом сказал, что слышал, как мимо него просвистела пуля, то есть они сознательно стреляли в мирную семью с детьми. Нам нужно было добраться до церкви на улице Соборной, ведь там можно было зарядить телефоны, выпить чаю и на попутке попытаться доехать до села Романовка — последнего пункта сообщения между Ирпением и Киевом.

Страшнее всего было у входа в Ирпенский парк. Неподалеку между многоэтажками разорвался снаряд, посыпались стекла, задрожали стены, а мы просто упали на землю и прикрыли руками голову. К церкви нас подвезла разбитая машина с красным крестом. Оттуда мы двинулись на Романовку. Оставался последний рывок — разбитый мост перед нашим блокпостом, за которым людей ждали эвакуационные автобусы. Мы бежали со всех ног под пулеметными очередями. Наша Маринка, наверное, думала, что это игра, когда ее подхватил какой-то военный и перенес через мостик. Она даже смеялась. Марик был шокирован, но тоже бежал изо всех сил, только все время просил наушники, потому что слышать эти звуки было невыносимо. В автобусе ехали лежа в проходах между сиденьями: неподалеку что-то взрывалось и грохотало. Мы таки доехали в Киев. Никогда не думала, что главной ценностью для меня станет тишина.

Через несколько часов после нашего своеобразного марш-броска в наш дом попал снаряд. К счастью, в технический этаж под крышей, однако...

Мое сердце навсегда осталось в Буче. Каждый день сначала проверяешь обновления в чате своего дома: нет ли случайно новостей с места, где осталось твое сердце. Трудно узнавать, что в наши квартиры пришли мародеры. Они выносили все, что могли, а что не вынесли — просто крушили. Уничтожали не только вещи, но и мирных беззащитных людей.

Позже опубликовали фото нашего двора... Орки обустроили в нем свой штаб. Конечно, я совсем не так представляла себе штаб. Это было больше похоже на свинарник. Впрочем, все логично — какие бойцы, такой и штаб.

Понимаю, как страшно будет возвращаться. Очень страшно увидеть то, что осталось от нашего когда-то прекрасного дома.

Ирина Язова

44 года, врач, г. Буча (записано со слов Виктории Кириленко)

Во втором подъезде моего дома в Буче на улице Тарасовской живет врач-терапевт Ирина Язова – стройная и изящная мама троих детей. Часто люди, проявившие мужество в непростых ситуациях, остаются за кадром. Ира не из тех, кто снимает видосы на фоне танков/руин или спасенных пациентов, однако именно она, по моему мнению, заслуживает наград и медалей.

«**Ч**асто люди, проявившие мужество в непростых ситуациях, остаются за кадром. Ира не из тех, кто снимает видосы на фоне танков/руин или спасенных пациентов, однако именно она, по моему мнению, заслуживает наград и медалей.»

В наш дом 5 марта принесли раненого соседа Владимира из второго подъезда (тащили его, кстати, мой муж и друг нашей семьи). В тот день он хотел навестить родных в соседнем ЖК «Континент» и в три часа возвращался домой. Кому-то из рашистских снайперов это не понравилось, так что они

просто решили выстрелить в мирного жителя – попали в ноги, прострелили кость. С трех до шести Владимир лежал на дороге неподалеку от нашего дома, а мимо проезжали танки. Сначала, по его словам, он думал: «Хоть бы не наехали», а ближе к шести осталась лишь мысль: «Пусть уже наконец переедут, чтобы не терпеть эту боль». Позже его забрали соседи и перенесли в подъезд. Четыре дня Владимир лежал в подъезде нашего дома. Ира, обычная врач-терапевт, не хирург или военный медик, его перевязывала, обезболивала, находила лекарства. Когда мой муж притащил его вечером, то сказал: «Если сегодня ночью раненого не заберет скорая, то он не доживет до утра». Владимир, к счастью, дожил до утра и эвакуации через несколько дней, потому что рядом была Ира. Она его лечила, выхаживала и спасала.

Ира также принимала роды. В нашем доме осталась беременная женщина на девятом месяце. Так случилось, что ребенок решил родиться на двенадцатый день войны, когда в Буче уже не было ни света, ни воды, ни газа, ни бригады акушеров – ничего не было... Но была Ира. Она никогда до этого не принимала роды, но никто об этом даже не догадался. Для роженицы она была воплощением уверенности, и никто, кроме нее самой, не знал, как страшно ей было в ту ночь. Вдруг асфиксия и обвитие пуповиной? Или неожиданно случится разрыв и повлечет потерю крови?! Акушерская экспресс-бригада нашего дома

(врач-терапевт + дизайнер + домохозяйка) под руководством Ирины справилась и встретила в этом мире маленькую Алису. Она родилась в темном, холодном и обесточенном доме, но все прошло отлично. Через несколько дней мама и ребенок эвакуировались. О маме Алисы впоследствии писали ведущие порталы страны. Ира говорит, что обрадовалась бы теперь весточке от них, все-таки именно ее руки приняли ребенка в этом мире.

На руках у Иры были и другие дети. Семья из Ирпня решила эвакуироваться машиной через Бучанский железнодорожный переезд, но именно здесь ее остановили орки, завернули назад и начали стрелять. Попали в людей на заднем сиденье: женщине прострелили голень навывлет, а полуторагодовалой дочке сильно ранили ногу. Они свернули на нашу Тарасовскую, где их приняли в своем доме незнакомые люди. Ира перевязывала их, давала обезболивающие, принесла антибиотики.

Ира не считает, что делает что-то героическое. Лишь то, что считала нужным в данный момент, – быть верной клятве Гиппократ и помогать нуждающимся. Руками этих людей, которые не сомневаются ни на миг и исполняют свой долг, творятся великие победы. Горжусь своей соседкой! Думаю, что такими людьми, как Ира, должна гордиться вся страна, а возможно, и весь мир!

Дарья Сапон

40 лет, врач-психиатр, психотерапевт

Оперативная полевая деятельность у меня началась в 2014 году. Уже в первый день Революции Достоинства мы с коллегами вышли на Майдан и помогали как волонтеры. Было очень много людей в стрессовых состояниях, соматически стрессовых состояниях, которые нуждались в профессиональной помощи.

Я работаю как врач-психиатр уже достаточно долго, чтобы сказать, что у меня есть разносторонний опыт. Еще 18 лет назад, после окончания Национального медицинского университета имени О.О. Богомольца, я начала специализиро-

ваться в области медицинской психологии, защитила диссертацию и получила степень кандидата медицинских наук. Сейчас у меня своя клиника, я преподаю в университете, а также в институте нейрохирургии. Работы всегда хватало, но в тяжелые для страны времена ее в разы прибавилось.

Сегодня, в условиях войны, оказывать психологическую помощь гораздо тяжелее. Ведь мы, психотерапевты, тоже люди, которые сами находятся в эпицентре войны. Несмотря на это, мы обязаны помогать другим. Тяжело работать, если не уверена, что твои близкие в безопасности.

Семья отца осталась в Буче. Когда я узнала, что семья Никифоровых — муж, жена-инвалид (расеянный склероз) и две дочери — не успела выехать, сразу начала их искать. Они не выходят на связь. Мы до сих пор не можем их найти. Мы их все еще ищем. Внутри ощущение какой-то опустошенности. Юрист из моей организации на момент начала войны тоже находилась в Буче. До сих пор тоже с ней нет связи. Мы очень боимся получить плохие известия, как и все, я очень хочу, чтобы они позвонили. Каждый день я жду от них звонка или смс, но надежда угасает. Об этом тяжело говорить. Это мое, личное.

Классические психологические тренинги говорят, что психиатр, который сам находится в эпицентре событий, не может работать с пациентами. Необходима помощь со стороны, но мы не можем ждать помощи со стороны, ведь наши пациенты переживают тяжелые потери. Конечно же, есть понимание, что нам необходимо работать, даже когда начинают сниться кошмары или подкатывают слезы после сеанса. Из всех психиатров, которых я знаю, только около двух процентов покинули Украину. Это свидетельствует о том, что врачи очень четко понимают, насколько востребованы сейчас и здесь, в самой гуще событий.

Сейчас наша профессиональная помощь больше всего нужна женщинам и детям. К нам приходит очень много девочек, девушек и женщин, которые пострадали от насилия и потерь: это женщины, которые потеряли детей, мужей, потеряли кров или покинули свои дома. Мы получаем столько

«**Из шока, по большому счету, есть два выхода: или деформация личности, то есть расщепление личности, или выход в более сильную натуру. Несмотря на то, что еще ничего не закончилось, я вижу по своим коллегам и по своим пациентам, что мы становимся мудрее и сильнее — все вместе, вся нация.**»

обращений, что наша команда волонтеров-психотерапевтов не справляется с таким количеством травмированных. Волонтеров становится все больше, но и обращений тоже. Есть некоторые волонтеры, которые начали психологически истощаться, им самим уже нужна помощь. Я стараюсь не принимать в день больше двух-трех пациентов, которые потеряли близких, ведь это тяжело как для пациента, так и для врача. Очень сильная боль у людей! Очень тяжелые ситуации. Конечно, мы плачем и я плачу, когда слышу их истории.

Мы работаем также и с другими пациентами и обращениями, которые приходят онлайн.

Самые распространенные жалобы — тревога, которую не могут преодолеть, фантомные жалобы. Я впервые столкнулась с таким ярким явлением, как фантомные сирены. Почти каждый говорит: «Я реально слышу сирены. Это у меня галлюцинации какие-то?» Нет, просто миндалевидное тело так реагирует на опасность, которая рождает страх потерять жизнь. Страх умереть — один из самых сильных у человека. Многие, поменяв локацию, переехав в другое место, все равно не чувствуют себя в безопасности. Развиваются хронические болевые синдромы, например, начинает болеть тело без причины. У многих повышается содержание сахара в крови, они могут терять сознание, появляется нарушение пищевого поведения. Тревоги и кошмарные сновидения, нарушения сна — самые распространенные симптомы.

В некоторых областях сейчас разрешили продавать алкоголь. Я не могу сказать, что это улучшит ситуацию, ведь алкоголь не гасит тревогу, а наоборот, повышает, в том числе слабоалкогольные напитки. Одна-две-три бутылки пива — и человек начинает мне звонить, что у него паническая атака: «Я умираю».

Сегодня на этом фоне произошло возвращение или обострение психиатрических болезней. У кого-то вернулось параноидальное мышление или галлюцинации. Мы должны понимать, что люди живут еще на адреналине, но вскоре мы получим всплеск психосоматических нарушений, и не только психосоматических. Я говорю о том, что такие сильные потрясения, безусловно, не пройдут бесследно для психики многих людей, и они будут нуждаться в психологической помощи.

У нас потрясающее гражданское общество, мы умеем очень быстро собираться и помогать друг другу. Много людей, которые были в «Госпитале Майдана», где я раньше работала, самоорганизовались в волонтерские группы психологов, волонтеров-психиатров и психотерапевтов, которые предоставляют помощь людям, часто сами находят лекарственные препараты через друзей за рубежом или друг у друга. Так мы и помогаем своим пациентам.

Глядя, как работают мои коллеги, чувствую, что силы, гордости и патриотизма становится все больше и больше. Потому что из шока, по большому счету, есть два выхода: или деформация личности, то есть расщепление личности, или выход в более сильную натуру. Несмотря на то, что еще ничего не закончилось, я вижу по своим коллегам и по своим пациентам, что мы становимся мудрее и сильнее — все вместе, вся нация.

Юлия Клименюк

*42 года, маркетинг-директор сети аптек,
г. Харьков*

В нормальной жизни работаю маркетологом в аптечной сети. Я очень люблю свой город и свою работу. Настолько люблю, что мы написали книгу «Харьков фармацевтический».

Всю свою жизнь я говорю на русском, мои предки жили в Москве, Санкт-Петербурге, Курске и Белгороде. Их портреты висят в Эрмитаже и Третьяковке. На улицах Москвы стоят построенные ими дома. Моя прапрапрабабка описала смерть своего близкого друга — поэта Лермонтова. В моем

свидетельстве о рождении в графе «национальность» написано «русская». Я — русская в моем любимом родном украинском Харькове.

24 февраля мы проснулась от взрывов... Кого они пришли спасать?! Они стирают шаг за шагом мой родной и любимый город. В моей стране гибнут люди, дети. Сотни тысяч людей покинули свои дома и вынуждены были выехать.

«Спасение» началось еще в 2014 году: Крым, Донецкая и Луганская область... Как напоминание о тех страшных событиях в нашей семье появился Кексик — трехлапый пес, сменивший донецкую прописку на харьковскую. Теперь это Харьков, Киев, Мариуполь, Чернигов... Они убивают мирных жителей, превратили нашу жизнь в ад... Под Изюмом российские военные расстреляли авто моих друзей из танка, а мой друг в Веселом получил три пулевых ранения в живот, находясь у себя во дворе, — солдат выпустил автоматную очередь ради забавы. В нашей аптеке на рабочем месте погибли сотрудники, а дочери сотрудницы после травмы ампутировали ногу и вывезли в город Белгород. Сейчас мы ее ищем, но пока так и не смогли найти. В другой аптеке фармацевты получили ранения от «освободительной бомбы»... Орки разрушили здание, которое было построено русскими. В моем героическом Харькове остались тысячи людей. В городе, где говорят на русском. В городе, который бомбят русские. В городе, где русские солдаты стреляют в мирных жителей...

Так вы, русские, нас спасаете? От кого, скажите?

«**Спасение» началось еще в 2014 году: Крым, Донецкая и Луганская область... Теперь это Харьков, Киев, Мариуполь, Чернигов... Они убивают мирных жителей, превратили нашу жизнь в ад... В моем героическом Харькове остались тысячи людей. В городе, где говорят на русском. В городе, который бомбят русские. В городе, где русские солдаты стреляют в мирных жителей...**»

Моя жизнь изменилась.

Вместо офиса и деловых встреч — жизнь в подвале. Вместо мягкой постели — холодный пол. В подвальном помещении одной из наших аптек дети живут с мамами. Жители первой столицы ругаются матом, готовят коктейли Молотова и пытаются выжить. У нас нет больше мирной жизни. Мы оставили свои дома и боимся за своих детей. Утром проводим переключку — все ли дожили до утра.

Я перестала быть маркетологом. Не знаю, что будет завтра и будет ли оно... Привыкла при команде «Воздух» вместе с покупателями падать на землю лицом вниз и закрывать голову руками. Привыкла писать некрологи и искать пропавших без вести. Мне привычно много такого, чего я даже не могла себе представить в той своей мирной жизни.

В первые дни войны мы еще не понимали, что может быть с нами. Первые обстрелы застали нас в теплой постели. Мы никуда не спешили, медленно осознавая, что происходит. Не собирали вещи и не бежали из города. Я взяла машину и поехала забирать троих людей с Салтовки: двоих студентов-фармацевтов и их друга. Мы попали в огромную пробку. Долго выбирались. Потом стояли в магазине в очереди за продуктами и уже около 8:30 были в офисе. В офисе, где есть подвал. Первая ночь на полу, первый вой сирен. Первые взрывы рядом... Это сложно описать словами, передать чувства от рева самолета, кружащего над центром города... Каждый раз выдыхаешь, когда он улетает... Привыкаешь к звукам артобстрелов и понимаешь — по нам или от нас...

Мы не могли уехать... У нас обязательства перед теми, кому нужны лекарства, перед теми, кто ежедневно выходит за прилавок аптек и помогает гражданскому населению купить нужные препараты.

Открытие аптеки под звуки автоматной очереди во время уличного боя. Русские военные, которые пришли в аптеку за лекарствами. Таксист, он же корректировщик, который сливал позиции. Прилет мины от авиаудара. Это только первые шесть часов одного из многочисленных дней. Мы перестали понимать, какой нынче день недели и какое число. Жили в подвале, выходили на работу, помогая собирать лекарства... Комендантский час, редкий сон, снова аптеки и сбор лекарств.

Через неделю я осознала, что ни разу не открывала ноутбук. Все новости узнаешь с телефона. Все, что раньше было важно, утратило смысл... В офисе появлялись новые люди, они ночевали в нашем

«**В подвальном помещении одной из наших аптек дети живут с мамами. Жители первой столицы ругаются матом, готовят коктейли Молотова и пытаются выжить. У нас нет больше мирной жизни. Мы оставили свои дома и боимся за своих детей. Утром проводим переключку — все ли дожили до утра.**»

подвале и уезжали... Уезжали соседи... Город пустел... Позже уехали студенты-иностранцы. Мы остались...

После одного из обстрелов я вышла на улицу и увидела контуженную взрывом собаку. На руках принесла ее в наш подвал... Люди, животные — мы все были вместе.

Каждое утро я выхожу открывать аптеку и начинаю собирать лекарства, ведь людям в Харькове нужны лекарства: для девочки-астматика, бабушки, больной онко, для госпиталя и больницы, для ТрО, для мамы, для приюта... Мой телефон не умолкает... В какой-то момент я осознала, что перестала здороваться с людьми. Просто нет на это времени. До начала комендантского часа нужно собрать списки.

Виктория Романенко

*45 лет, доцент кафедры высшей математики
Национального университета пищевых
технологий, г. Буча*

24 февраля почему-то не спалось, проснулась за час до начала войны, никак не могла снова заснуть. Было очень тихо и как-то беспокойно. Вдруг во дворе завывала собака, через несколько минут послышались взрывы... Сначала думала, что показалось, потом надеялась, может, что-то другое, но включила телевизор и поняла, что началась война...

Проснулись все. Предупреждения о возможности вторжения были, но до последнего не верилось, что война

может начаться на самом деле. Упаковка тревожных чемоданов казалась игрой. Четкого плана действий не было. Первое, что пришло в голову: надо всех накормить завтраком, что будет дальше — неизвестно... А дальше события разворачивались очень быстро. Начали бомбить Гостомель, в Киев полетели ракеты, над домом ревели самолеты и вертолеты. В небе клубился черный дым, прыгать то и дело в погреб уже не казалось проблемой. Соседние дома один за другим пустели, люди стали убегать. Я вдруг поняла, что совсем не хочу куда-то ехать, поняла, как люблю свой дом и все вокруг. Но когда передали, что в Гостомель сбросили многочисленный вражеский десант, стало страшно за детей, поэтому сели в машину и двинулись в путь.

Сначала думала, что выведу вместе с детьми, буду заботиться о них там, где не стреляют... Знала, что работу найду, математику учат везде. С опытом преподавания на английском языке найти работу не будет проблемой. В любой стране есть международные школы, в университетах — англоязычные проекты.

Дорога к границе, к безопасности оказалась невыносимо длинной... Более двух суток. Все это время приходили сообщения от соседей, друзей, знакомых, от тех, кто остался, кто не успел, кому не на чем уехать. Приходили фотографии и видеозаписи того, что делают рашисты с моим городом, с оставшимися там людьми. Я всегда понимала, что война — это страшно, но не думала, что вражеская армия будет воевать с мирным населением, с женщинами и детьми...

Когда наконец-то добрались до границы и можно было сесть на поезд, я поняла, что не смогу... Для детей это стало неожиданностью, они думали, что придется прощаться только с папой. Пришлось им объяснить, что детство закончилось, и теперь они должны быть сильными для нас, чтобы мы могли сохранить их Родину, чтобы им было куда вернуться. К счастью, мои дети достаточно взрослые, девушкам 22 года и 14 лет. Старшая — студентка, младшая — школьница. Они меня поняли и согласились отправиться дальше вдвоем. Мне было не так важно, куда ехал тот поезд, главное — там нет войны. Я знала, что теперь с ними все будет хорошо!

этому, потому что думать о чем-то, кроме войны, было невозможно. В то же время я имела возможность целыми днями помогать волонтерам. Сначала плела сетки. Механическая работа отвлекала от постоянного просмотра новостей.

Подбадривало то, что, возможно, эта сетка там, на передовой спасет чью-то жизнь, а тот кто-то отомстит за нас. Потом выяснилось, что может пригодиться мое увлечение — шить себе одежду. Местная швейная фабрика Style-Nika, производитель дорогой элегантной одежды для женщин, сменила свой профиль и начала бесплатно шить одежду для нашей армии и терробороны. Меня с радостью пригласили помогать, доверили даже кроить.

Постепенно мой университет возобновил обучение в дистанционной форме. Я вдруг поняла, что наши студенты повзрослели и хотят учиться. Они стали более серьезно относиться к лекциям, ценить знания и помощь преподавателя в такое сложное время. Даже студенты, у которых я не читаю, попросились на мои занятия в зуме. Их преподаватель не мог выйти на связь, а темы совпадали. Те, кто не мог зайти в зум, просматривали записи лекций. А я радовалась каждому, кто подключился к занятию, кто просмотрел видео, кто прочел сообщение. Значит, живые, значит, где-то есть! Радовалась, что, когда упаковывала тревожный чемодан, вместе с самым необходимым смогла прихватить ноутбук, что есть интернет и что моя работа кому-то нужна!

Боль переполняла... Хотелось ехать домой и душить захватчиков голыми руками! Но это было нереально. Возвращаться уже было некуда. Буча уже была разбита и оккупирована врагом. Оставшиеся уже жили в подвалах под постоянными обстрелами без света, газа, воды и интернета. Они еще понемногу выходили на связь с постепенно разряжавшихся мобилок, но долгожданные смс, что живы, приходили все реже ...

Мы остановились в Хмельницком. Муж сразу обратился в военкомат, но ни в вооруженные силы, ни в терробороны его не приняли. Сказали, что слишком много желающих воевать. Объяснили, что война — это не только боевые действия и линия фронта, пользу можно приносить и на своем рабочем месте. Его перевели в хмельницкое отделение по специальности.

Мой университет, как и другие учебные заведения Украины, был на вынужденных каникулах. Я сначала радовалась

«
Сейчас уже несколько зарубежных университетов предложили мне работу по специальности в качестве поддержки. В другое время я бы уехала за новым опытом и впечатлениями. Но сейчас не могу...»

У меня много друзей за границей Украины. Коллеги-педагоги из других стран волнуются за нас и предлагают всяческую помощь. Сейчас уже несколько зарубежных университетов предложили мне работу по специальности в качестве поддержки. В другое время я бы уехала за новым опытом и впечатлениями. Но сейчас не могу... Мои дети в безопасности, могут продолжить учебу, живут в семье на попечении моей коллеги, а я больше нужна здесь. Пока есть возможность работать в Украине, я буду оставаться и делать все для нашей победы! Буду учить студентов, детей ребят, которые сейчас с оружием защищают нашу страну. В перерывах между лекциями буду кроить и шить теплую одежду нашим защитникам, а ночью, во время воздушных тревог, буду подбадривать местных ребятшек в подвалах. Уверена, я сделала верный выбор. Наша победа уже скоро, а все стажировки, обмен опытом, поездки за границу — еще впереди! Все будет Украина!

Даша Городецкая

24 года, молодая мама, коммуникационщица
ОС «Освитория», г. Фастов

Мы планировали рожать в Киеве, но утро 24 февраля навсегда изменило все. Врач, которая по договоренности должна была вести роды, уехала в первые же дни войны. Поскольку постоянно обстреливали и в фастовской больнице не было медикаментов, мы решили уезжать подальше от Киевской области. Выбор пал на Винницу, куда мы приехали 3 марта. Первая проблема, с которой мы столкнулись, — поиск жилья, ведь раз это более безопасное для родов место, значит, все уже занято. Школы или спортзалы с матрасами на полу беременным не подойдут. По номерам телефонов, указанным в

предложениях жилья в общем доступе, часто никто не отвечал, или же уставшие от наплыва переселенцев хозяева отнекивались: «Я ничего не сдаю в аренду», — и бросали трубку.

Нам повезло: нас пустили в большой дом за городом. Часто в роддомах рожениц спрашивают: «Куда планируете ехать?»

Многие выезжали сразу на Запад Украины, поэтому новорожденных готовят к дальней и тяжелой дороге. Априори мама должна предусмотреть для себя с ребенком такое жилье, где выполняется правило «двух стен», ведь понятно, что пригодных для новорожденных убежищ в Украине нет.

В городе было три роддома. Сначала я попала в самый большой роддом Винницы — самый оснащенный, где было очень много усталых рожениц со всех уголков Украины. Кесарево сечение (мне оно было необходимо из-за беременности двойней) врачи максимально оттягивают или делают очень неохотно: по правилам безопасности абсолютно все во время воздушной тревоги должны спуститься в бомбоубежище, а в ходе операции сделать это непросто. Именно поэтому рожать самостоятельно — пожалуй, чуть ли не единственная имеющаяся опция.

На моих глазах произошла такая ситуация: роженицу в процессе родов попросили перейти в подвал, потому что прозвучала воздушная тревога, однако не могу утверждать, что такое случалось часто.

Нужно понимать, что значит для беременной женщины перейти в убежище: спуститься на первый этаж, выйти на улицу и добежать в подвал в соседнее здание. Беременным трудно ходить, так что уложиться в семь минут почти нереально. Новорожденные тоже должны находиться вместе с матерью в подвале. Именно поэтому после пребывания в подвальных помещениях дети и мамы часто страдают воспалением легких.

В первом роддоме я пробыла несколько дней, а потом меня направили в другой, где делают кесарево сечение. В отделении патологий новорожденных, в которое обычно попадают с двойней, мест очень мало: 15–18 м² на 10 человек. Например, я с двойней и бабушка занимали одну кровать. Врачи признаются: сейчас выписывают даже детей, которые еще не набрали 2500 г и в удовлетворительном состоянии, если видят динамику к улучшению, ведь очередь на свободные места очень большая.

Условия не совсем гигиенические, не будем скрывать. Мыло, дезинфектор и холодная вода — все, что было в наличии, однако в стрессовом состоянии организм восстанавливается гораздо быстрее. Детей моют кто как: салфетками, из чашки или из миски. Душ расположен в другой части корпуса, до которой десять минут ходу. В комнатах очень жарко, но проветривать не было возможности, ведь окна заложены мешками с песком, поэтому открывали двери в коридор. Да, там везде трубы и стекловата, но выбрать не приходится.

Следует понимать, что это обусловлено войной. Отдельно хочу поблагодарить врачей, которые, несмотря на все, внимательно и профессионально относятся к каждому новорожденному, а после выписки дают номер своего мобильного, чтобы оставаться на связи. Это очень ценно.

Знаете, почему женщины, рожавшие во время войны, не плачут? А если и плачут, то немного. Потому что некогда плакать. Все понимают: спокойные дети — это уравновешенная мама, поэтому все держатся и гладят детей. Потому что любить нужно больше, чем бояться.

И я не боялась и верила. И сейчас верю... Верю в Украину и нашу победу!

«
Знаете, почему женщины, рожавшие во время войны, не плачут? А если и плачут, то немного.? Потому что некогда плакать. Все понимают: спокойные дети — это уравновешенная мама, поэтому все держатся и гладят детей. Потому что любить нужно больше, чем бояться.»

Андреана Костенко

40 лет, доктор политических наук, Сумской государственной университет, г. Сумы

Сумщина — пограничная с вражеской страной область, поэтому она одна из первых пострадала от нашествия сухопутных войск оккупанта. Именно Сумы уберегли левобережный Киев от молниеносного окружения и захвата, ведь если бы пала столица, Украину ждала бы гораздо более трагическая судьба.

Война изменила привычный уклад жизни. В городках и селах возле Сум стоят оккупанты. Они обстреливали и

жгли Тростянец. Людей запугивают, обходят с оружием дома мирных жителей, насилуют, расстреливают и грабят. Люди неделями сидят в подвалах без связи, еды и воды, медикаментов и помощи. Оккупанты не смогли захватить Ахтырку, поэтому разрушают ее до основания, выжигая «Градами». Это тактика россиян, которые мстят населению, что не сдалось и не принимает «русский мир». Российские террористы заселяются в дома местных, а в одной из громад вывели из домов женщин и детей и угнали в неизвестном направлении. Их судьба на данный момент неизвестна. Во время ночных налетов авиация РФ разбрасывала противопехотные мины в виде цветов — смертоносных лепестков, которые трудно заметить или распознать. Наступив на нее, можно получить серьезные ранения ног и умереть от кровопотери.

В Сумах обстреливают окрестности города, а чаще всего под обстрел попадает район завода «Химпром», была утечка аммиака... Нас предупреждают о возможной химической атаке.

Каждую ночь хватаюсь за телефон и быстро просматриваю сообщения, новости и аналитические сводки. Вслушиваюсь в речи Президента Украины, пытаюсь уловить подтекст и понять по общим фразам, что же происходит.

Просыпаюсь где-то в пять утра: мой организм будто создал биологические часы, которые предупреждают об опасности. Прислушиваюсь, нет ли взрывов, потому что волнуясь, что могла что-нибудь проспать, оглядываюсь на родных рядом. Если удастся провести ночь дома, хоть в коридоре на полу, а не в подвале, и то хорошо. Война разлучила меня с родными — пришлось спасать сына и родителей, отправить их в относительно более безопасную часть Украины. Провожая сына до последнего блокпоста в Сумах, я чувствовала, как сердце вырывают из груди. Меня словно разорвали пополам: душа уехала вместе с сыном, а тело осталось в оккупированных Сумах. Из Сум уже уехала, наверное, треть населения.

Каждый день получаю множество сообщений и звонков от друзей, родных и знакомых. Спрашивают: «Как ты?» Я кратко отвечаю: «Норм. Держимся!» Мои сообщения и телефонные разговоры стали очень короткими и сухими, потому что важно успокоить родных и близких, поддержать их. Именно поэтому не разрешаю себе никаких эмоций и слез. Я постоянно куда-то звоню по телефону, пишу

«**Именно Сумы уберегли левобережный Киев от молниеносного окружения и захвата, ведь если бы пала столица, Украину ждала бы гораздо более трагическая судьба.**»

десятки сообщений, чтобы найти медикаменты и средства первой необходимости для одиноких, людей с инвалидностью и детей, проживающих в оккупированных городах и городках Сумщины. Пешком прохожу 10–15 км, чтобы передать все необходимое нуждающимся. В оккупированных городах работает несколько магазинов, продуктов мало, почти все полки пусты. Повсюду очереди. Особенно остро стоит проблема с лекарствами: их не хватает, особенно жизненно важных препаратов, которые невозможно приобрести. Мои коллеги, преподаватели и студенты, рискуя собственной безопасностью, стоят в очередях в аптеки и магазины, ищут медицинские препараты в разных частях Украины, передают их со знакомыми и незнакомыми людьми. Сейчас не имеет значения, кто ты, чем занимался в мирной жизни, какие ученые степени имел или должности занимал. В настоящее время важно то, что ты можешь сделать для помощи людям рядом, облегчения их страданий, приближения таким образом победы.

Каждый час календарь напоминает мне о событиях, запланированных на март 2022 года до войны. В мирной жизни я любила планировать: каждый день расписывала почасово — занятия в университете, рабочие встречи, тренинги, курсы английского, исследования и много разных проектов. Эти уведомления ободряют меня и помогают оставаться собой. Во время войны прежде всего важно оставаться собой, не забывать, кто ты есть, что любишь делать и в чем состоит дело твоей жизни. Война изменила мою жизнь, но не меня. В настоящее время главная задача — уберечь родных и страну, помочь ближним и позаботиться о себе. Важно осознать новую реальность, но в то же время не сойти с ума и не поддаться всецело негативным эмоциям.

Каждый вечер я пишу десятки писем партнерам — о поддержке Украины, о давлении на европейских политиков, об информировании европейцев. Даю комментарии местным журналистам. Переписываюсь со студентами, стараюсь разъяснить события и поддержать веру в Украину. Часто ночь приходится проводить в подвале с соседями. Мы обмениваемся мнениями и новостями, поддерживаем друг друга, делимся самым необходимым. Мы делаем и будем делать все, чтобы оставаться сильными, избежать негативных мыслей, страхов и слез. Плакать будем после победы!

Люблю вас. Украина победит!

«**Сейчас не имеет значения, кто ты, чем занимался в мирной жизни, какие ученые степени имел или должности занимал. В настоящее время важно то, что ты можешь сделать для помощи людям рядом, облегчения их страданий, приближения таким образом победы.**»

Анна и Екатерина Пилипенко

20 лет, студентки, г. Харьков

Мы родились, жили и учились в школе архитектуры в самом лучшем в мире городе — Харькове. По совместительству работали дизайнерами сайта «Аптека 9-1-1».

24 февраля нас разбудил звонок друга — он сказал, что началась война. Мы живем в центре города, поэтому отчетливо слышали обстрел. Сначала растерялись, но за нами заехала наша руководительница Юля. С первых взрывов улицы Харькова будто парализовало — в разных направлениях ехало огромное количество машин, тысячи людей бежали куда-то с чемоданами, очереди на заправках достигали нескольких

километров. Мы забрали еще троих человек, и Юля завезла нас в офис, потому что там был большой глубокий подвал.

В нашем офисе много цветов, а еще живут три кота, которых мы подобрали с улицы. Мы сняли все цветы с подоконников и начали заклеивать окна, потом позаслонили их, чем могли. Вернулась Юля, и мы начали раскладывать продукты, делать перестановку в офисе, который стал похож на оборонный пункт: мы оборудовали спальные места, разложили диван, подготовили пледы. Было страшно, и мы не знали, что делать. Над нами пролетали самолеты, их гул пугал. Впервые за день мы расплакались, потому что не знали, что будет завтра...

Ночь прошла относительно тихо, лишь несколько раз мы спускались в подвал, где было холодно и сыро. Нас охватывал какой-то животный страх, и невозможно было с ним справиться. Первые взрывы рядом, первые погибшие...

На следующий день смерть подобралась ближе: мы узнали о гибели очень хорошей знакомой, студентки НФаУ. Ее автобус расстреляли по дороге на Изюм. Каждый день подобных известий становилось все больше: на улицах, под завалами гибли мирные жители Харькова. Часто это были наши знакомые. Мы уже не плакали, потому что просто не было сил.

Юля каждый день ходила в аптеки собирать лекарства, а мы пытались работать — создавали полезный для горожан контент с информацией относительно поиска медикаментов. Мы стремились максимально облегчить харьковчанам процесс выбора, поиска и получения лекарств, средств гигиены, детского питания.

«
Мы должны были вывезти из города бесценный архив открыток старого Харькова, датированных до 1917 года. Коллекция не имеет аналогов, так что мы понимали, какая ответственность на нас возложена... Люди всегда говорили, что мы никак не повзрослеем... Однако нам кажется, что мы очень повзрослели за последний месяц. Даже слишком...
»

Однажды Юля пошла встречать волонтеров, чтобы помочь отгрузить детское питание, но вдруг раздался сильный взрыв — рядом, совсем неподалеку... Ребята и Юля едва успели попасть в убежище... Впоследствии мы узнали, что это были ракеты, попавшие в ОГА, а до нас дошла взрывная волна... Под тем обстрелом погибли люди, там было много друзей Юли. Ночью она тихо плакала в подвале.

В район, где расположен наш дом, прилетало несколько раз: сейчас соседние здания полностью разрушены, а перед нашим стоит разбитый российский танк... Мы не могли представить себе такое даже в самом страшном сне...

Каждый день обстрелы учащались, все больше людей выезжали из Харькова. Вопрос о нашем выезде обсуждался ежедневно, но окончательное решение было принято через 15 минут после того, как самолеты и артиллерия РФ в течение почти двух часов бомбили город, стирая памятники архитектуры, уничтожая сад Шевченко, зоопарк и университет Каразина... Все эти объекты расположены на расстоянии менее одного километра от нас.

Мы не хотели покидать родной город, стремились быть полезны именно в Харькове. Поэтому Юля придумала целую спецоперацию, чтобы организовать нашу эвакуацию во Львов. Мы должны были вывезти из города бесценный архив открыток старого Харькова, датированных до 1917 года. Коллекция не имеет аналогов, так что мы понимали, какая ответственность на нас возложена. Кроме открыток, коллекция содержит архив известного врача-физиолога Василия Яковлевича Данилевского (1868–1939), уникальные фото, сделанные известными фотографами Алексеем Иваницким и Альфредом-Люцианом Федецким, датированные до 1920 года (большинство из них существуют в единственном экземпляре), а также подшивки журналов фармацевтических практик и т.д. Отдельного внимания заслуживает оригинал доклада Антонины Лесневской, после которого женщинам разрешили работать продавцами лекарств, коммуницировать с покупателями. Ей удалось в далеком 1901 году уговорить власть, представленную целиком и полностью мужчинами, открыть первую женскую аптеку и взять на учебу в свою школу 11 девушек — будущих провизоров.

Нам удалось эвакуироваться и вывезти архив. Мы уже немного оправились и продолжаем помогать людям.

Кстати, наша руководительница Юля — одна из авторов книги «Привет из Харькова: история столицы фармации». Мы разрабатывали дизайн книги и верстали ее. Издание должно было приехать из типографии 24 февраля, но началась война... В типографию прилетел снаряд. Уцелевшие книги с третьего раза удалось достать и перевезти во Львов. Авторы приняли решение: все полученные средства потратить на аппараты внешней фиксации, в которых сейчас так нуждаются в больницах Харькова. Нам уже удалось приобрести и передать 100 комплектов.

Люди всегда говорили, что мы никак не повзрослеем. Наверное, потому что близнецы и живем в каком-то собственном, иногда понятном только нам мире. Однако нам кажется, что мы очень повзрослели за последний месяц. Даже слишком...

Валентина Решитько

86 лет, пенсионерка, поселок Клавдиево-Тарасово, Киевская область

В этот проклятый Богом день, 24 февраля 2022 года, мне утром позвонила младшая внучка и сказала, что началась война. Воспоминания о Второй мировой вереницей поплыли перед глазами.

Я не помню своего отца, но помню прикосновение его колючей щеки, когда он обнимал нас, маленьких детей, перед уходом на фронт. Мама осталась с нами тремя, маленькими, в оккупации в Киевской области. Через наш поселок дважды проходил фронт: советские войска сменялись немецкими и наоборот. В 1945 году моя мама оста-

лась вдовой с тремя детьми на руках. Ей было 29 лет. Мы выжили. Тяжело работали, ходили в лес собирать грибы, ягоды и дрова. Сажали в огороде, что могли. Мама всегда говорила: «Если у нас что-то будет, мы сможем поделиться с тем, у кого ничего нет». До сих пор помню ее слова.

В то черное утро в голове кружили воронами тревожные мысли: «Неужели это придется пережить моим детям, внукам и правнукам? Как такое может происходить в XXI веке?»

Уже утром 24 февраля бомбили Бучу, Гостомель, Ирпень. Впоследствии Макаров, Бородянку... Небо горело, гремело. Все вокруг дрожало. По Киевщине шли колонны техники, а в небе летали истребители и вертолеты. Уже через несколько дней вражеские войска стояли в соседних селах. Бомбардировка городков вокруг столицы не утихала. Дочь все время повторяла, чтобы я помнила о «правиле двух стен». Теперь я прекрасно знаю, где такое место в моем доме.

Со временем я стала различать на слух, когда стреляют танки, когда — «Грады». Через несколько дней пошли слухи, что оккупанты ведут себя жестоко и бездушно. Таких зверств во времена оккупации моего села фашистами не было.

Наш поселок оказался в полной блокаде: ни въехать, ни выехать. Перед войной горожанам советовали поскорее выбраться за город. Ведь что такое сельская жизнь? Здесь тихо и спокойно, поэтому люди и поехали именно в такие села вокруг столицы.

На второй день войны исчезли свет и мобильная связь. Перестали привозить продукты и лекарства. Мы делились друг с другом продуктами, водой, свечками, кормом для животных, памперсами, медикаментами. Те, у кого были генераторы и бензин, заряжали телефоны и радио. В это трудное время люди сплотились. Каждый помогал, чем мог. Активисты собрали генераторы и бензин и организовали такую себе пекарню — стали печь хлеб и развозить его пожилым людям. Сначала по буханке, потом уже по половинке. Запасы в поселке заканчивались. Позже появились волонтеры, и людей вроде меня взяли под опеку. За что я им очень благодарна.

Моим внукам повезло. Они забрали детей и вырвались из осады. Это было большое счастье. Как малышам без еды? Еще и в доме холодно и темно. Дети и внуки и меня просили выехать. А куда мне ехать? Моя душа и сердце здесь. Трудно. Нет, я не хочу покидать свой дом. Столько лет моей жизни тут прошло.

очень важно вырастить и собрать урожай. Снова вспомнились мамины слова: «Если у нас что-то будет, мы сможем поделиться с тем, у кого ничего нет».

Дети оставили мне радио на батарейках. Я слушала и узнавала хоть какие-то новости. Однажды в эфире рассказали о садах победы. Их сажали во время Первой и Второй мировых войн. Выращивали овощи в частных подсобных хозяйствах и в парках в США, Великобритании, Канаде, Австралии и Германии. В передаче говорилось, что так люди косвенно помогали военным, способствовали увеличению запасов продовольствия. Оно и правильно, потому что поднимает дух граждан. Мудрое решение.

Работа на огороде и около дома вдохновляет и лечит. Держит на свете. Во дворе уже цветут гиацинты, тюльпаны, нарциссы такие красивые. Я посадила картофель и фасоль, посеяла морковь и свеклу. Позже посажу капусту, помидоры. Хочу еще кабачки и тыкву. Теперь я знаю точно: пока будут силы работать на земле — не умру. Дождусь возвращения детей и внуков.

По дороге в Киев родные попали под обстрелы и бомбежку, где-то рядом с Бучей и Гостомелем. Такой ужас для двух маленьких детей. Они могли погибнуть под осколками ракет. Хорошо, что Господь уберег.

Со мной остались дочка и младшая внучка. Были до марта, но и им пришлось уехать, спасаться. Им еще жить и жить! Уговаривали тоже уехать. А я не хочу, не поеду, не оставлю родные места.

Осталась я сама. Долго думала: чем я, больная старая пенсионерка, могу быть полезна? Надежду дала весна. Нужно и домом заняться, и огород засеять. Сейчас

« ————— »

Со мной остались дочка и младшая внучка. Были до марта, но и им пришлось уехать, спасаться. Им еще жить и жить!.. Уговаривали тоже уехать. А я не хочу, не поеду, не оставлю родные места.

————— »

Дарья Нагаивская

31 год, менеджер проектов Харьковской общественной некоммерческой организации «Современная женщина» (Kharkiv NGO Actual Woman), г. Харьков

Для меня война началась весной 2014 года. Мы гостили у родственников на Донбассе, и в трех километрах от их дома в три ночи по трассе пошли российские танки. Мы сразу поняли, что происходит. С большим трудом двое суток выбирались из города. С этого момента постоянно мониторю новости и ситуацию на фронте. Не прошло и дня, чтобы мы не думали о войне. Военные действия стали фоном всех жизненных событий, иногда ярко выраженным, иногда почти

незаметным. Тревогу удавалось заглушить лишь ненадолго.

В начале второй фазы войны в 2022 году понадобилось несколько суток, чтобы оценить агрессивность действий российской стороны и сориентироваться, безопасно ли оставаться в городе. Сложнее всего было осознать, что каждый миг может стать последним, а жизнь может внезапно прерваться в результате ракетных обстрелов. Сигналы воздушной

«**Для меня война началась весной 2014 года. Мы гостили у родственников на Донбассе, и в трех километрах от их дома в три ночи по трассе пошли российские танки. Не прошло и дня, чтобы мы не думали о войне. Военные действия стали фоном для всех жизненных событий, иногда ярко выраженным, иногда почти незаметным. Тревогу удавалось заглушить лишь только ненадолго...**

тревоги часто поступали с опозданием, уже после того, как ракеты попали. Через несколько дней мы поняли расписание воздушных атак, поэтому психологически к нему приспособились. Рассчитывали самое безопасное время, чтобы выйти на улицу, вынести мусор или занять очередь за продуктами. Прогнозы сбывались не всегда.

В первые же дни войны в Харькове перестал работать бизнес, остановился общественный транспорт, а станции метрополитена до сих пор служат бомбоубежищем. В начале марта стали открываться немногочисленные магазины с продуктами питания, но работали только в первой половине дня. Чтобы скупиться, нужно было 2,5 часа выстоять очередь на морозе, а затем столько же времени в помещении супермаркета, если был только безналичный расчет. Наиболее дефицитными стали питьевая вода, хлеб, молоко, яйца, свежее мясо и сливочное масло. Чтобы купить самые необходимые продукты, приходилось стоять в очередях в разные магазины, иногда даже два-три дня под звуки обстрелов. В радиусе где-то километра от моего дома семь построек разрушены прямым попаданием снарядов, а также пожаром. Не было ни одного тихого дня, а каждое затишье — лишь короткая передышка перед возобновлением обстрелов.

Вот так сейчас живет в Харькове. Но все же я ни на минуту не сомневалась, что останусь в городе...

24 февраля 2022 г. мы с коллегами в ОО «Современная женщина» совместно решили продолжать работать в Харькове. С тех пор еженедельно проводим совещания, обсуждаем риски безопасности... и работаем дальше. Для нас важно в самые сложные времена быть рядом с теми, для кого всегда работала и сейчас работает наша организация, — с женщинами, прежде всего с мамами маленьких детей и пожилыми.

В начале марта мы провели серию консультаций с коллегами из разных харьковских и международных общественных организаций об эффективных формах работы в условиях войны. Впоследствии сформировали заявки на получение гуманитарной помощи и начали помогать с закупкой и доставкой медикаментов для женщин, проживающих в районах города Харькова и в населенных пунктах Харьковской области, подвергшихся наибольшему разрушению.

За это время нам удалось аккумулировать средства благотворительниц и благотворителей из других регионов Украины, а также организаций и предприятий, в частности работающих в странах Европейского союза.

Наша общественная организация полностью пересмотрела рабочие процессы: в довоенные времена мы проводили исследования, обучение и публичные мероприятия, а сейчас сфокусировались на адресной помощи, предоставляя психологические консультации.

«**Наиболее дефицитными стали питьевая вода, хлеб, молоко, яйца, свежее мясо и сливочное масло. Чтобы купить самые необходимые продукты, приходилось стоять в очередях в разные магазины, иногда даже два-три дня под звуки обстрелов. В радиусе где-то километра от моего дома семь построек разрушены прямым попаданием снарядов, а также пожаром. Не было ни одного тихого дня, а каждое затишье — лишь короткая передышка перед возобновлением обстрелов.**»

В условиях войны сложно планировать и работать эффективно: иногда несколько часов тратили на очереди за продуктами, приходилось работать без света и интернета. Люди стали реже пользоваться электронной почтой и мессенджерами, а наиболее надежным инструментом коммуникации снова стала телефонная связь. Приходилось несколько раз проверять информацию, поэтому точные и своевременные коммуникации стали на вес золота.

Так как в первые недели войны закрылись большинство магазинов и аптек, мы просили коллег делать закупки в центральной и западной Украине, отправлять транспортом. Впоследствии в Харькове возобновила работу служба экспресс-доставки, поэтому мы смогли быстрее получать лекарства и передавать их нуждающимся. Отдельный вызов — отсутствие общественного транспорта и такси, ведь не было возможности добраться до районов, где люди больше всего нуждались в помощи. К счастью, мы наладили работу с местными волонтерами и волонтерками и возобновили поставки.

За это время в Харькове сформировалось сообщество организаций, компаний и благотворителей, которые помогают, однако потребность в гуманитарной помощи остается большой, особенно в местах, где проходили и проходят наиболее ожесточенные бои. Призываем коллег помогать и поддерживать украинок и украинцев, ныне борющихся за жизнь.

«
За это время в Харькове сформировалось сообщество организаций, компаний и благотворителей, которые помогают, однако потребность в гуманитарной помощи остается большой, особенно в местах, где проходили и проходят наиболее ожесточенные бои. Призываем коллег помогать и поддерживать украинок и украинцев, ныне борющихся за жизнь.

»

Зоя Федоровна Донец

67 лет, архитектор, преподаватель, кандидат педагогических наук, отличница образования Украины, просветительница по украинской культуре и истории, председательница оргкомитета Общественного союза «Национальный совет женщин Украины», г. Киев

Большую часть жизни работаю с детьми и молодежью в сфере образования. Сначала создала художественную студию, где учила рисованию, на Борщаговке (это район Киева). Это были дети от четырех до шестнадцати лет. Детей было много, все очень разные и особенные, поэтому я искала к каждому индивидуальный подход.

Затем работала в Киевской гимназии восточных языков, где возглавила коллектив учителей музыкально-эстетических дисциплин. Мы создавали уникальные авторские учебные программы для учащихся 1–11 классов по рисованию, хореографии, востоковедению, украинской музыке, народной украинской песне, украинской культуре и искусству и народоведению. За двенадцать лет работы в гимназии я всей душой прикипела к украинской истории и культуре. Весной 1991 года по моему проекту был создан школьный музей украинской этнографии. Я и сейчас считаю это особым достижением. О нем писала пресса, а ТВ сняло несколько коротких фильмов для детей и юношества, приезжали гости со всей страны и из-за границы.

Именно тогда я почувствовала связь с украинскими традициями и обычаями, которые помнила с детства на Полтавщине, поэтому в преподавании и разработке методики опиралась на них. Позже работала в вузах. В диссертации по педагогике я проанализировала взаимосвязанные проблемы образования и охраны культурного наследия. Теперь понимаю, что после начала открытой разрушительной войны против украинцев со стороны кремлевского оккупанта работы в этом направлении будет очень много.

Об уничтожении украинцев родители рассказывали мне еще в детстве, поэтому с тех пор помню, какая страшная трагедия с нами произошла. Моя мама, тогда еще тринадцатилетняя девочка, помогала своей матери вырастить пятерых младших детей: хотя дедушка погиб на войне, бабушка не получила помощи от государства. Мама хотела, чтобы дети никогда не узнали, что такое война. Увы...

Мы знали, что война с Россией будет, что она добровольно не откажется от намерений дальше истреблять украинцев, никогда не признает своей вины. Безусловно, об этом знали многие украинцы, изучая сотни лет истории отношений Украины с Москвией. Как видим, кровожадности россиян нет предела.

«
Мы знали, что война с Россией будет, что она добровольно не откажется от намерений дальше истреблять украинцев, никогда не признает своей вины. Безусловно, об этом знали многие украинцы, изучая сотни лет истории отношений Украины с Москвией. Как видим, кровожадности россиян нет предела.
»

Еще десять лет назад мы приобрели дом в Мотыжине. Нашей семье было важно, чтобы в доме стояла печь, а возле дома — колодец и сад, чтобы место было обжито и намолено. Перед началом военного нашествия нам думалось, что в Мотыжине, в пятидесяти километрах от Киева, мы будем с детьми в полной безопасности, поэтому 24 февраля мы туда и выехали. Нас было одиннадцать душ: девять взрослых и две мои внучки трех и двенадцати лет. Взяли с собой наших кошек и собаку. 27 февраля мы проснулись от страшного взрыва, а потом увидели черный дым, надвигавшийся от Макарова — села рядом с нашим. Клубились новые тучи огня и дыма. Потом начали ездить танки. Кто-то из односельчан насчитал их где-то 240. Грохот двигателей и гусениц над селом не умолкал до ночи. Дошел слух о первом расстрелянном мужчине на улице Долгой. Мы поняли, что по украинской земле расплзается кровожадная человекоубийственная война.

Все это очень страшно. Мы были беззащитны и безоружны, не знали, куда бежать. Ни на Бышевскую, ни на Житомирскую трассу было уже не прорваться. Следующие два дня оккупанты прятали танки по лесам вокруг села. Стоя возле дома в своем дворе, я слышала выстрелы из разного оружия: автоматные и пулеметные очереди, доносившиеся из разных уголков нашего Мотыжина.

28 февраля, то есть на второй день после вторжения оккупантов в село, исчез свет, а следовательно, и отопление. Нас спасала простая селянская печь. Мы все разместились в двух маленьких комнатах. Спали кто как: лежа в постели или сидя. С 1 марта начались постоянные обстрелы, а над домом летали ракеты. Мы все время бегали прятаться в погреб — по темной лестницей, со свечами в руках. Больше всех страдала младшая внучка Миланочка, недосыпала из-за обстрелов: среди ночи мы хватали ее и несли в погреб. Ребенок пугался. Выйти из погреба не удавалось иногда весь день, а девочка хотела поиграть, погулять на солнышке. Даже когда не было слышно выстрелов и взрывов, мы боялись выйти на улицу. Переживали, что ночью свет свечи будет виден в окне и привлечет внимание врагов. Младшая плакала, а мы боялись, что плач услышат... Старшая внучка Ульянка все время молчала и прятала лицо, не смотрела никому в глаза, только жалась к маме и сестренке.

У нас не было информации о происходящем вокруг: ни в соседних селах, ни в стране. Телефоны разрядились. Нам не хватало самого необходимого, чтобы выжить. Свечи быстро догорали, их оставалось на день-полтора. К счастью, у нас был газ, а значит, теплая пища. В генераторе, который мы приобрели раньше, хватило заряда на двое суток. Запасы хлеба закончились. От сельского хлебозавода на наш двор передали три маленьких буханки. Мы были рады и в отчаянии одновременно. Пришлось делить запасы провизии на части и прятать в разных местах, чтобы оккупанты все не забрали. Оставляли в доме только те продукты, которые планировалось съесть. Запасов должно было хватить максимум на десять дней.

Обстрелы не прекращались ни днем, ни ночью. Все время кругом стоял страшный гул. Мы пытались различать звуки ракетных обстрелов, работы ПВО, «Градов» и танков. Мы не знали, что будем делать, если попадет в наш дом. Куда бежать?

3 марта у моего старшего сына Максима был день рождения, но разве до празднования? Мужчины уговаривали меня сесть за руль и выехать из села, вывезти пятерых девушек, но я боялась, потому что знала о проблемах своей машины, а еще осознавала, что женщины без мужчин на неизвестной дороге перед нелюдьми с вооружением окажутся совсем незащищены.

4 марта утром по селу пошел слух, что можно уехать, но только через Ясногородку. Действовать нужно было немедленно. Мы знали, что где-то там на дороге лежат расстрелянные люди, а рядом — разбитые танки и автомобили. Эти десять километров через Ясногородку были дорогой жизни или смерти.

Мы собрались в колонну. Наши две машины ехали впереди — я за рулем первой машины. За нами ехали сначала пять машин, а потом присоединились еще, так что в Ясногородке насчитывалось уже более двадцати. Мы ехали по своей земле (с белым флагом и лентами на ручках дверей автомобилей), как просители у оккупантов. Я душила в себе гнев и слезы. Первые перекрестки дались мне тяжелее всего: надо было останавливать машину, выходить и проверять, нет ли мин. И только после этого ехать дальше.

На дороге от Мотыжина в Ясногородку стояли расстрелянные автомобили, а неподалеку мы увидели российский танк с оторванной башней. Поле вокруг было обуглено, будто мертвое. Возле Ясногородки стоял наш украинский блокпост. Для всех нас этот путь стал дорогой жизни, а не смерти.

87 километров до Белой Церкви мы ехали шесть часов. Помню, уже в Калиновке на обочине сестра увидела женщин, продававших свежий хлеб, киевские батоны с ароматной корочкой. Это был словно отзвук хороших довоенных времен. В последний раз хлеб мы видели 1 марта — те три маленьких черных буханки.

Уже затемно мы подъехали ко двору хозяев дома в Белой Церкви. Зашли в дом — и не верилось, что есть свет, пол теплый, не слышно постоянных взрывов и выстрелов... Неужели так может быть?

После освобождения Мотыжина от оккупантов, услышав ужасную информацию о массовых захоронениях в селе, я поехала на похороны сельской старосты Ольги Петровны Сухенко, которую хорошо знала и очень уважала. При первом знакомстве Ольга Петровна подарила мне книгу

«
Мир видит, что Украина — демократическое, европейское государство, потому поддерживает именно нас. Нам следует вернуть обществу нашу правдивую историю, культуру, традиции...»

«История Мотыжина». Из нее я узнала, что Мотыжин упоминается в Ипатьевской летописи, то есть это старинное село с богатой историей. У Ольги Петровны мы увидели план развития новых улиц села. На День Независимости она поручила мне провести опрос жителей по поводу декоммунизации, чтобы вернуть улицам исторические названия. Знаю, что люди приходили к ней во время оккупации с сообщениями о происходящем в селе. Она помогала людям уехать.

Ее с мужем и сыном оккупанты забрали из родного дома и пытали. У нее были прострелены ноги. Очевидно, истязая ее, оккупанты пытались заставить мужа и сына раскрыть какую-то информацию. Но что они могли такого секретного сказать? За что их так зверски пытали? Ее сыну Александру разбили лицо, мужчине узнали по анализу ДНК, потому что от лица ничего эти нелюди не оставили. Его хоронили в закрытом гробу. Тела семьи Сухенко нашли сверху в братской могиле в Мотыжине, где было еще почти тридцать мирных мотыжинцев, которых замучили московские палачи.

В человеческой жизни все взаимосвязано. В настоящее время все события в мире взаимосвязаны, а война России с Украиной стала вызовом, испытанием для всего мира. Московская империя постоянно стремится навязывать другим народам и государствам свои порядки и сценарии, выгодные только ей. Эти влияния еще сильны в головах некоторых нероссиян, но праведные люди верят, что Украина победит. Во всем мире следует исповедовать единые принципы верховенства права и человечности, а московские идеи должны стать противны мировой человеческой морали. Наши потери очень тяжелы, особенно человеческие. Россия должна ответить перед миром и Украиной за все.

Нам будет трудно залечивать раны, о которых уже известно: Мариуполь, Мотыжин, Буча, Харьков, Ирпень. Их будут сотни, ведь война еще продолжается. Но все же я убеждена, что наше украинское будущее очень зависит от образования и разных культурно-образовательных программ, которые нужно внедрять немедленно. Государство, министерства и международные фонды должны предоставить для профессиональных общественных объединений возможности создавать новейшие программы развития общества, чтобы наши люди окончательно избавились от комплекса неполноценности. Мир видит, что Украина — демократическое, европейское государство, потому поддерживает именно нас. Нам следует вернуть обществу нашу правдивую историю, культуру, традиции.

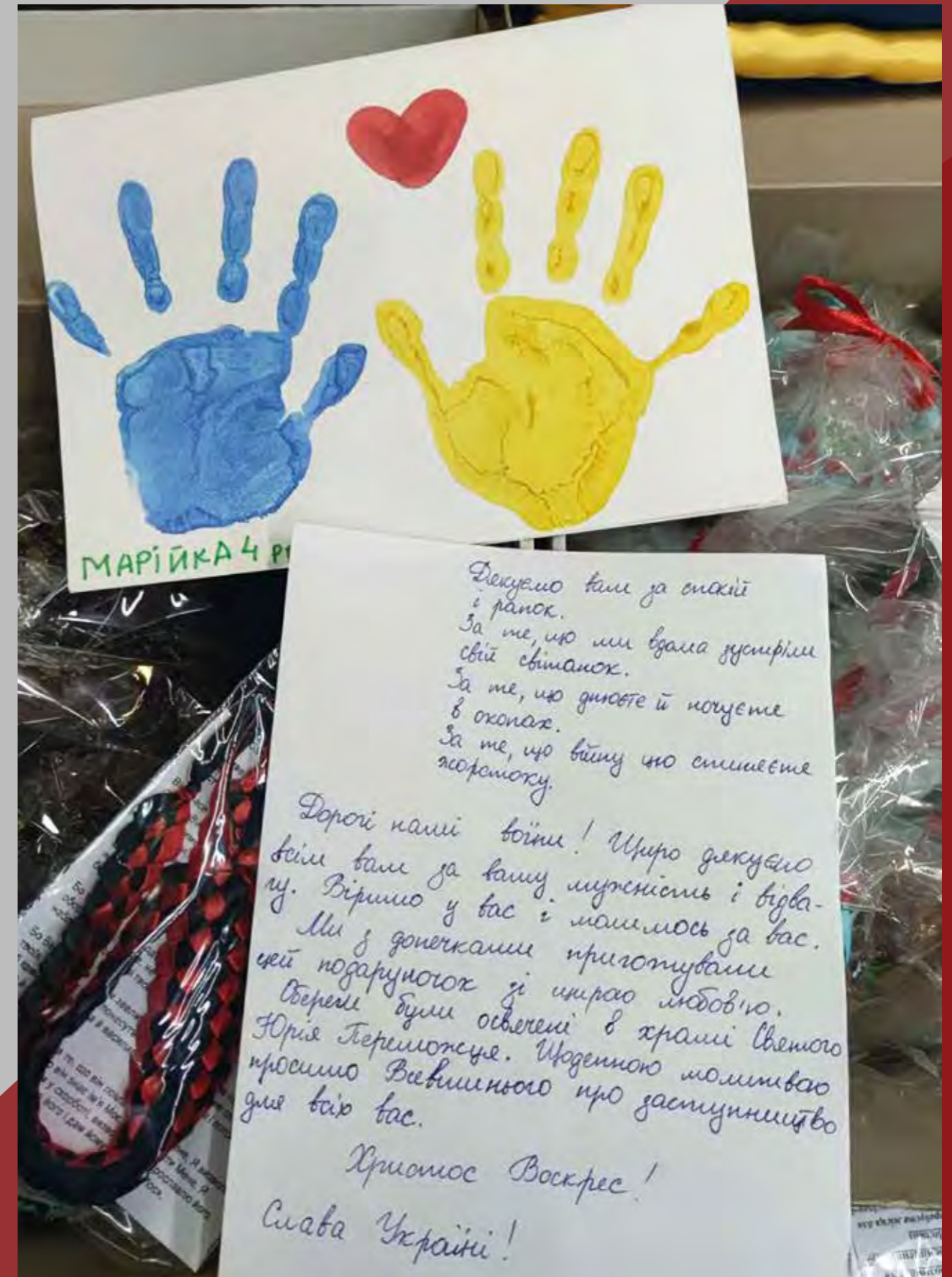
м. Київ. Фото КМДА.

**РАЗДЕЛ IV. Два круга войны
(истории женщин в ВСУ
и территориальной обороне)**

*Я Україна, Слава і Воля
Я весь світ бороню
І творю свою долю!
Мій човен шукає берег вночі,
І якщо ти знаєш те, просто мовчи.
Моє військо хоче стати до зброї.
Надішлю їм ту зброю,
тихо небом, рікою.*

Катерина Леонова

Позывной «Солнышко», ВСУ

Для меня война не прекращалась с 2014 года. С самого начала боевых действий на востоке Украины я стала волонтером на фронте, потому что на тот момент армия была полностью развалена Януковичем и ребята нуждались в самых базовых вещах. Впоследствии продолжила помогать военным как активистка ОО «Справа громад Львів».

24 февраля 2022 года я была дома. Разбудила своих, сказала мужу: «Они пошли в наступление, лупят по городам», — собралась и побежала в военкомат. По дороге поймала себя на мысли, что никаких эмоций, кроме злости, не испытываю. Такое чувство, будто за секунду все внутри выгорело.

Я предвидела это вторжение. Во-первых, наши ветераны, которых долгое время сдерживало так называемое перемирие, ожидали, что настанет день и можно будет наконец-то вернуть свои территории. Во-вторых, весь мир говорил, что россияне готовятся. Поэтому готовилась и я — физически, морально, психологически.

«**Откровенно говоря, присоединиться к ВСУ помогло мое упрямство. Я считала, что кто-то из семьи обязательно должен идти защищать Украину... Мой муж — это моя стопроцентная поддержка и опора. Мы вместе принимали решение, что именно я присоединюсь к ВСУ, а он меня поддержит.**»

Откровенно говоря, присоединиться к ВСУ помогло мое упрямство. Я считала, что кто-то из семьи обязательно должен идти защищать Украину, а в моей семье этим человеком стала я.

Пришлось трое суток стоять под военкоматом, пока наконец получила необходимые временные документы и уехала на ППД (пункт постоянной дислокации воинской части). Четко понимала, на что соглашаюсь и куда иду. Осознавала, что стану обычным солдатом и буду выполнять приказы. Меня долго не хотели брать, потому что, будем откровенны, в украинской армии все еще мало женщин, а некоторые считают, что военная служба — не женское дело. Пришлось доказывать свою пригодность: постоянные изнурительные тренировки, жизнь по четкому графику, но это доставляло мне радость.

26 февраля вечером я прибыла в свою часть, поселилась и отбыла первое построение. У меня было состояние легкой эйфории, потому что мне это удалось, и теперь я смогу защищать свою страну от российской агрессии. Эти события для меня имели большое значение, ведь я чувствовала и до сих пор чувствую в себе призвание к великим свершениям.

Позднее осознала, что придется привыкать к некомфортным ситуациям, например: не спорить, общаться со старшими по рангу мужчинами с уважением, даже если они не верят в способность женщин служить в армии. Постепенно отношение ко мне менялось, а предубеждения таяли. Мы научились работать как единый слаженный организм во имя достижения общей цели.

После подготовки нам дали выбор: те, кто чувствовал в себе силы и вдохновение, могли изменить место постоянной дислокации, переместившись поближе к линии фронта. Я поняла, что именно

к этому стремилась, потому что смогу быть максимально полезной. Ни на миг не сомневалась в своем решении и записалась на фронт добровольцем.

Мой позывной — «Солнышко». Очень поднимает настроение, когда я знакомлюсь со вновь прибывшими, а они спрашивают, как указать меня в записной книжке. Отвечаю — и чаще всего слышу такую реакцию: «Хммм, а как я объясню жене контакт в телефоне «Солнышко»? [смеется. — прим. ред.]».

Будем откровенны, к женщинам в армии до сих пор в основном относятся скептически. Если в штабе это не сильно бросается в глаза, то на боевой должности очень часто приходится объяснять, что я не буду зашивать или готовить, но смогу наложить турникет или выполнить боевое задание. Как по мне, в армии, как и за рулем, не должно быть разделения на мужчин и женщин: должен быть военный, выполняющий задание.

У меня есть муж и двое прекрасных детишек (дочери семь лет, а пасыночку двенадцать), которые ждут меня дома во Львове. Безусловно, не все родные и знакомые сначала меня поддержали. Особенно мама, убеждавшая, что воевать должны только мужчины. По сути, я поставила ее перед фактом, потому что долго ей не признавалась, что нахожусь на фронте, ведь она очень сильно волнуется за меня.

«**Я всегда жила и продолжаю жить с мыслью: если суждено умереть, то лучше в бою. Я не боюсь смерти, но боюсь проиграть отвратительному врагу без человеческого лица.**»

Мой муж — это моя стопроцентная поддержка и опора. Мы вместе принимали решение, что именно я присоединюсь к ВСУ, а он меня поддержит. При любой возможности стараюсь общаться с семьей по видеосвязи. Дети очень гордятся мной. Своих детей я обязательно научу держать оружие в руках, но буду делать все, чтобы не допустить его участия в будущих войнах.

Надеюсь, что война закончится на нашем поколении. Мы окончательно победим и отбросим врага так далеко, как только возможно, больше никогда не позволим ему откусить от Украины ни кусочка земли.

К тому же, своими нападениями на Украину и непонятной ненавистью ко всем нам как нации орки достигли обратного эффекта — максимально консолидировали украинцев. Мы стремимся защищать свою родину и говорить на родном языке больше, чем когда-либо. И этим стоит гордиться!

Победа за нами, потому что мы очень разные: когда бьют россиянина, то все его собратья убегают, а не поддерживают; когда кто-то выходит на одиночные пикеты, это не подталкивает других присоединиться, потому что страх сковывает и парализует их. Когда бьют украинца, на его место приходят в десятки раз больше людей и дают отпор.

В короткие минуты отдыха я читаю разные истории, в частности рассказы волонтеров, поэтому когда мы в течение суток находимся под обстрелами тяжелой артиллерии или где-то рядом прилетает снаряд — все это мотивирует и напоминает мне, почему я решила принять присягу и служить украинскому народу. Нас не победить, потому что невозможно уничтожить нацию, которая открыто смеется над врагом и люто его ненавидит.

Я всегда жила и продолжаю жить с мыслью: если суждено умереть, то лучше в бою. Я не боюсь смерти, но боюсь проиграть отвратительному врагу без человеческого лица.

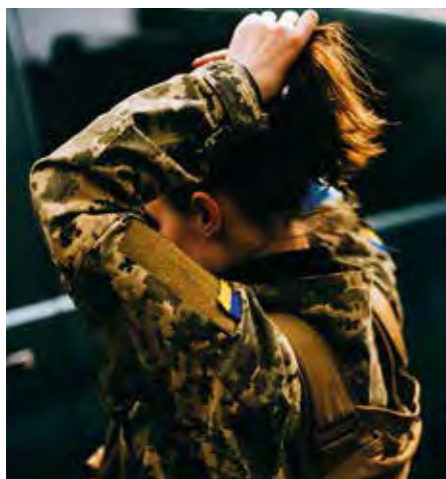
Обещаю, что сделаю все, чтобы выполнить задание и выжить.

Все будет Украина! Обещаю.

«
Будем откровенны, к женщинам в армии до сих пор в основном относятся скептически. Если в штабе это не сильно бросается в глаза, то на боевой должности очень часто приходится объяснять, что я не буду зашивать или готовить, но смогу наложить турникет или выполнить боевое задание. Как по мне, в армии, как и за рулем, не должно быть разделения на мужчин и женщин: должен быть военный, выполняющий задание.
»

г. Буча. Фото Виктории Романенко

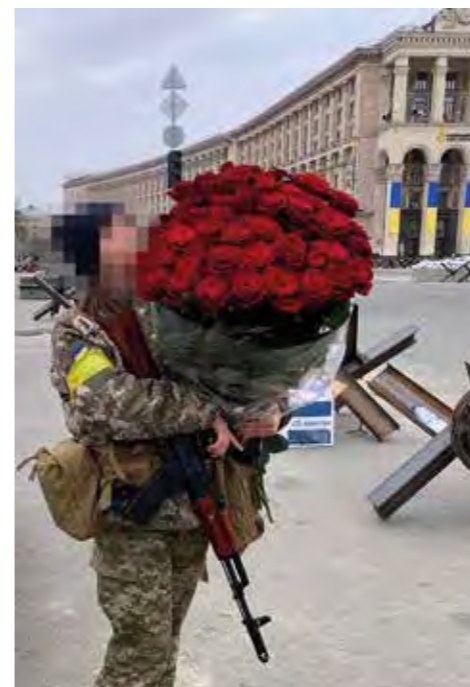
Позывной «Афина»

25 лет, военная парамедик, журналистка, PR-менеджерка, г. Киев

В детстве всегда мечтала стать танцовщицей или детективом. Как среднее арифметическое выбрала журналистику. Получив высшее образование, в течение трех лет занималась разными проектами, связанными с журналистикой и пиаром: писала о женщинах в бизнесе в экономическом спецпроекте «Украинской правды», была пресс-секретарем депутата Верховной рады Украины, занималась организацией прошлогоднего «Марша за Киев», собравшего десять тысяч человек, а также помогала с пиаром в архитектурном бюро.

Утром 24 февраля мне позвонил отец и сообщил о начале войны. Мои родители живут в Харькове. Через несколько минут я увидела сообщение основательницы «ДонорUA» Иры Славинской, которая призвала всех сдавать кровь, потому что она точно понадобится. Утром в госпитале почти никого не было, поэтому я быстро сдала кровь и пошла в военкомат в районе, где проживаю. Не думала, что меня возьмут, когда стояла в очереди, а тем более не предполагала, что попаду в настоящую армию. К моему удивлению, меня записали в местную ТрО.

Во время учебы в Харьковском университете я прошла курс медицины, а еще проходила курс домедицинской подготовки в волонтерском медицинском батальоне «Госпитальеры». Курс достаточно основательный, однако его может усвоить любой толковый человек. Меня взяли как медика, хотя считаю, что я скорее саниструктор, потому что умею делать перевязки, уколы и лечить простуду. К счастью, пока нет убитых и раненых, поэтому работа больше связана с волонтерством — занимаюсь поиском военного оборудования и медицинских препаратов, которые доставляем на блокпосты и в госпитали.

Не считаю, что я героиня: пойти воевать — мой способ спастись. Все хлопцы и девчата, украинцы и украинки — герои, помогающие каждый по-своему на этой войне.

В предпоследнем путешествии я купила сборник греческих мифов на испанском языке. Меня с детства захватывали именно мифология и история, тесно переплетенные в каждой культуре. Афина — не только богиня войны, но и богиня мудрости, поэтому не начинала битву первой. Она покровительница справедливой защитной войны и предпочитает мирное разрешение конфликтов. Но когда война касается ее, Афина не сомневается. А еще она вышла из головы отца, и этот факт для меня очень символичен. К тому же, я склонна к мелодраме. Именно поэтому — Афина.

В ТрО нет медиков в чистом виде. Нас учат применять оружие. В ТрО я — медик-стрелок. Наши навыки обращения с оружием регулярно проверяют инструкторы, ведь мы должны уметь отбиваться от врага и выживать: от этого зависят жизни побратимов.

Я никогда не мечтала стать популярной или давать интервью украинским и зарубежным изданиям. В конце концов, до войны сама писала и брала интервью. Но так случилось — благодаря моему фото восьмого марта на Майдане с розами, которое стало вирусным, набрало уже 25 тысяч лайков и облетело все медиа. На один из блокпостов владелец цветочного магазина принес нашим бойцам огромное количество цветов, мол, заберите, раздадите девушкам. Ребята подарили мне этот огромный букет: «Это вам, вы наш медик».

Сейчас я не прячу лицо, потому что враг его уже знает. Пишу в соцсетях. Сознательно использую свою популярность, чтобы больше помогать. Меня уже узнают в разных фондах, и это облегчает поиск лекарств и броников. Могу призвать к сбору средств для помощи тем, кто вывозит людей из Ирпеня, на закупку генераторов, турникетов и т.д.

Я стала больше писать. Это помогает отвлечься. Нет, я не плачу. Злюсь, матерюсь, смеюсь, иногда даже истерично. Я много улыбаюсь, потому что каждая маленькая радость дарит надежду. Меня огорчают комментарии некоторых людей, мол, делаю недостаточно. Как будто я сама этого не чувствую. Каждый день думаю: раз я жива и в безопасности, то не на настоящей войне; если сейчас жизни побратимов и моей ничего не угрожает, это не война. Как уж есть. Это мой дневник, и я веду его так, как чувствую.

Раньше нашими героями и героинями были диснеевские принцессы и супергерои Marvel. Сейчас это украинские военные, медики и волонтеры. О каждой и каждом можно написать не одну историю. Только это будут сказки в стиле братьев Гримм: «И пришли в Украину орки с Востока. Были они из “немытого края”, не было у них ни ума, ни воспитания, ни любви, а несли они только распри и боль. Символом у них была «двуглавая курица» (к благородным драконам не имеет никакого отношения). И выступили против орков стеной котики. У котиков были стальные лапки и большие сердца. И были битвы. Были поражения и победы. Мы плакали о наших погибших и читали их минутой молчания. Но в конце вышло солнце — и выбили котики из украинской земли орков, а тех, кто не ушел, превратили в чернозем. А котики зажили счастливо и свободно на своей земле».

После этой войны все дети будут мечтать стать не суперменом или бетменом, а военными, медиками или волонтерами, ведь то, что они сейчас делают, непревзойденно.

Моим любимым мультиком был «Труп невесты» Тима Бертона. Теперь моя любимая сказка основана на реальных событиях — «Труп орка» авторства Вооруженных сил Украины.

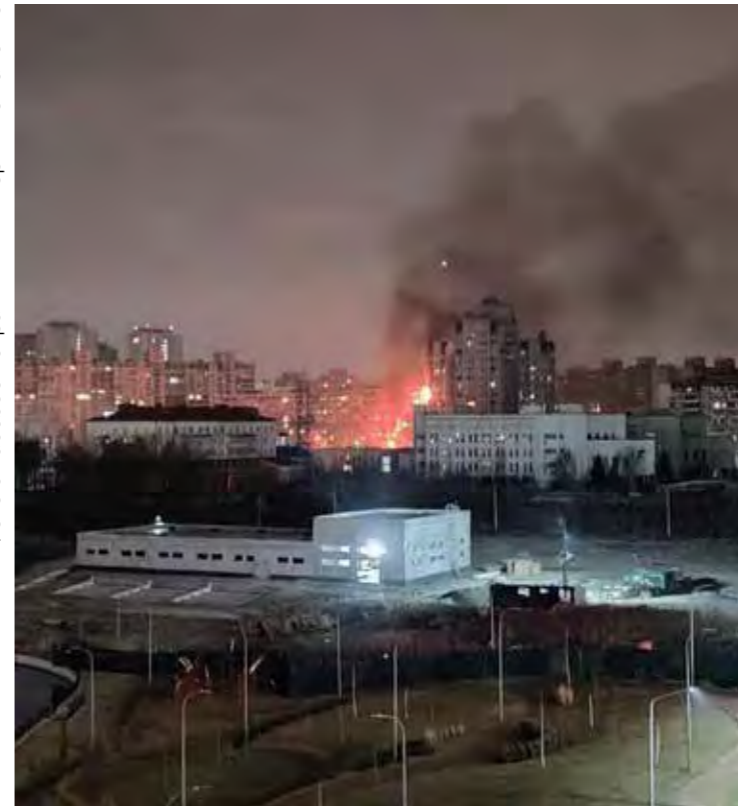
В 2014 году на школьном выпускном я танцевала сольный номер под песню Славка Вакарчука «Коли настане день, закінчиться війна...». Тогда мне казалось, что война скоро закончится. Никогда не подумала бы, что через восемь лет эта песня станет мне так близка. Будет и обо мне. Сейчас тоже весна. Тоже война. Однако ни я, никто другой здесь, в Украине, не собирается слагать оружие. Верю, что наша украинская весна придет. И будут цвести яблони и абрикосы, и будут смеяться на улицах дети. И мы больше не будем прятаться от воздушной тревоги.

И каждый сможет сказать «Обними меня» — и сразу же обнять.

Фото © Юлии Кочетовой

Фото с Facebook-странички Виктории Романенко

Позывной «Щука»

21 год, студентка, военная, г. Липовец Винницкой области

*Зродились ми великої години,
з пожеж війни і з полум'я вогнів —
плекав нас біль по втраті України,
кормив нас гніт і гнів на ворогів.*

Из гимна ОУН

Любовь к Украине и желание ее сохранить и защитить передал мне мой отец – Виталий. Он всегда был на стороне правды и свободы. Поэтому и во время Оранжевой революции, и во время Революции Достоинства боролся за демократические ценности, за светлое будущее для нашей страны и для своей семьи. С 2015 года пошел защищать страну от врага. Он служил в 59-й отдельной мотопехотной бригаде. Погиб 29 октября 2018 года в Новоайдаре Луганской области в результате взрыва. Ему было 42...

Для меня война идет с 2014 года. Она забрала у меня самое дорогое — отца. Конечно, я видела, что бои в восточной Украине с тех пор не утихали, но для многих людей, окружавших меня, они были «где-то далеко». Люди жили обычной жизнью. Понимаю как медик, что так психика защищается от боли и страданий. Не зря у нас шутят: «Украинцы замечают пожар в селе, когда загорается дом у соседа». Именно поэтому для этих украинцев настоящая война началась с обстрелов Ивано-Франковска, Киева и Харькова, то есть с городов их проживания или соседних.

« Мы не будем чувствовать себя в безопасности, пока не исчезнет Российская Федерация как наследница Российской империи. Эта война с Москвией — уже 25 по счету. Вероятно, не последняя. »

С детства мечтала связать свою жизнь с медициной, поэтому после окончания школы поступила сначала в Одесский университет на биологический факультет, а затем во Львовский — на медицинский, так что война меня застала во Львове. В ночь на 24 февраля я плохо спала, а утром узнала, что началось полномасштабное наступление. К десяти утра я закончила подработку, а в двенадцать уже была в военкомате. Отец немного научил меня стрелять. Это все, что я умела.

Военкоматы с первых дней войны были переполнены желающими защищать страну. Попасть в ряды защитников было сложно даже военным с боевым опытом. У меня взяли документы и контакты и сказали ждать. Через несколько дней я увидела объявление о формировании территориальной обороны батальона «Азов» в Киеве и поехала к ним — шел четвертый день войны. Меня взяли в ТрО парамедиком.

С ребятами в бригаде у меня дружеские отношения. Все время чувствую их плечо и заботу. Они уважают меня за знания и умения. Мы как большая семья — готовы заботиться и защищать друг друга. В шутку они называют меня «45 кило ярости», потому что хорошо знают, на что способны хоть и хрупкие, но разъяренные девушки.

Во время войны я не могу рассказывать о том, какие задачи выполняю на службе, — эта информация закрыта для медиа и гражданских. Когда победим, расскажу много интересного...

Я также занимаюсь волонтерством. Собираю деньги на помощь своей бригаде, когда есть необходимость в определенной технике, амуниции или медицинских препаратах. Мне удобно решать все вопросы с получением необходимого для бригады самостоятельно — так, на мой взгляд, получается быстрее и экономнее.

В течение двух месяцев войны я наблюдаю, как меняется наше общество. Приходит понимание того, как к нам относится «братский» народ. С кровью разрывается эта связь со «старшим братом» — Российской империей. Появляется осознание, что мы, украинцы, — сильная и негибкая нация. Исчезает комплекс неполноценности, а приходит сознание, что жить в Украине — это счастье, а быть украинцем — это гордость.

« Через несколько дней я увидела объявление о формировании территориальной обороны батальона «Азов» в Киеве и поехала к ним — шел четвертый день войны. Меня взяли в ТрО парамедиком... Хочу посвятить свою жизнь защите страны и ее граждан, продолжив дело отца. »

Когда я думаю о будущем нашей страны, то четко понимаю: мы не будем чувствовать себя в безопасности, пока не исчезнет Российская Федерация как наследница Российской империи. Эта война с Москвией — уже 25 по счету. Вероятно, не последняя. Но я уверена: если мы будем поддерживать свою армию и восхищаться ею, как сейчас, то выстоим. Еще недавно можно было услышать: «Волонтеры — это люди, которые пытаются заработать на помощи для военных или беженцев» или «На восток Украины едут для того, чтобы получить удостоверения и льготы». После 24 февраля все поняли: оказывается, волонтеры не воруют, а наши военные — воины, которыми восторгается весь цивилизованный мир.

После окончания войны, когда полноценно возобновится учеба, я пойду на военную кафедру. Может, стану военным медиком или офицером. Тяжелее всего для меня сейчас — видеть страдания, причиняемые гражданским жителям Украины оккупантами: издевательства, пытки, обстрелы, разрушения и мародерство, изнасилования и убийства. На всю жизнь запомню глаза детей, которых мы вывозили с оккупированной Киевщины... Поэтому хочу посвятить свою жизнь защите страны и ее граждан, продолжив дело отца.

Инна

29 лет, майор, военнослужащая ВСУ, г. Киев

Начало вооруженной агрессии России в 2014 г. застало меня курсанткой последнего курса одного из вузов Харьковщины, а полномасштабное вторжение в 2022 г. — военнослужащей в составе Украинского национального контингента Миссии ООН по стабилизации ситуации в Демократической Республике Конго. Две даты с разницей в восемь лет, а ощущение одно и то же — неэффективность. Ты не там, где должен быть сейчас. Как ты, почти лейтенант, можешь учиться и сдавать экзамены, когда твои сверстники из Академии сухопутных войск имени гетмана Петра Сагайдачного уже командуют подразделениями в боевых действиях? Как ты, майор, можешь быть частью миротворческого процесса в Конго, когда невинных

детей и их родителей во время эвакуации с оккупированных территорий Киевщины и Херсонщины расстреливают российские нелюди? Хотя моя специальность не «боевая», однако эти вопросы постоянно крутились в голове, словно зажеванная старой магнитолой пленка. Обе ситуации — как качественное обучение, так и качественное выполнение заданий по назначению во время прохождения военной службы за границей в условиях войны в собственном государстве — очень комплексны. Трудно утверждать, как лучше, однако самое первое и самое сильное ощущение — непреодолимое желание быть с семьей и Украиной в эти сложные для обоих времена.

«**Как же это круто — видеть, что на мероприятиях россиянам приходится общаться исключительно в своем узком кругу. Или наблюдать, как иностранный коллега в военной форме, здороваясь на базе ООН с россиянином-военнослужащим, недвусмысленно указывает взглядом на свой браслет «Слава Украине!».**»

«Так работайте головой здесь.

Ум — ваше оружие. Делайте, что можете, там, где находитесь», — именно эти слова коллеги и друга вывели меня из оцепенения, спровоцированного личным бессилием и бездействием. С них начался поиск своего «дистанционного» места в войне с агрессором. Такой путь проходил каждый из нас.

Прежде всего правильная и своевременная передача информации о перемещении российских войск: от близких людей в приграничных с Россией районах мастерам, умеющим нещадно жечь вражескую технику. А еще: случайные тексты об агрессии России; нарушении ею всех возможных норм международного гуманитарного права; действиях гражданского населения Украины, желающего внести вклад в победу; правах и обязанностях гражданского медицинского персонала... Список бесконечен.

«Соединение» кого-то с кем-то для поиска и доставки чего-то очень необходимого и срочного.

Систематические статьи о нарушении Россией норм международного гуманитарного права в отношении детей, женщин и гражданского населения в целом, квалификации этих деяний как международных преступлений.

Постоянное информирование иностранных коллег и знакомых в Миссии ООН о боевых успехах ВС Украины, а также о преступлениях, совершаемых Россией, и реальном отношении россиян, все еще продолжающих «строить мир» в Конго, к демократическим ценностям и миру. Как же это круто — видеть, что на мероприятиях россиянам приходится общаться исключительно в своем узком кругу.

Или наблюдать, как иностранный коллега в военной форме, здороваясь на базе ООН с россиянином-военнослужащим, недвусмысленно указывает взглядом на свой браслет «Слава Украине!».

Текст-призыв и алгоритм присоединения к Интернациональному легиону территориальной обороны Украины, переведенные (с помощью друзей из Конго) на английский, французский и арабский языки, были написаны исключительно для агитации знакомых, а стали основой для сайта www.fightforua.org.

Это невероятный кайф: видеть, как легко реагируют на изменения и преисполняются решимостью общество и государственные учреждения Украины; наблюдать, как глобальные процессы внедряются в считанные дни; понимать, как все, от детей до людей почтенного возраста, объединили свои мысли, усилия, идеи, планы, действия... ради Украины. Ради Нее каждый и каждая из нас способны делать больше, чем мы когда-либо делали сами для себя. Короткий, но иллюстративный пример.

В Конго живет всемирно известный лауреат Нобелевской премии мира 2018 года доктор Денис Муквеге, который более двадцати лет в лично учрежденной больнице Панзи и одноименном фонде оказывает медицинскую, психологическую, социальную и юридическую помощь пострадавшим от

сексуального насилия, связанного с конфликтом. Узнала я о нем где-то в 2016 году — еще в начале научной деятельности, в ходе написания диссертационной работы. Конечно, от возможности встретиться с таким человеком и увидеть все своими глазами перехватывает дыхание. К сожалению, встреча все никак не удавалась: то более неотложные дела, то сложности с получением контактов такого уважаемого человека. Однако, как только в начале апреля

начали поступать первые подтвержденные факты совершения российскими военнослужащими сексуального насилия в отношении украинских женщин, через неделю я уже сидела в кабинете доктора Муквеге, всего в 200 км от основного места прохождения службы. В тот день была необычная встреча: мы запустили сотрудничество Украины и фондов доктора Муквеге (в настоящее время их действует всего четыре во всем мире) по предотвращению и противодействию сексуальному насилию, связанному с российско-украинским международным вооруженным конфликтом. Уже через две недели после встречи «команда Муквеге» в составе четырех лучших специалистов прилетела в Киев для изучения потребностей Украины в противодействии сексуальному насилию и для построения холистической модели помощи пострадавшим. Я сидела на встрече с представительницами и представителями ключевых министерств и упомянутыми отважными женщинами, которые в период ракетно-бомбовых ударов приехали в Киев, четко осознавая: мы делаем для Украины все и даже больше. Мы не готовы для себя делать то, что делаем для Украины. Каждый день, ежеминутно, уже более двух месяцев.

Единство в борьбе — наш рецепт победы и независимости. Конечно, еще ВСУ, потому что они — любовь.

«**Мы запустили сотрудничество Украины и фондов доктора Муквеге (в настоящее время их действует всего четыре во всем мире) по предотвращению и противодействию сексуальному насилию, связанному с российско-украинским международным вооруженным конфликтом.**»

Мария

26 лет, старший лейтенант, г. Черновцы

24 февраля 2022 года должен был стать одним из самых памятных дней моей жизни, ведь мы с парнем собирались подавать заявление в ЗАГС. Мы оба взяли отпуска по месту службы — я на востоке Украины как участница боевых действий в рядах ВСУ, а он — во Франции как член Французского иностранного легиона. В ЗАГС мы так и не попали... В срочном порядке нас вызвали в воинские части. К сожалению, теперь этот день останется в памяти всех украинцев как начало великой трагедии.

Не могу сказать, что война началась для меня именно в этот день, ведь для большинства украинцев она длится последние восемь лет. Восемь адских лет мы отстаиваем европейские ценности и собственную территориальную целостность, пытаюсь объяснить миру, что мы сильные, гордые и непреодолимые.

Часто меня спрашивают: «Что девушка ростом 1,55 м и весом 45 кг делает в Вооруженных силах Украины?», — а я всегда отвечаю, что это был долгий и сознательный путь. Учась на тренера по легкой атлетике, на третьем курсе я решила (вместе с еще тремя девочками) пойти на военную кафедру, а потом уже с этого пути не сворачивала. Безусловно, как и каждый человек, временами сомневалась, но сейчас точно знаю, что на своем месте. По специальности я — артиллеристка.

Последние годы я часто ездила на восток Украины, где участвовала в активных боевых действиях. В первые часы после введения военного положения искала возможности вернуться на восток, но прежний маршрут был разрушен российскими ракетами. Позднее нам сообщили, что руководство нашей бригады приняло решение срочно перевести всех женщин-военнослужащих, за исключением медиков, в тыл для организации эффективной помощи армии.

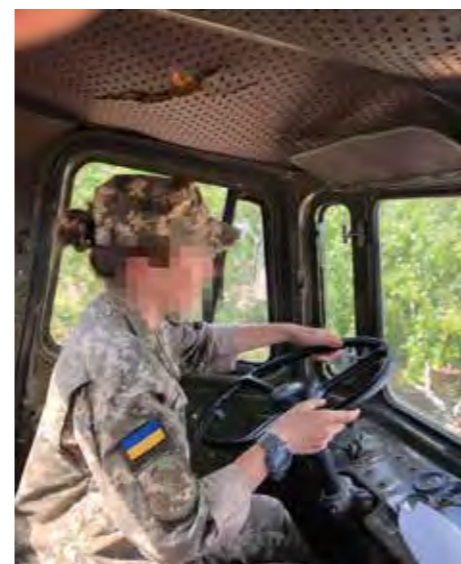
Мысль, что не смогу быть рядом со своими, давалась тяжело, но месяц трудной непрерывной работы заставил осознать, что мы должны отбросить личные амбиции и страхи, сплотиться и приложить максимум усилий ради Победы, каждый и каждая на своем месте.

«**Я** учу секретам выполнения боевых задач: как применять оружие или как производить артиллерийские расчеты. Теоретическая подготовка важна, но на поле боя нужны навыки, которые помогут сохранить жизнь. Именно поэтому опыт и тактический материал, полученные от участников реальных боевых действий, бесценны.»

Сейчас я прохожу службу в городе Яворов, где прежде всего подаю пример добровольцам: факт, что хрупкая девушка имеет незаурядный опыт боевых действий, вдохновляет новичков. Я учу секретам выполнения боевых задач: как применять оружие или как производить артиллерийские расчеты. Теоретическая подготовка важна, но на поле боя нужны навыки, которые помогут сохранить жизнь. Именно поэтому опыт и тактический материал, полученные от участников реальных боевых действий, бесценны, а мне есть что рассказать и чем поделиться.

Не сомневаюсь в нашей победе. Мы уже доказали Европе и всему миру, что мы — мужественная и сплоченная нация, способная противостоять агрессору. Евгений Коновалец говорил: «В огне превращается железо в сталь, в борьбе превращается народ в Nation!» — с этими словами я иду всю свою сознательную жизнь, они как никогда актуальны сейчас для Украины. Ведь мы — Nation с большой буквы!

Ждать осталось недолго. И первое, что я сделаю после победы, — все-таки выйду замуж!

РАЗДЕЛ V. Наши руки, плечи, крылья (истории волонтерок, активисток и работающих женщин)

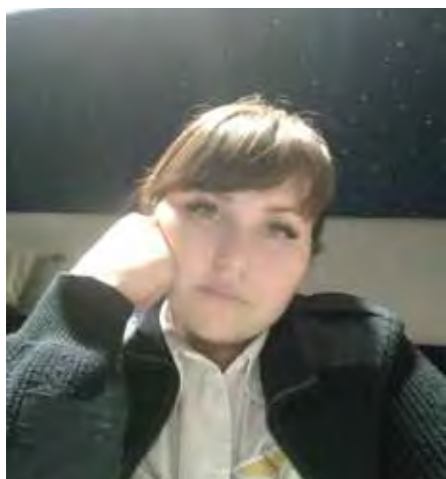
*Завжди й постійно поруч були ті,
що вміли триматись любові навіть тоді,
коли не було як триматися взагалі
серед цієї найдовшої ночі, на цій землі.*

*Завжди були ті, що вибивалися з ночей
і щоразу скріплювали порядок речей
умінням любити й ділитися, ним одним.
Ось їхнє вміння і залишиться головним.*

Сергій Жадан

г. Полтава, волонтеры. Фото Михаила Малько

Анастасия Масимова

26 лет, проводница, г. Дружковка

Я думала, что меня уже не удивишь войной, ведь для меня она началась еще в 2014 году, когда русский мир заставил переехать из родного Дебальцево. Постепенно удалось привыкнуть к новой жизни в Дружковке рядом с мужем, который, собственно, и забрал меня к себе. Закончив обучение, я устроилась работать в «Мариупольское вагонное депо».

Именно на работе и застало меня 24 февраля. Мы как раз возвращались из рейса и возле Мариуполя услышали первые взрывы. Большинству пассажиров, направлявшихся в Волноваху, сесть на поезд не удалось. В стране уже объявили

военное положение, более двух часов наш поезд не выпускали, пассажиры были напуганы и растеряны. В тот же день мы по расписанию выехали из Волновахи в Киев и по всему пути следования слышали взрывы. Похожая ситуация была и в столице. Обстановка обострялась ежечасно, ежeminутно, среди людей росли панические настроения. Следующим рейсом мы с мужем, с которым работаем вместе, должны были вернуться в Константиновку. Мы не сомневались, возвращаться ли на восточную Украину, про-

должать ли работу. Труд железнодорожников в мгновение ока стал невероятно важным и многогранным. Помню каждую минуту того рейса: многие люди, пребывавшие в столице, стремились как можно скорее вернуться к своим семьям. Тогда еще речь не шла об эвакуационных поездах, а нам хотелось помочь всем. Приходилось уговаривать пассажиров с билетами впустить к себе в купе посторонних или ехать сидя, чтобы помочь как минимум двум другим людям. Мы выслушивали истории о первых потерях и чувствовали

людскую боль. Из Киева нас тоже долго не выпускали, ведь ракетные удары врага повредили линии электроснабжения, и это лишь усугубляло панику среди пассажиров. Нам пришлось даже немного поработать психологами, поэтому на осознание собственного страха просто не было времени. Впоследствии этот новый навык, по сути, вошел в привычку.

С 4 марта меня вызвали работать на эвакуационном поезде Краматорск — Львов. Сотни человеческих судеб переплетены в одном вагоне: у каждого своя боль, собственная история войны и немые вопросы в глазах... Каждый раз по сигналу воздушной тревоги машинист обязан остановить поезд и выключить свет. В эти мгновения страх пронзает каждую клетку тела, парализуя его. Именно в такие мгновения, под звуки взрывов, помогая успокоить чье-то ребенка, отвлекая от фаталистских мыслей пожилую женщину, отдавая последнее печенье соседу, мы демонстрируем нашу национальную идентичность. Именно этим мы отличаемся от захватчиков. Наша сила — в единстве!

12 марта у станции Брусин наш поезд попал под ракетный обстрел врага. Как нам сообщили позже, агрессор пытался уничтожить автомобильный мост, нанося по нему ракетные удары. Обломки снарядов повредили все 13 вагонов. Слава Богу, незадолго до этого из-за неспокойной обстановки мы высадили всех пассажиров в Славянске, поэтому в поезде находился только персонал — это спасло десятки человеческих жизней.

Помню, как вышла из купе с мыслью, что успею еще выпить кофе и немного прийти в себя после психологически тяжелой дороги... Последнее, что я запомнила, — вспышка яркого света, а затем — тьма и страшная боль в ушах. Придя в себя и прикоснувшись к голове, почувствовала, как по рукам течет кровь. Много крови... Глянув на пропитанную кровью одежду, поняла, что ранена. Как потом выяснилось, небольшие осколки попали мне в живот, грудь и плечи, а голова была в крови из-за разорванных барабанных перепонок. Поезд еще ехал две-три минуты, тогда остановился, и в мой вагон забежала коллега из соседнего вагона с криками, жива ли я. Как выяснилось, кроме меня, никто не пострадал... Кроме меня и моей коллеги Натальи, которая умерла на месте. Единственный осколок, пришедшийся на ее вагон, угодил ей прямо в сонную артерию. Сердце светлого и жизнерадостного человека, готового помочь всему миру, остановилось мгновенно.

Период с 13 марта по 1 апреля я провела в больнице, но после этого сразу вернулась к работе. Думаю, очень важно собственным примером демонстрировать, что мы не боимся и нас не сломить. Победа будет за нами. Пусть, заступив на 15-дневную вахту, мы с мужем взяли с собой чемоданы с вещами на более длительный срок, потому что не знаем, будет ли нам куда возвращаться, — но мы твердо решили продолжать работать и вывозить людей до последнего! Слава Украине!

« **Каждый раз по сигналу воздушной тревоги машинист обязан остановить поезд и выключить свет. В эти мгновения страх пронзает каждую клетку тела, парализуя его. Именно в такие мгновения, под звуки взрывов, помогая успокоить чье-то ребенка, отвлекая от фаталистских мыслей пожилую женщину, отдавая последнее печенье соседу, мы демонстрируем нашу национальную идентичность. Именно этим мы отличаемся от захватчиков. Наша сила — в единстве!** »

« **Наш поезд попал под ракетный обстрел врага. Помню, как вышла из купе с мыслью, что успею еще выпить кофе и немного прийти в себя после психологически тяжелой дороги... Последнее, что я запомнила, — вспышка яркого света, а затем — тьма и страшная боль в ушах. Придя в себя и прикоснувшись к голове, почувствовала, как по рукам течет кровь. Много крови... Как выяснилось, никто не пострадал... Кроме меня и моей коллеги Натальи, которая умерла на месте.** »

Ульяна Пчелкина

38 лет, общественный деятель, ОО "Группа активной реабилитации", г. Буча

Я жила в состоянии войны с 2014 года: с того момента, как захватили Крым и оккупировали территории на востоке Украины. С тех пор я много времени посвящала работе с ветеранами и ранеными, пострадавшими в результате военной агрессии.

Наша организация «Группа активной реабилитации» — один из резидентов Veteran Hub, то есть мы оказываем помощь не только гражданским, но и военным. Мы занимаемся людьми, которые получили травму спинного мозга и пользуются креслом колесным. Уже 30 лет в Украине мы учим

людей, которые столкнулись со спинальной травмой, жить дальше самостоятельно и независимо от своего физического состояния.

Организация тесно сотрудничает с местными властями, а на законодательном уровне мы постоянно предоставляем консультации по нормативным документам. Да, мы не юристы, но мегапрофессиональные практики. Мы тщательно изучили Конвенцию о правах лиц с инвалидностью и являемся постоянными членами рабочих групп при различных государственных учреждениях. Мой муж Виталий Пчелкин — член Совета безбарьерности, созданного при Кабинете Министров Украины. Мы понимаем, что проблема, над которой работаем, многокомпонентна и требует влияния на всех уровнях. Человек с травмой спинного мозга должен не только становиться самостоятельным, но и получать защиту со стороны государства, определенный пакет услуг.

Последние месяцы как лидер мнений для определенной целевой аудитории я регулярно проводила консультации и встречи с психологами в социальных сетях, чтобы подготовить людей к возможности наступления со стороны РФ. Однако того, что мы столкнемся с террористами, которые насилуют и убивают детей, что в Украине развернется настоящий геноцид украинской нации, я не могла себе представить.

О начале полномасштабного вторжения я узнала от своей подруги из Луцка, а о бомбардировках всей территории Украины — из телевизионного марафона. Конечно, это был шок и непонимание: неужели это происходит в 2022 году в центре Европы?.. Затем прилетело в Гостомельский аэропорт. После этого тихо уже не было.

Возможность безопасно выехать у нас была только до обеда 24 февраля, потом все мосты взорвали, трассы начали оккупировать. Со всех сторон звучали канонады. Я слышала, как летели первые вертолеты. Уже 25 февраля мы поняли, что ехать по лесу на коляске не удастся.

« Я слышала, как летели первые вертолеты. Уже 25 февраля мы поняли, что ехать по лесу на коляске не удастся... Людям на кресле колесном негде больше прятаться: если нам и удастся попасть в подвал, для людей с травмами спинного мозга недопустимо переохлаждение, потому что сразу реагируют почки, и можно умереть без надлежащей медицинской помощи, которой в оккупации не было. »

Безусловно, было страшно: я знала, что числюсь в так называемых расстрельных списках, потому что всегда занимала проактивную позицию и открыто поддерживала ВСУ, называя вещи своими именами. Сейчас мы уже знаем о большом количестве случаев похищений активистов на всей территории Украины, но я уже тогда понимала, что нахожусь в группе риска.

В наш жилой комплекс дважды попали снаряды: в 4 и 9 этаж. Мы прятались в ванной. Почему именно там? Потому что людям на кресле колесном негде больше прятаться: если нам и удастся попасть в подвал, для людей с травмами спинного мозга недопустимо переохлаждение, потому что сразу реагируют почки, и можно умереть без надлежащей медицинской помощи, которой в оккупации не было.

Мы выехали 9 марта, когда узнали о первом коридоре из Бучи, который российские оккупанты, по сути, сорвали: они не пропускали автобусы и не прекращали обстрелы; люди самоорганизовались и начали массово выезжать. Ехали сотни автомобилей. Сейчас мы понимаем, что нам просто повезло, потому что по дороге видели большое количество расстрелянных гражданских автомобилей, скорых, тела мертвых гражданских вдоль обочины.

Мысли уехать из Украины не возникало, хотя мне открыты все двери. Уже на второй день, несмотря на оккупацию, мы начали создавать координационный штаб во Львове, чтобы и дальше помогать людям с травмами спинного мозга. К нам сразу присоединились польские партнеры, стали оказывать гуманитарную помощь. Наша лидер Татьяна Фомина, не имеющая инвалидности, но занимающаяся вопросами активной реабилитации с 1996 года, вместе с мужем собственноручно адресно присылала помощь. Это спасало человеческие жизни, потому что даже закупить необходимое стало невозможно, ведь склады находятся между Ирпенем и Бучей. Поэтому мы пытались как-то экономить, чтобы поддержать людей хотя бы на первое время (отправляли по десять катетеров, десять памперсов, три мочеиспускателя).

В настоящее время более полутора тысяч человек с травмами спинного мозга прошли наши лагеря активной реабилитации, еще 800 подали заявки на участие. Движение активной реабилитации было основано в 1978 году в Швеции, в 1992 году прошел первый лагерь в Украине. Конечно, мы уже давно должны были перейти на МКФ — международную классификацию функционального состояния, чтобы четко понимать количество таких людей в Украине, но пока есть только термин «общее заболевание», и выделить нашу категорию крайне трудно. В период пандемии COVID-19 мы не растерялись и перешли в онлайн-формат.

« Только что написала подруга, прощалась со мной, потому что ее дом в Запорожской области возле Энергодара — под прицелом артиллерии. Нет связи с нашими друзьями из Мариуполя... Но все же мы верим в лучшее: продолжаем искать пути спасения. »

С начала полномасштабной войны вывозим людей с травмой, помогаем им обосноваться. Рада, что удалось вывезти из Бучи наш автобус с подъемником. Важно отметить, что мы не просто вывозим или довозим до границы, а ищем доступное жилье, при необходимости находим возможности лечения, сотрудничаем с органами государственной власти, общественными организациями, чтобы человек не ехал неизвестно куда безо всякой поддержки. Спать в спортзале мне мешает не гордость, а потребность в специальной помощи, специальных условиях, чтобы лечь и встать. К тому же, человеку с инвалидностью на туалет обычно требуется почти два часа. Мы активно координируем действия с международной Ассоциацией спинальной травмы, и вскоре будут созданы три хаба в разных странах Европы, где человек сможет жить, пока не определится, что делать и куда ехать дальше. Один уже открыт в Польше.

На сайте мы прикрепили анкету, в которой люди с инвалидностью указывают свои потребности. Важно понимать, что людям с травмой спинного мозга нужны особые лекарства и средства личной гигиены, которыми волонтеры обычно не занимаются: лекарства против судорог мышц, специфические урологические лекарства, катетеры, мочеприемники, уропрезервативы и т.д. Если к нам обращается человек, который не является нашей целевой аудиторией, мы не бросаем его на произвол судьбы: консультируем и выступаем как коммуникаторы с разными волонтерскими организациями. К сожалению, с каждым днем запросов все больше, а нам становится все труднее, ведь 90% наших сотрудников — это тоже люди с инвалидностью, большинство из них до сих пор находятся в Украине. Поэтому мы активно ищем институциональную поддержку, пишем заявки на гранты.

Пока не будет полностью восстановлена инфраструктура в Буче, мы не сможем вернуться домой. Я всем людям с инвалидностью рекомендую из опасных районов выезжать сразу, ведь мы становимся заложниками. При всем своем положительном характере и уверенности в себе поняла, что в этой ситуации совершенно беспомощна и от меня ничего не зависит... Сейчас мы пытаемся вытащить парня из Харькова, который три недели назад вышел из реанимации, не может еще сидеть, поэтому коллапсирует...

Мое самое большое желание — не забыть о себе в этих событиях. Жертвенность никому не нужна, если уже через месяц упадешь, как загнанная лошадь. За 15 лет активной общественной деятельности я очень хорошо поняла эту истину. Я стараюсь развивать наш координационный центр, привлечь финансирование. Создать центры проживания здесь, на западе Украины. Вы не представляете, сколько людей не хотят ехать за границу! Несколько дней назад мы вывозили знакомых, которым удалось сбежать из Дебальцево за день до того, как его уничтожили в 2014 году. Сейчас они вынуждены убегать из-под Киева. Они оба на колясках. Видеть глаза людей, дважды потерявших дом, невыносимо. Этот стеклянный взгляд людей, которым ехать не хочется, но они вынуждены, — ужасная трагедия.

Многие наши люди остаются в опасности, а со многими нет связи. Только что написала подруга, прощалась со мной, потому что ее дом в Запорожской области возле Энергодара — под прицелом артиллерии. Нет связи с нашими друзьями из Мариуполя... Но все же мы верим в лучшее: продолжаем искать пути спасения.

Мне очень повезло, что в жизни появился муж, с которым мы всегда плечом к плечу. Часто шутим, что я его руки, а он — моя голова, но на самом деле мы равноценные партнеры и физиологические нюансы не играют особой роли. Благодаря его поддержке я не проронила ни слезинки с начала войны, кроме момента, когда из оккупированного села Бабинцы мне позвонила мама, с которой не было связи весь март. Это были слезы огромного подлинного счастья и радости! Надеюсь, в следующий раз буду плакать от известия о победе.

Алена Лунева

36 лет, правозащитница, директор по адвокации Центра прав человека ZMINA

В полномасштабную войну я не верила. Не могла поверить, потому что это противоречило здравому смыслу и всему разумному и логичному, что я читала. Конечно, тревожилась, но не слишком. Наверное, поэтому накануне, 23 февраля, поехала во Львов – принять участие в мероприятии по случаю Дня сопротивления оккупации «Дни Крыма». Вечером мы в кругу уважаемых спикеров обсуждали, что должна сделать Украина, чтобы вернуть Крым, а утром началась война. Снова.

Я крымчанка. Почти всегда с этой фразы начинаю выступления на мероприятиях, на которых обсуждается воору-

женный конфликт и защита прав пострадавших от него. Я рассказываю, откуда родом, потому что так присутствующие начинают понимать, что у меня есть собственная история этой войны.

Я родилась и выросла в Крыму, до марта 2014 года жила в Симферополе и работала в юридической приемной Правозащитного центра «Действие». До того, как русские солдаты пришли в мой Крым, я не представляла, что придется покинуть родительский дом. То, во что никто – и я тоже – не мог поверить, случилось: россия вторглась в наш дом и сделала тысячи людей, в том числе меня и моего сына, внутренне перемещенными лицами. Хорошо помню, как после очередной акции, которую мы проводили с коллегами в оккупированном городе, я пришла к папе в гости, а он сказал мне: «Алена, кажется, тебе пора выезжать». Я поехала с одним рюкзаком, потому что была абсолютно уверена, что через несколько месяцев все наладится и я вернусь.

В марте этого года исполнилось восемь лет, как я не была дома.

24 февраля в пять утра мне позвонила подруга, сказала, что россия начала войну, а в Киеве слышны взрывы. Помню, меня начало лихорадить: дети и муж дома, а я во Львове с билетом на вечерний экспресс и безо всякой уверенности, что этот поезд уедет. Наконец, с опозданием на шесть часов, мой поезд приехал: утром 25 февраля я была на вокзале Киева. Эту ночь я провела в теплом вагоне, а мой муж с детьми – в подвальном убежище в соседней школе, в пыльном помещении, где тяжело дышать, но можно чувствовать себя в относительной безопасности.

Следующие три ночи мы провели в убежище, уже все вместе. Моя дочь Варвара начала болеть, постоянно температурила. Мы консультировались с врачом по телефону. Она выписала нужное лекарство (антибиотики), которое муж искал по всему левому берегу, потому что аптеки были закрыты или там не было нужного препарата. Варе стало лучше, хотя она не очень хорошо спала в убежище. Еще бы, бункер – не слишком комфортное место для ночевки для 2,5-летней малышки.

По ночам она плакала и долго не могла успокоиться. В помещении спали более сорока взрослых и малышей. На третью ночь некоторые женщины начали истерить, мол, не нужно приходить в укрытие, если ребенок плачет. Говорили, я плохая мать, раз не могу успокоить своего ребенка. Утверждали, если она так плачет, то с ней однозначно не все хорошо. Нашлись и те, кто спрашивал, крещеный ли ребенок, потому что плачет очень странно.

Ясное дело, в то убежище мы не вернулись, оборудовали спальное место в коридоре нашей квартиры. Там и спали все вместе. Мы плохо слышали сирену, зато хорошо слышали взрывы, хоть и далекие и негромкие.

Все это время с начала новой фазы войны родные уговаривали нас уехать из Киева, чтобы дети были в безопасности. Наконец 1 марта мы со знакомыми уехали из города и несколько дней добирались в Тернополь.

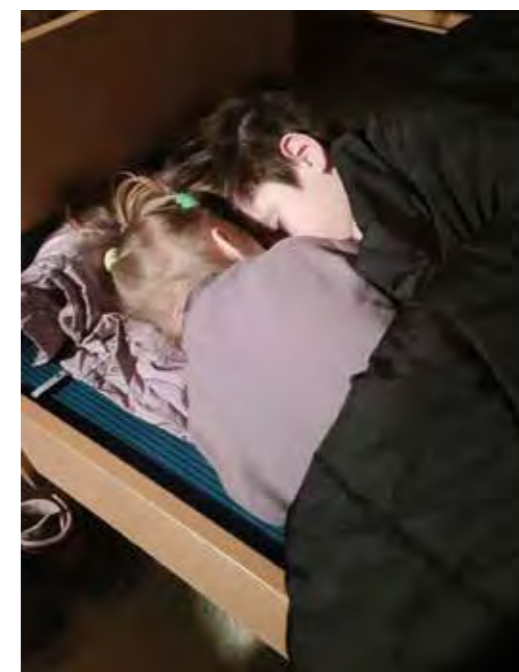
Поскольку с 2014 года моя работа связана с защитой прав пострадавших от конфликта, мне не пришлось менять направление деятельности – мы вместе с коллегами практически с первого дня войны учредили Коалицию «Украина. Пять утра» [«Україна. П'ята ранку / Ukraine 5 AM Coalition»]. В настоящее время в нее входят 25 организаций и независимых экспертов, основная цель совместной работы – защита жертв российской вооруженной агрессии в Украине и привлечение к ответственности высшего руководства России и непосредственных исполнителей военных преступлений.

К тому же, наша организация продолжает защищать права и поддерживать активистов, правозащитников, журналистов, которые подвергаются нападениям или жизни которых что-либо угрожает. Наибольшие риски для людей – похищение, пытки, насильственное исчезновение... Уже сейчас убитыми находят граждан с проукраинской позицией, которые остались на временно занятых российской армией территориях Украины, потому что они воспринимаются как угроза (и действительно являются угрозой) для создания мифа об отсутствии сопротивления на этих территориях. Оккупационные власти боятся правды, поэтому под ударом все те, кто умеет говорить правду и говорит. Сейчас нам известно по меньшей мере о 30 похищенных активистах и журналистах, но на самом деле их гораздо больше. Поэтому ZMINA запустила кампанию **#TheTaken** («Похищенные»), чтобы рассказать миру о тех, кого захватили российские оккупационные силы, и дать агрессору понять, что мир не будет молча наблюдать за этим.

Мой фронт на этой войне – работа с органами власти, подготовка изменений в законах, которые облегчат жизнь людей, пострадавших от войны.

Не знаю, сколько будет продолжаться война, которую начала россия в феврале 2014 года, – для меня она не заканчивалась ни на мгновение. Все эти годы я жила с пониманием, что война рядом и продолжается, унося ежедневно человеческие жизни. Сейчас война постучала в каждый дом и семью в Украине: никто не может чувствовать себя в безопасности там, куда долетают ракеты с российских кораблей или военных баз в моем родном Крыму.

Верю, что так будет не всегда.

Анастасия Розлутская

35 лет, менеджер проектов, госпитальер, г. Киев

Каждая работа отличается своими особенностями. Моя предполагает полное погружение в информационный поток, однако, справедливости ради, я заинтересованно отслеживала все события, предшествовавшие полномасштабному российскому вторжению. Сейчас сама себе удивляюсь, но тогда совершила совсем не присущие мне действия: заправила машину и ночью взяла билет на утро 24 февраля, чтобы муж мог отвезти нашу четырехлетнюю дочь в Карпаты к бабушке. Взрывы застали нас по дороге на вокзал.

Подсознательно понимала, что нужно сохранять спокойствие, но сердце охватывало удушливое отчаяние — не знала,

увидю ли когда-нибудь еще своего ребенка. Собрав минимум необходимых вещей, встретилась с друзьями, настроенными на отъезд. В тот момент осознала, что не уеду: не могу покинуть родной мне город. Так и осталась.

В прошлом году подписала контракт резервиста и этой весной должна была проходить военное обучение — своеобразный не закрытый с 2014 года гештальт, ведь волонтерство, которым активно занимаюсь, конечно, очень важно, но всегда хотела приносить бóльшую пользу своей стране.

Начало учебы планировалось на апрель-май. Когда началась мобилизация резервистов, меня так и не призвали на военную службу в ВСУ. Отстояла несколько очередей в ТрО, однако усилия не увенчались успехом. Поэтому мы с друзьями решили самоорганизоваться: приобщались к уже созданным волонтерским инициативам, впоследствии организовали гуманитарные штабы помощи гражданским и военным во Львове и Киеве. Эти штабы, объединившиеся под названием «Волонтерская сеть», и сейчас эффективно работают, доставляя необходимое в разные города и села нашей страны.

В 2014 году мне выпало координировать информационно-коммуникативное направление в волонтерской инициативе «Евромайдан SOS», поэтому сейчас тоже пригласили к сотрудничеству. В первые недели мы активно информировали общество о происходящем в стране, сообщали полезную информацию на странице в Facebook и т.д.

Несмотря на все эти активности, меня не покидало чувство, что я недостаточно вовлечена. Было ощущение, что находишься не там, где больше всего нужна, и занимаешься не тем. Эти душевные

«**Эти душевные метания побудили присоединиться к батальону «Госпитальеры»... Только вернулась из своей первой ротации на юг страны, где мы эвакуировали раненых. Поездка предполагалась на пять дней, а задержались на двенадцать. Бригада обычно состоит из четырех человек: водитель, огневик, врач и один или два парамедика. Наша миссия — эвакуировать раненого, оказать первую домедицинскую помощь, стабилизировать и довести в больницу, то есть к врачам. Таким образом спасти жизнь.**»

метания побудили присоединиться к батальону «Госпитальеры». Горжусь украинцами, ведь желающих попасть в него было так много, что пришлось просить «протекции» у друзей. Между тем отмечу, что в 2021 году прошла медицинское обучение на базе «Госпитальеров», поэтому уже владею определенными знаниями и умею работать согласно протоколу.

Родные, конечно, очень переживали за меня. Постоянно со всех сторон звучали фразы вроде «Зачем ты это делаешь?», «У тебя же ребенок!», «Ты же мать!». Однако когда твоя маленькая дочь, глядя в глаза, спрашивает: «Мама, почему они убивают людей и маленьких детей?» — и играет с пистолетом, сделанным из обыкновенной деревяшки, осознаешь: это борьба прежде всего за наше настоящее и будущее, в частности моей дочери. В конце концов, за то, чтобы мы могли наконец снова быть вместе в нашей родной Украине.

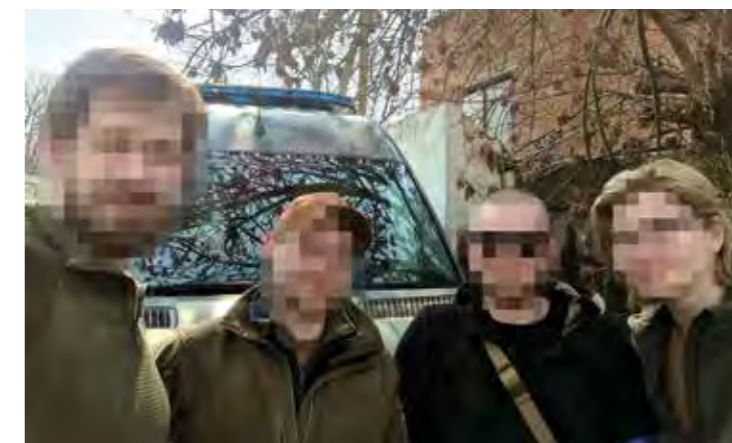
Именно в медицинском батальоне «Госпитальеры» чувствую свою востребованность. Только вернулась из своей первой ротации на юг страны, где мы эвакуировали раненых. Поездка предполагалась на пять дней, а задержались на двенадцать [сметается. — прим. ред.]. Бригада обычно состоит из четырех-пяти человек: водитель, огневик, врач и один или два парамедика. Наша миссия — эвакуировать раненого, оказать первую домедицинскую помощь, стабилизировать и довести в больницу, то есть к врачам. Таким образом спасти жизнь.

Каждый раз, когда выезжаем, внутри просыпаются страх и тревога, но вместе с тем возникает и другое чувство: «Кто, если не я?». Оно настолько мощное, что страх превращается в мотиватор и своеобразную движущую силу.

К поездке и увиденному невозможно подготовиться. Каждый раз происходит что-то неожиданное. В какой-то момент перестаешь испытывать всякие эмоции, они будто замораживаются, и в то же время кардинально меняешься, теряешь себя прежнюю. Каждый выезд, каждое новое ранение даются тяжело. Морально я не готова это видеть, но готова помогать: холодная голова, сосредоточенные руки — никаких сомнений, ведь нужно успокаивать и поддерживать раненого, подпитывать его стремление бороться за жизнь.

Не знаю, чем руководствуются другие люди, но для меня очень важен ответ на вопрос: «Что я оставлю своему ребенку?». Не хочу, чтобы она была украинкой вне Украины, а тем более поработанной на собственной земле. Хочу, чтобы у нее был свой дом, на своей родной земле. Именно поэтому нет другого выбора, кроме как бороться за победу. Ради себя, своей дочери, семьи и Украины. Только так.

«**Каждый раз, когда выезжаем, внутри просыпаются страх и внутренняя тревога, но вместе с тем возникает и другое чувство: «Кто, если не я?». Оно настолько мощное, что страх превращается в мотиватор и своеобразную движущую силу. К поездке и увиденному невозможно подготовиться.**»

Виктория Макарова

32 года, фармацевт, г. Харьков

Мы с моей коллегой и тезкой Викторией уже много лет работаем в фармацевтике и полностью преданы этому делу. С начала войны, когда Харьков стал одной из главных мишеней врага, мы даже не думали покидать город, потому что понимали: провизоров в городе осталось мало, а рук не хватает катастрофически. В нашей большой сетевой аптеке осталось четыре провизора, двое из них живут в относительно спокойных районах города и ежедневно пешком преодолевают по четыре километра. Стены же наших с Викторией домов до сих пор дрожат от обстрелов, так что фраза «жить на работе» стала для нас реалиями сегодняшнего дня.

Так получилось, что у нас дочери-сверстницы: Милане и Дарье по три годика. Решение перебраться жить в аптеку, с одной стороны, давало условную защиту для детей, ведь место здесь более спокойное, а с другой, максимизировало нашу ответственность за их жизнь и обеспечение досуга. Оказалось, мы зря волновались: наши девочки фантастические! Они не осознают, что такое война, но очень хорошо понимают, что домой пока нельзя, потому что там «бубух».

Даша и Милана всячески помогали нам устроиться. Честно говоря, сначала мы совершенно не понимали, как наладить быт: комнатка, в которой мы сейчас живем, называется помещением для персонала, там большое количество офисной мебели, в основном столы и стулья. Пришлось почти все вынести. Заведующая аптекой принесла нам раскладушку с матрасом, чтобы девочки могли спать «валетом», а для себя мы обустроили кровати из промышленных палет и картонных подстилок. Так и жили.

Девочек в игровой форме привлекли к нашей работе. Посетители говорят, что в такие психологически тяжелые дни детский смех и искренность отвлекают от ужаса, происходящего в нашем городе. В большом районе Салтовка наша аптека — единственная работающая, поэтому люди идут к нам пешком километры. У нас нет никакого морального права оставить работу. У каждой из нас, оставшихся и работающих четырех фармацевтов, также есть семьи и люди, нуждающиеся в постоянной медикаментозной поддержке. Именно поэтому мы понимаем, как оно — в чем-то нуждаться. К тому же, спрос на успокоительные, сердечные, кровоостанавливающие и перевязочные препараты и материалы слишком велик.

«**В** большом районе наша аптека — единственная работающая, поэтому люди идут к нам пешком километры. У нас нет никакого морального права оставить работу. У каждой из нас, оставшихся и работающих четырех фармацевтов, также есть семьи и люди, нуждающиеся в постоянной медикаментозной поддержке. Именно поэтому мы понимаем, как оно — в чем-то нуждаться. К тому же, спрос на успокоительные, сердечные, кровоостанавливающие и перевязочные препараты и материалы слишком велик.»

Мы знаем об ужасных случаях, когда аптеки в Харькове оказывались в эпицентре вражеских обстрелов, люди страдали и гибли. Видео с нашими погибшими коллегами облетело весь мир. Однако мы всегда успокаиваем себя фразой «Кто, если не мы?». Ведь действительно: кто?

Пока в нашем районе еще был свет, дела шли более-менее и нам всего хватало: холодильник, чайник, микроволновка помогали обеспечить детям достаточный уровень жизни... Уже 25 дней мы живем без света, получая электроэнергию при помощи нескольких генераторов, хватает ее

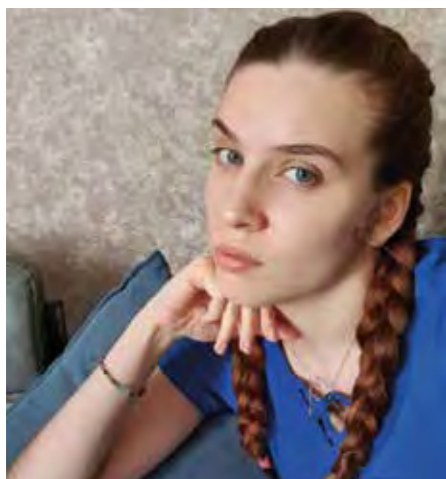
только на кассовый аппарат и холодильники с лекарствами. Мы попросту морально не можем себе позволить растратить этот ценный ресурс на собственные нужды. Живем при свечах — девочкам пока эта игра нравится. Волонтеры дали нам переносную туристическую газовую печку, работающую на газовых баллонах. Благодаря ей подогреваем детям еду, делаем чай или какао, которое так любят малышки.

Аптека работает максимально допустимое время в условиях комендантского часа. На ночь полностью блокируем дверь и баррикадируем всем, чем можем, чтобы обезопасить себя от незваных гостей, прежде всего мародеров.

Будем откровенны: нам очень страшно, но мы обязательно победим, выстоим назло врагу ради счастливого будущего наших детей!

«**А**птека работает максимально допустимое время в условиях комендантского часа. На ночь полностью блокируем дверь и баррикадируем всем, чем можем, чтобы обезопасить себя от незваных гостей, прежде всего мародеров. Будем откровенны: нам очень страшно, но мы обязательно победим, выстоим назло врагу ради счастливого будущего наших детей!»

Анастасия Мишура

24 года, медицинская сестра, г. Харьков

С началом войны работать стало сложнее, прежде всего морально. Не только у больных, которых мы лечим, но и у медиков наблюдается психомоторное возбуждение: все время прислушиваются, чтобы не пропустить сигнал воздушной тревоги. Испуганные люди уезжают из города. Чувствуется сильный повсеместный надрыв, возникает ощущение, что мы все живем в волнах страшного напряжения. Кажется, будто чувствуешь, как дышим им. Сложно сейчас всем, в том числе и нам, медикам.

Все работники и работницы нашей больницы с начала войны фактически живут на работе. Лично я с 24 февраля дома еще

не была. Наш фронт здесь, в больнице. Мы спасаем жизни, и это не только наша военная обязанность, но и вклад в защиту страны.

Мы работаем в условиях периодического отключения электричества и воды. Приходится светить фонариками. Без электрики воду кипятим на газовых горелках. Работаем под звуки взрывов и воздушной тревоги. Самая большая сложность в работе, как по мне, — страх, что в больницу может попасть ракета. Иногда взрывы слышны очень близко от нашего здания. Однажды ракета разорвалась перед зданием и из окон повывлетали стекла, но, к счастью, обошлось без жертв.

К бомбардировкам невозможно привыкнуть! Разве можно постоянно осознавать, что твоя жизнь или жизнь коллег и пациентов больницы может внезапно оборваться? Этот страх делает человека беспомощным, буквально замораживает... а мы должны спасать жизни, то есть быть сосредоточенными и собранными.

В настоящее время больница обеспечена продуктами: есть возможность накормить наших пациентов и поесть самим, к тому же, питание иногда доставляют волонтеры. Стараемся вкусно готовить, это как своеобразный антидепрессант для наших пациентов и персонала, живущего в больнице. Проблем с препаратами и оборудованием также нет: генераторы, медикаменты, вспомогательные материалы доставляют. Согласованно и профессионально работает и администрация больницы. Коммунальные службы города стараются обеспечить бесперебойное электроснабжение, понимая, что люди находятся в реанимации и на операционных столах, минута без света может стоить им жизни.

« **К** бомбардировкам невозможно привыкнуть! Разве можно постоянно осознавать, что твоя жизнь или жизнь коллег и пациентов больницы может внезапно оборваться? Этот страх делает человека беспомощным, буквально замораживает... а мы должны спасать жизни, то есть быть сосредоточенными и собранными. »

В одном отделении со мной работает мой парень, он врач. Морально это очень помогает — знать, что рядом близкий человек, и ощущать его поддержку. Моя коллега забрала в больницу свою маленькую дочь, потому что не с кем ее оставить, девочка стала членом нашей команды медиков.

Больница помогает многим гражданским, пострадавшим в результате боевых действий. Город постоянно обстреливается, люди получают ранения, травмы, контузии и т.д. С каждым новым днем этой войны таких пациентов все больше.

В отличие от мирного времени, люди, оказавшиеся вместе на фоне общей боли, — войны, ранений, смерти, — скорее объединяются, оказывают друг другу поддержку и помощь. Например, если кто-то из родственников приносит больному что-то вкусное, то он угощает всю палату и персонал больницы. Если кому-то тяжело подняться, то помогают все, кто уже поправляется. И так во всем. Мы все стали семьей: врачи, медсестры, санитарки, пациенты.

Самое страшное в этой войне — неопределенность. Мы не знаем, когда это все кончится и чем... Меня начала пугать тишина. Заметила, если тишина длится слишком долго, то потом произойдет что-то ужасное.

Я очень жду Победы! Очень хочу, чтобы мы ее выбороли с наименьшим количеством жертв. Я очень хочу слушать тишину и не ожидать прилета ракеты. Хочу, чтобы все вернулись домой. Чтобы не гибли дети.

Хочу, чтобы люди перестали бояться выйти на улицу и не оглядывались кругом, не летит ли поблизости снаряд. Хочу, чтобы мы смогли снова гулять в наших прекрасных парках и наслаждаться чистым воздухом и весной.

Верю, что мы выстоим! Знаю, что все это будет.

« **В** отличие от мирного времени, люди, оказавшиеся вместе на фоне общей боли, — войны, ранений, смерти, — скорее объединяются, оказывают друг другу поддержку и помощь. Например, если кто-то из родственников приносит больному что-то вкусное, то он угощает всю палату и персонал больницы. Если кому-то тяжело подняться, то помогают все, кто уже поправляется. И так во всем. Мы все стали семьей: врачи, медсестры, санитарки, пациенты. Хочу, чтобы люди перестали бояться выйти на улицу и не оглядывались кругом, не летит ли поблизости снаряд. Хочу, чтобы мы смогли снова гулять в наших прекрасных парках и наслаждаться чистым воздухом и весной. »

Валентина Степанчук

39 лет, врач-дерматовенеролог, г. Коростень

По профессии я врач-дерматовенеролог, два года назад открыла свою дерматокосметологическую клинику. По зову сердца я режиссер и актриса народного любительского театра «Креатив».

О войне я узнала вечером 23 февраля. Мы были на паб-квесте — интеллектуально-развлекательных играх, которые в нашем городе устраиваются раз в месяц. Одна из участниц нашей команды служит в полиции, поэтому около половины одиннадцатого вечера ей позвонили, приказав срочно прибыть в отделение при полном снаряжении. Закончив раз-

говор, она подняла на нас глаза и тихонько сказала: «Война началась...»

Помню это недоумение: что делать и как правильно поступить? В голове рой мыслей, а самое главное — полное недоумение: как такое возможно в цивилизованном мире. В первую очередь мы оформили на моего папу нотариальную доверенность на наших детей: у нас их трое. Мы с мужем изначально знали: что бы ни случилось — страну мы не покинем, однако детей нужно спасать. Хотя по всем законам как многодетная семья имели право уехать за границу. После первой, крайне тяжелой ночи в подвале и после взрывов в соседней воинской части мы решили с утра отправить детей с бабушкой и дедушкой в соседнюю Польшу.

Когда дети уехали, я почувствовала огромное облегчение.

Тогда со страниц соцсетей всюду звучали призывы «Накорми защитника!». Недолго думая, мы с сестричкой и нашими мужчинами поехали в ближайший супермаркет, купили хлеба, колбасы, сыра и сигарет и, сделав бутерброды, подъехали к одному из блокпостов на выезде из города. Далее обратились к военному руководству с предложением организовать пункт горячего питания для военнослужащих. Получили добро, позвонили владелице одного из ресторанов города, она сразу согласилась предоставить заведение для наших нужд. Так мы начали свою волонтерскую деятельность, гордо назвавшись «Волонтерами Фортуны».

Через час наш коллектив из четырех человек увеличился до двадцати. С тех пор мы вместе. Правду говорят, что иногда чужие и незнакомые люди могут стать ближе родных. Нас всех объединило общее горе, нас объединила война и горячее желание победы.

Начав с кухни (а кормили мы в то время приблизительно 600 человек в день), мы быстро расширили сферу деятельности и начали доставать планшеты, ноутбуки, павербанки, запчасти и аккумуляторы к автомобилям... Дальше пошли тепловизоры, коптеры, бронжилеты и автомобили.

«**Д**алее обратились к военному руководству с предложением организовать пункт горячего питания для военнослужащих. Получили добро, позвонили владелице одного из ресторанов города, она сразу согласилась предоставить заведение для наших нужд. Так мы начали свою волонтерскую деятельность.»

Позже оформили общественную организацию, я стала ее председателем. Моя команда, а это в основном мужчины, называла меня мамой, а еще генерал-майором. И я действительно чувствовала ответственность за каждого, кто стал мне таким родным за это время.

Днем я работала, что-то доставала, с кем-то договаривалась, что-то решала, иногда даже шутила, а вот вечером, приходя домой, побыстрее забиралась в кровать, открывала фото детей на телефоне и тихо плакала... С тех пор я ненавижу вечер, а еще больше ночь, потому что с закатом российская нечисть вылезала из нор, запускала свои истребители и сбрасывала на нас ракеты. Очень страшно сидеть, пригнув голову, и слышать жуткий гул самолета, не зная, в чей дом прилетит вражеская ракета и не станет ли эта ночь последней в твоей жизни. В голове сто раз повторяю молитву, а в руках сжимаю телефон с фотографией детей. И так каждую ночь.

Через 2 недели после начала войны мужчины отправили нас с сестренкой в Польшу навестить детей. Я готова была бежать пешком в Варшаву, чтобы побыстрее их увидеть. Мы встретились в Макдоналдсе, я долго обнимала детей и плакала, на нас вышло посмотреть все заведение, но мне было все равно. Дети искренне радовались моему приезду, а я не знала, как сказать им, что через несколько дней должна буду снова уехать...

Меня часто спрашивали, что заставило меня вернуться из безопасной Польши в самый разгар войны, неужели я не боялась, как решилась на такой поступок. Я отвечала, что даже не предполагала другого варианта, знала, что меня ждет моя команда, ждут наши защитники, люди, которым не удалось уехать, которые нуждаются в нашей поддержке и опеке. Конечно, как каждая женщина, в глубине души я испытывала страх, но, пересекая границу, поняла, что нигде не чувствовала себя более защищенной, чем на родной земле, даже в такое время.

Поскольку моя клиника пострадала во время очередного авианалета, я вышла на прием в поликлинику, потому что осталась единственным дерматологом на весь город. Поэтому с восьми до одиннадцати работаю врачом, а с одиннадцати и до позднего вечера — волонтером. Честно говоря, сложно представить, как потом возвращаться к обычной жизни.

За дни нашей работы мы помогли многим: военным и гражданским, пожилым людям и больным детям. К счастью, наш город пострадал от нашествия рашистских орков значительно меньше, чем соседние населенные пункты, но мы тоже в полной мере почувствовали весь ужас происходящего, наши сердца разрываются от боли и ненависти. Они отравили наши души своими бесчеловечными поступками, они перевернули наше представление о людях, продемонстрировав всему миру чудовищную жестокость и полное отсутствие нравственных принципов и чести. Но победа за нами!

Дарья Шевченко

20 лет, студентка и маркетолог, г. Киев

Я вспоминаю ту ночь каждый день.

Мама часто говорила, что ночные звонки — всегда к беде. Поэтому когда 24 февраля в 5:45 утра мне позвонил парень, я уже знала, что произошло что-то страшное, но не могла представить, что через минуту буду читать о взрывах бомб в Киеве, Харькове, Одессе и других городах.

Это казалось страшным ночным кошмаром, но будильник не звонит уже почти месяц.

«
Заходишь в Twitter, проверяешь
фейки, распространяешь правдивую
информацию, раскручиваешь
подписчиков, зарабатываешь деньги,
чтобы отправить их в фонды... Иногда
ищешь броники, иногда их подшиваешь.
Бывает, объясняешь, как поймать
диверсанта. Часть жизни, ставшая
обыденностью.»

»

Я не смогла сразу разбудить маму — просто смотрела на нее, желая дать ей еще несколько минут сна в мире, где российская армия не сбрасывает бомбы на наш город просто потому, что мы украинцы.

Мне 20 лет, я живу в Европе в 2022 году и я будила маму словами «Просыпайся, началась война».

Мы остаемся сейчас в нашей киевской квартире — ближайшее бомбоубежище не приспособлено к пребыванию там, а дома как будто чувствуешь себя в безопасности.

Но я все же провела одну ночь в бомбоубежище, недалеко от моего университета: во второй день войны не успела доехать домой до комендантского часа. Помню, как я сидела в убежище, вслушиваясь в звуки взрывов, думая о том, будет ли мне куда возвращаться на учебу.

В последнее время взрывы все ближе к моему дому, несколько дней назад сбросили две бомбы на жилую дом неподалеку от нас... Мне еще долго слышался тот звук.

Каждый раз я смотрю на свою квартиру, как в последний раз, — возможно, это моя последняя чашка чая, и успею ли я ее допить, ведь в любой момент русский моральный урод может решить, что мой дом можно разбомбить.

Я стала много плакать от страха, переживаний и боли из-за историй, которые лишь множатся, ежедневно, ежечасно. Плакать о людях, похожих на меня: их жизнь покалечили или забрали оккупанты. Недавно узнала о смерти семилетнего ребенка в Мариуполе: он умер в холодном бомбоубежище от обезвоживания, перед тем потеряв маму, которую убили оккупанты. Как такое можно простить?

Сейчас я собираю пазлы своей жизни и осознаю новую реальность — с бомбардировками и sireнами, с работой, помощью армии и волонтерам, потому что самое главное сейчас — не потерять себя, ведь после победы у нас будет много дел, нужно будет восстанавливать наши города.

Это происходит постепенно — сначала делаешь коктейли Молотова (теперь я всегда буду сохранять стеклянные бутылки), потом заходишь в Twitter, проверяешь фейки, распространяешь правдивую информацию, раскручиваешь подписчиков, зарабатываешь деньги, чтобы отправить их в фонды, купить что-то еще — экономика должна работать, обеспечивая надежный тыл для армии. Иногда ищешь броники, иногда их подшиваешь. Бывает, объясняешь, как поймать диверсанта. Часть жизни, ставшая обыденностью.

Не знаю, буду ли завтра жива, но знаю, что Украина победит, потому что у нас есть то, чего никогда не было у российских захватчиков, — сущность. Человеческая сущность, которую в нас не уничтожить и которую так ненавидит россия, потому что они — стадо без своей истории, и все, что у них есть сейчас, — краденное. Они обречены на нашу победу!

Полтава, волонтеры. Фото Михаила Малько

Ника Назаренко

*24 года, иллюстратор и моушен-дизайнер,
г. Харьков / г. Киев*

Я родилась в Харькове. Я его настоящая патриотка. Люблю этот город! В начале войны было очень больно смотреть, как его разрушают русские. Сейчас стараюсь думать о том, как его отстроить, а как только станет немного безопаснее, обязательно вернусь.

Мой папа – офицер ВСУ, поэтому восемь лет своего детства я жила в воинской части. Это интересный опыт: вместо игровых площадок были ангары, а просыпалась под стук солдатских сапог под окнами.

Я очень хотела стать художницей, постоянно рисовала, потому уговорила родителей отдать меня в художественную школу. В детстве очень любила и до сих пор люблю комиксы. Мечтала, что когда-нибудь нарисую своих супергероев. И я их таки нарисовала, но уже не выдуманных, а настоящих. Работаю иллюстратором и моушен-дизайнером уже шесть лет. До войны создавала анимационные клипы, рисовала обложки, рекламные постеры.

Девять месяцев назад переехала в Киев, устроилась на «Суспільне», где работаю и поныне. Я не верила, что может начаться война, — отказывалась верить, так что когда она началась, оказалась к этому не готова. Первые несколько дней ночевала в метро, потом уехала на западную Украину, чтобы иметь возможность сосредоточиться и работать. В начале меня добавили в команду, которая освещает новости, поэтому постоянно видела фото жертв и руин... было сложно психологически, но меня и команду очень восхищала и удивляла смелость украинцев. Мы постоянно об этом говорили. Она зашкаливала.

Я начала искать идеи для рисунка и способ их воплощения, потому что графический планшет забыла в Киеве. В какой-то момент поняла, что хочу нарисовать дядьку с миной и сигаретой, даже подумала: «Черт возьми, это все реальные супергерои. РЕАЛЬНЫЕ, не из Marvel». Я вижу в своей стране настоящих героев, которые еще вчера казались самыми заурядными людьми. На рабочей кухне все постоянно обсуждают, насколько украинцы классные и ничего не боятся. Военные стреляют в воздух, а они не останавливаются. Меня это очень вдохновило. Так возникла идея создать серию рисунков о народных героях. Нашла стиль и решила начать с сапера с сигаретой. Взяла его как прототип. Из-за стереотипного мышления и стигматизации в мирное время я его, скорее всего, испугалась бы, а ведь он герой! Моя редактор увидела, что я рисую, и предложила сделать серию рисунков о героях из народа. Вся команда искала примеры и думала, кого можно нарисовать,

«**Я** подумала: «Черт возьми, это все реальные супергерои. РЕАЛЬНЫЕ, не из Marvel». Я вижу в своей стране настоящих героев, которые еще вчера казались самыми заурядными людьми... Я горжусь синергией Украинцев — да, именно с большой буквы — воинов ВСУ, ТрО, врачей, машинистов поездов, проводников, водителей, аптекарей, работников магазинов, почты, айтишников. Все они объединились и держат на плечах мою Родину.»

поэтому я везде прошу указывать, что авторы — я и «Суспільне». Нам было важно подкрепить эти истории видео, потому что мы можем публиковать только то, что произошло, а не вымышленные события.

Сначала я планировала скинуть рисунки нескольким друзьям, разбирающимся в NFT, чтобы сделать что-то полезное для государства, однако мы на «Суспільному» решили сделать их общедоступными и рассылать файлы тем, кто печатает мерч и передает деньги на армию. Так что в начале я не планировала их никуда постить. Когда рисунки распространились в сети и стали популярны, была в шоке. Возник страх, что не смогу создать ничего лучшего.

«**К**онечно, такими, как до 24 февраля, мы уже никогда не будем, но и такими, как сейчас, не будем также. Не будет больше востока и запада, юга и севера — теперь Украина как никогда едина. Мы будем держаться вместе!»

Пока шла работа над рисунками, украинцы действовали. В сети гуляло видео из Конотопа. Все говорили мне: «Конотоп должен быть обязательно. Обязательно». Так возник образ российского военного с погнутым автоматом. На тот момент была творческая загвоздка: как именно изобразить это проклятие цензурно. Я не ожидала такого успеха, впрочем, с радостью от него отказалась бы: лучше бы этого повода — войны — не было.

Создавая эти иллюстрации, я чувствовала только одну эмоцию — гордость за народных героев. Конечно, я не ожидала, что картинки так понравятся людям.

Главное, что запомнилось из реакций на мои работы: они дарят надежду. Именно поэтому решила создавать иллюстрации и анимации именно о надежде и гордости, чтобы вдохновлять и приближать победу визуально. Сейчас приоритеты сильно изменились, я выбрала работу, которая, к счастью, у меня есть. Я горжусь синергией Украинцев — да, именно с большой буквы — воинов ВСУ, ТрО, врачей, машинистов поездов, проводников, водителей, аптекарей, работников магазинов, почты, айтишников. Все они объединились и держат на плечах мою Родину. Радуюсь, что я украинка, и каждый раз надеюсь: следующая иллюстрация будет о нашей победе.

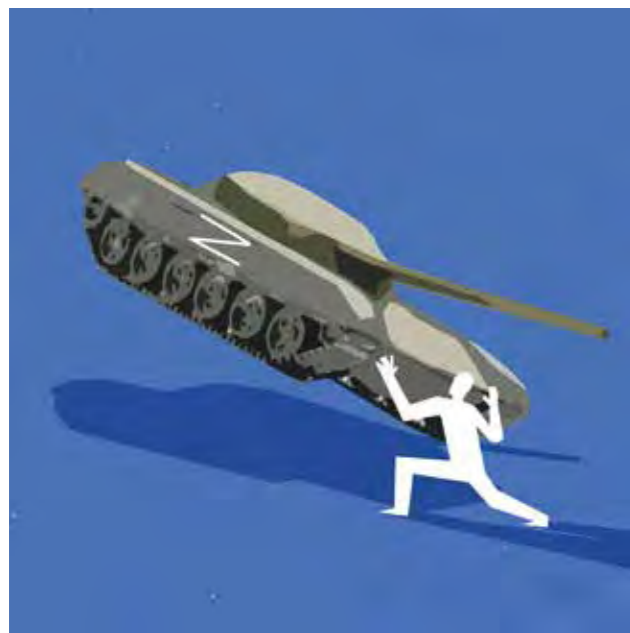
Я не хочу и не планирую куда уезжать Конечно, такими, как до 24 февраля, мы уже никогда не будем, но и такими, как сейчас, не будем также. Не будет больше востока и запада, юга и севера — теперь Украина как никогда едина. Мы будем держаться вместе!

В Бердянске мужчина голыми руками перенес мину в лесопосадку

«Положите семена в карманы, чтобы выросли подсолнухи, когда вы здесь погибнете», — жительница Геническа военным РФ

Мужчина пытался остановить российскую технику в Киевской области

«Вы знаете, где вы? Это Конотоп. Здесь каждая вторая женщина — ведьма», — жители Конотопа Сумской области российским военным.

Фото Аллы Чайковской

г. Полтава, волонтеры. Фото Михаила Малько

Екатерина Леонова

38 лет, руководитель проекта «День уличной музыки Днепр», волонтер в Координационном штабе волонтеров Днепра, владелица OKO production, г. Днепр

Еще со времени обучения в университете им. Гончара мне запомнились слова преподавателя Владимира Буряка. На первой лекции в 2000 году он сказал: «А ты, загадочная девушка с каре, будешь военкором!» Затем последовали лекции по истории и международному праву. Помню, как делала зачетные сюжеты о бандах во власти, коррупции и пророссийских властях. На тот момент мне было всего семнадцать лет.

Вся моя семья из Кривого Рога — мама, бабушка и прадедушка. Прадеда, Петра Муисенко, в 1937 году расстрелял КГБ. Моя мама, его внучка, искала хоть какую-нибудь информацию о его судьбе, но лишь в 1991 году узнала всю правду: его расстреляли за украинский язык и приверженность идеям Украинской государственности... Моя семья считалась семьей врага народа.

С детства знала от бабушки, дедушки и мамы, что россия — враг. Моя бабушка говорила: «Везде есть люди и нелюди», но имперское мышление русских передается из поколения в поколение. Они, говорила, захватчики, не пытающиеся создать свое и жить в мире с соседями, а стремящиеся захватить, уничтожить и унижить своих соседей.

Меня всегда интересовало, что происходит на постсоветском пространстве. В поиске ответов на свои вопросы в 2014 году пришла в батальон «Днепр-1». Следующие пять лет ездила на фронт как журналистка и волонтер, готовила материалы для украинских и международных СМИ. В Иловайске и селе Пески я потеряла друзей и знакомых, которых успела полюбить. Так я открыла для россиян счет, по которому они должны заплатить.

В 2014 году мы решили организовать в Днепре Фестиваль уличной музыки как своеобразную реакцию на вторжение, чтобы продемонстрировать, что Украина и общество способны развивать свою культуру (в 2021 году в третью субботу мая такой фестиваль состоялся более чем в 50 городах страны). Параллельно занималась батальоном «Днепр-1», проектом Piano Extremist (он же «Пианист Майдана»), с которым мы проехали всю страну вдоль и поперек: западную, центральную, восточную Украину (выступали перед Бойцами и обычными людьми). Также организовала с друзьями фестиваль СТИЛ (Фестиваль творчества участников боевых действий) в Днепре, на который со всех уголков съехались воевавшие поэты, писатели. Звездным гостем стал Жадан, он

«**Ужасы в Буче, Гостомеле, Ирпене и других освобожденных от оккупантов городах и селах — все это было раньше на Донетчине и Луганщине: разрушения, мародерство, изнасилования, убийства, пытки. Мы писали об этом! Мы кричали об этом! На весь мир! Против России принимались санкции, но агрессивная риторика против Украины и украинцев со стороны России за эти восемь лет только нарастала, и власть не менялась, а лишь превращалась из авторитарной в тоталитарную.**»

часто здесь бывает и имеет друзей, а также коммуницирует с волонтеркой и поэтессой Анастасией Тепляковой, которая запустила проект «Слово на стене» и рисует стихи украинских поэтов-диссидентов на улицах.

Война, начавшаяся в 2014 году, для большинства украинцев была чем-то далеким. Она не сломала стереотипы о «братских народах» до конца. Были те, кто думал, что это война Путина, а россияне нам не враги. Более того, некоторые считали, что озвученные Путиным причины захвата Крыма и Донбасса исторически «оправданны»... К сожалению, война не сделала украинцами всех жителей нашей страны.

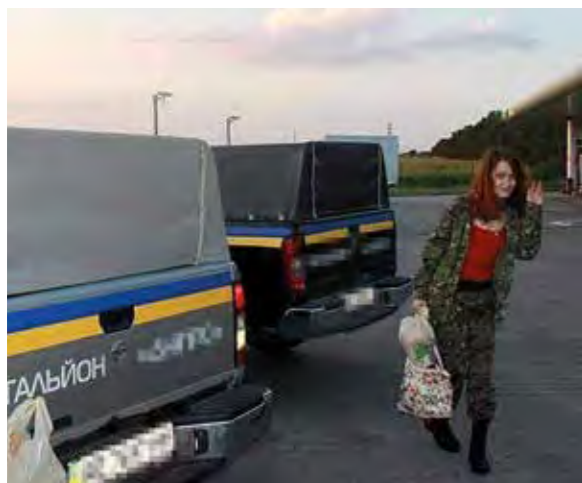
Ужасы в Буче, Гостомеле, Ирпене и других освобожденных от оккупантов городах и селах — все это было раньше на Донетчине и Луганщине: разрушения, мародерство, изнасилования, убийства, пытки. Мы писали об этом! Мы кричали об этом! На весь мир! Против России принимались санкции, но агрессивная риторика против Украины и украинцев со стороны России за эти восемь лет только нарастала, власть не менялась, а лишь превращалась из авторитарной в тоталитарную. Сейчас россияне пытаются оправдать себя тем, что у них царь, против которого они не могут выйти. Такая реакция напоминает одну поговорку: долго терпеть, чтобы сходить по нужде, а в конце концов наложить в штаны. Вот они и оправдывают на камеры войну против Украины тезисом: «Мы обычные люди: если выйдем — нас убьют, поэтому лучше быть вне политики». На этом их критическое мышление заканчивается. А как же демос и кратос, то есть власть народа? Невольно возникает мысль, что народ у них — это упоротые властимушье, низший класс в безвыходной ситуации, интеллигенция, которая страдает от того, что в меньшинстве, и шоу-бизнес, который хочет есть и пить, вот и лжет для стада.

В 2018 году пришлось прекратить активность из-за диагноза мамы: рак IV стадии. Я бросила волонтерство и войну. Похоронила маму в августе 2018 года. На тот момент на фронте погибло еще больше моих друзей. Мама так и не узнала, как я была под обстрелами и как в моргах по фотографиям пыталась опознать побратимов и сестер. Через три недели после ее смерти я завела пса и уехала с ним в Луганскую область. Хотела написать стихи Жадана на стенах его родного города.

Позднее вернулась к волонтерству, помогала бойцам адаптироваться: кого-то на реабилитацию отправляла, а кому-то давала контакты нужных врачей или юристов... Казалось, что рано или поздно все закончится... Когда зазвучали заявления Запада и начали доноситься слухи с восточного фронта, меня охватило отчаяние. Так же, как и в феврале 2014 года. За несколько недель до 24 февраля я начала преподавать йогу в Veteran Hub, но сейчас она неактуальна, хотя я видела, как девушкам и парням после занятий становится лучше.

Дополнительно занималась волонтерством для ТАПС-Украина, филиала международной организации TAPS International (США), которая помогает семьям погибших в результате вооруженных конфликтов и войн. Мы провели

несколько форумов и организовали множество душевных встреч с семьями, дарили подарки и были рядом.

С 24 февраля я снова вернулась в волонтерство. Кроме сбора средств и помощи, с первого дня войны мы задумали снимать сюжеты о формировании волонтерского движения в Днепре. Идея возникла еще в 2014 году, но времени не хватало, поэтому многие истории канули в небытие. Волонтерских организаций в моем городе немало. Мы снимаем сюжеты о волонтерах, которые начали работать в нашем штабе с 24 февраля и работают до сих пор, ежедневно, с утра до вечера. Их невероятно много: художники, музыканты, скульпторы, фотографы, юристы, есть даже хоккеистка. У нас много молодежи, в част-

ности студентов, которым по 18–20 лет. Они ничего не знали, а только слышали об АТО, потому что в то время им было лет 10–12. Молодежь смотрит на волонтеров 2014 года с уважением, искренне стараясь также быть в тренде. Самое важное, чтобы не выгорели, потому что синдром выгорания — страшная вещь. К волонтерству присоединились многие предприниматели: производители роллов, владельцы СТО, ресторанов, частных пекарен — все эти люди полностью перешли на «военные рельсы». Это и не удивительно, пожалуй, более странно после авиаударов и сотен изуродованных судеб оставаться в стороне. Жаль, что такой кровавой ценой.

Парадокс в том, что сейчас ситуация с волонтерским движением перекликается с 2014 годом. Так, в марте 2014 года после Майдана в Днепре основали «Штаб национальной защиты», на базе которого создан наш легендарный батальон «Днепр-1». В 2022 году всего за два часа организовали «Координационный штаб волонтеров Днепра», большинство из них — это неумолимые волонтеры, работающие еще с 2014 года.

Тогда я была в штабе пресс-секретарем. Сейчас, в 2022 году, все повторяется, однако теперь выкристаллизовалось понимание: мысль, что «война закончится через две недели», — крайне наивна. Для меня и для многих других людей это «Война 2.0». Сейчас благодаря друзьям, побратимам и любимому мужу решила запечатлеть истории помогающих людей. Мы создали волонтерское ТВ. Такая активность — волонтерство и съемка — истощают и требуют много сил и ресурса, но будем это делать и дальше, потому что теперь каждый украинец — Герой. Главное, чтобы было время, система, топливо для автомобиля и заряда хватило на камеру.

Мои побратимы из пятой роты, почти полностью сформированной из донецких украинских патриотов, которые пытались организовать Майдан в Донецке, входили в состав батальона «Днепр-1».

«
С первого дня войны мы задумали снимать сюжеты о формировании волонтерского движения в Днепре. Мы снимаем истории о волонтерах, которые начали работать в нашем штабе с 24 февраля и работают до сих пор, ежедневно, с утра до вечера. Их невероятно много: художники, музыканты, скульпторы, фотографы, юристы, есть даже хоккеистка.
»

После окончания горячей фазы войны 2014 года многие переехали в Киев, Днепр или Одессу. Они стали жить мирной, гражданской жизнью и пытались «вернуться с войны», но все — и женщины, и мужчины — говорили, что в случае возобновления войны снова возьмут оружие в руки. Сейчас они все на фронте. Говорят: «Мы покинули когда-то Донецк, но наши новые дома мы уже не оставим. Врагу ничего не отдадим!»

Больше всего угнетает, что не пошла воевать на фронт. В первую волну войны останавливали еще тогда живые бабушка и мама, они бы не пережили, если бы со мной что-то случилось, а сейчас — муж. Мы недавно поженились. Я продолжаю снимать истории о волонтерском движении. Еще есть две любимые собаки.

Как-то несколько бойцов сказали мне, что «Пианист Майдана» — небольшая задумка, которая выросла в масштабный проект. Писатель Юрий Андрухович списал с него главного героя романа «Радио ночь». Говорят, что у каждого свое оружие: каждый делает то, что может, и там, где находится. Пожалуй, однажды устану от съемок и открою клуб йоги исключительно для волонтеров и бойцов, потому что мы достойны отдыха в кругу своих.

Волнуют очень разные мысли. Сколько нам еще волонтерить? Сколько провести фестивалей и написать стихов на стенах и в соцсетях? Сколько придется выслушать речей в поддержку западных стран, чтобы через 20–30 лет проживающие в Украине люди стали действительно Украинцами, а не выходцами из «союза тоталитаризма, слабости и жестокости»?

Впрочем, захожу в мессенджеры, вижу запросы и сообщения о потерях, слышу звуки сирены и верю, что на своем веку еще успею увидеть спокойные улицы.

Нижче — мої стихи об этой странице истории народа и государства.

Я — Україна, мене гвалтують.
Я — український солдат
І у мене є серце і зброя.
Я — Україна, мене грабують.
Я — солдат, який йде до бою.
Я — Україна, мене вбивають.
Я — рятувальник, що захищає собою.
Я — син, який втратив маму.
Я — донька, поховала на дворі тата.
Я — бабуся, що рятувала в човні онука.
Я — борець, втратив кращого друга...
Я — Україна, мене хочуть зруйнувати.
Я — українець, і все розбудую.
Я — Україна, мої діти гинуть.
Я — Українка, що кров їх зупинить.
Я — мати, буду для вас жити.
Я — батько, буду завжди поруч.
Я — онука, буду вас лікувати.
Я — донька, і мені не боляче...
Я — волонтер, я не втомився.
Я — капелан, я молитимусь.

....

І ми проклинаємо росіян.
Горіти у пеклі всім ворогам
Які ні за життя, ні після смерті
Не будуть пробачені
І не знайдуть покою.
Я Україна, а це — вічна свобода,

Якій нема переводу...
Я Сила свята моїх людей...
Я — Україна, Слава і Воля
Я весь світ бороню
І творю свою долю!
Мій човен шукає берег вночі,
І якщо ти знаєш те, просто мовчи.
Мое військо хоче стати до зброї.
Надішлю їм ту зброю,
тихо небом, рікою.
Мій дім ображено вдень спить.
Від снарядів лиш оживає на мить.
Та генерали не риють окопів,
Вони шлють наше військо
І просять гроші у богів.
Моя дитина — ненароджений спів
Про велич країни, яку ти б хотів.
Не про луки й поля,
а про право людей.
Мати вдосталь свободи
Від кривавих царей.
Моя доля вже не горить у вогні
Поряд з домом й човном.
Гуртуються люди, співають вони
Про берег своєї ріки і те, що
Героїв народжує історії скрута.
І цього вони не пробачують,
І не зможуть навки забути.

OKO production
Підписалося 578 користувачів

ГОЛОВНА ВІДЕО СПИСКИ ВІДТВОРЕННЯ СПІЛЬНОТА КАНАЛИ ПРО КАНАЛ

WAR IN UKRAINE: UKRAINIAN HEROES 2022
18 036 переглядів · 2 місяці тому

Герої України борються з 2014 року за свою Землю та свій Народ! В 2022 році в Україні почалося широкомасштабне вторгнення росії, яка почала вбивати мирних людей та дітей. Проте вся нація на 100 % стала до захисту - ЗСУ, Тероборона, Волонтери, Лікарі, Поліція. Ми зможемо подолати ворога, бо історія пишуть переможці, і у нас немає іншого вибору, ніж як подолати ворога, який прийшов на ...
ДОКЛАДНІШЕ

«Волонтерское ТВ». URL: <https://www.youtube.com/channel/UC0MvPvRcZ4IVE7IrsikpCXA>

Координаційний штаб волонтерів Дніпра
@volunteerdnipro 5 (7 отзывов)
Благотворительная организация

WhatsApp

Главная Информация Фото Ещё

Нравится Сообщение

Альбомы Все

- Instagram світлин 422 об'єкта
- Загруженное с телефона 985 об'єктов
- Фото из хроники 1 263 об'єкта
- Фото обложки 8 об'єктов

Страницка «Штаб Волонтерів Дніпра» в Facebook. URL: <https://www.facebook.com/volunteerdnipro>

РАЗДЕЛ VI. На дипломатическом фронте и на уровне принятия решений

*Ми переможемо! Любов у всі часи
Убивчу силу зла перемагала.
Поглянь, як українці підросли,
Такого зросту Україна ще не знала!*

Таміла Шевцова

фото Дмитрия Ларина. Публикується с разрешения интернет-издания «Украинская правда»

Людмила Долгоновская

*35 лет, советница Главнокомандующего
Вооруженными Силами Украины по
стратегическим коммуникациям, г. Киев*

Будем откровенны, начиная с 2014 года в войне для нас не было ничего неожиданного. Я два года прожила в Луганской области и понимала, что эта опасность неизбежно распространится дальше, и это лишь вопрос времени. Окончательно в серьезности ситуации мы смогли убедиться во время российско-белорусских учений «Запад—2021». Именно поэтому во всех публичных коммуникациях мы придерживались месседжа, что Украина готовится к полномасштабной вооруженной агрессии со стороны России, понимая, что так или иначе она произойдет.

Как и подавляющее большинство украинцев, 24 февраля я проснулась под звуки взрывов. Сразу поняла, что происходит, сообщила мужу. Самый щемящий момент, наверное, был, когда я перекрестила спящего сына, помолилась, заплакала — это были мои первые и последние слезы в этой войне. После этого я собралась и на метро поехала на работу — в полседьмого уже была в Генеральном штабе.

С самого начала я полностью мобилизовалась внутренне, понимая, что сейчас нельзя рефлексировать, нельзя вдаваться в какие-то эмоции — все надо оставить до того момента, когда мы победим: тогда и наступит время для оплакивания погибших, для страхов, переживаний. Я запретила себе давать какие-либо оценки, задумываться над тем, что будет дальше.

Нам с коллегами было важно, чтобы Генштаб стал первоисточником официальной информации об оперативной обстановке. И как бы трудно нам ни было собирать и согласовывать эти сведения, первые дни мы старались каждые 3 часа давать миру информацию о происходящем. К тому же, делали это на украинском и английском языках в текстовом и видеоформате. Позднее мы перешли на информирование четыре раза в день. Сейчас это уже отработано как система. Первую неделю я вычитывала и правила каждое сообщение, пока публиковалось одно, уже работала над следующим. Мы кардинально изменили нарратив информирования о потерях, сместив фокус на потери противника.

Весомая видимая часть моей работы — ведение официальной страницы Главнокомандующего Вооруженными Силами Украины в Facebook. Недавно мы создали еще и телеграмм-канал, ведь хочется, чтобы у людей в России и Беларуси, еще не до конца пораженных пропагандой, была возможность получать альтернативную информацию.

Когда меня спрашивают о достоверных источниках информации в Украине, я настаиваю на официальных: ресурсы Министерства обороны, Генерального штаба, Главнокомандующего, Офиса Президента, Министерства внутренних дел, Службы безопасности Украины. Среди медиа хотелось бы выделить «Укринформ» (информация доступна на 8 языках). Соблюдение информационной гигиены — одно из важнейших условий поведения во время военного положения.

Когда-то... до войны... я совмещала работу в Малой академии наук и политическом интернет-издании, защитила кандидатскую диссертацию по философии и планировала для себя спокойную научно-преподавательскую карьеру. Но Майдан... война... — это такие глубокие переживания, что я понимала: оно меня когда-нибудь поглотит. Так и вышло.

Мой выбор — выбор тех, кто чувствует ответственность за судьбу страны. Есть люди, живущие для личного блага, и это нормально. А есть люди, живущие для всеобщего блага. Вот я по натуре из второй категории. Я чувствую в себе потребность служить каким-то высшим идеалам. И так было всегда.

Иногда мне не верится, что я в это время, в ходе этой страшной войны, нахожусь в эпицентре, вижу лично высшее военное руководство государства — над картами, на пункте управления, вижу, как принимаются решения, уставшие глаза, сжатые кулаки, колоссальное напряжение и ответственность...

Меня переполняет гордость за нашу армию. За годы войны кардинально изменился личный состав, пришли молодые мотивированные ребята, ядро войска сформировали боевые офицеры и генералы, ведь сейчас это постоянно меняющийся и развивающийся живой организм. В последние годы состоялось много учений в странах НАТО, совместных мер подготовки, обмена опытом, языковых курсов, международных миссий. Все это повлияло на наше войско на ментальном уровне, сделало его современным и профессиональным.

Примечательно, что когда офицеры возвращаются из многонациональных миссий, рассказывают об отношении к женщинам: никаких домогательств, шуток, гипертрофированных проявлений маскулинности. Мне очень импонирует мнение Дэвида Бентона, советника по стратегическим коммуникациям Посольства США, о том, что гендерное равенство — признак цивилизационного развития общества в целом и армии в частности. Женщины привносят креативность, пунктуальность. Я вижу, как нам нужны журналисты, креативщики, режиссеры. Мы не все можем отдать на аутсорс, потому что здесь важно понимать специфику, иметь доступ к информации. Я думаю, что со временем мы все больше будем приближаться к израильской модели — обязательная военная служба как для мужчин, так и для женщин, ведь у нас такой сосед. Лично я понимаю, что мне нужны навыки обращения с оружием, знание тактической медицины — это вопрос выживания: моего и моих близких.

« Я провожу аналогию с национально-освободительной борьбой 1917—1921 годов. Мир тогда нас не поддержал: на Парижской мирной конференции нам не дали права на независимость... Поэтому я очень боюсь... не погибнуть — это сейчас не самое страшное. Страшнее всего — переживать то, что переживала Украина в 30-е годы, жить в стране, где не будет места военным, интеллигенции, молодежи... Считаю, что сейчас лучше погибнуть в борьбе, чтобы наши дети жили в независимом и свободном государстве, чем зайти на очередной такой исторический круг! »

Сейчас я, женщина, мечтаю, чтобы Украина выстояла, чтобы Запад предоставил нам оружие. У нас есть люди, но нечем защититься. Просто дайте нам средства защиты — и мы выстоим! Предоставьте нам системы противоздушной и противоракетной обороны, ракеты средней и большой дальности, артиллерийские системы, танки, бронированные машины. Я мечтаю хотя бы несколько часов полноценно побыть с сыном, которого вынуждена была вывезти в безопасное место. Моя самая большая мечта — чтобы все эти потери, которые мы сейчас переживаем, не были напрасными.

«
Мне очень импонирует мнение Дэвида Бентона, советника по стратегическим коммуникациям Посольства США, о том, что гендерное равенство — признак цивилизационного развития общества в целом и армии в частности.
»

Я провожу аналогию с национально-освободительной борьбой 1917–1921 годов. Мир тогда нас не поддержал: на Парижской мирной конференции нам не дали права на независимость, в отличие от стран Балтии и Польши. Посмотрите, как экономически они развились, несмотря на советскую оккупацию, ведь не подверглись репрессиям и Голодомору, которые перенес украинский народ. Поэтому я очень боюсь... не погибнуть — это сейчас не самое страшное. Страшнее всего — переживать то, что переживала Украина в 30-е годы, жить в стране, где не будет места военным, интеллигенции, молодежи... Считаю, что сейчас лучше погибнуть в борьбе, чтобы наши дети жили в независимом и свободном государстве, чем зайти на очередной такой исторический круг!

Киевский метрополитен. Фото Дмитрия Ларина. Публикуется с разрешения интернет-издания «Украинская правда»

Екатерина Левченко

Правительственная уполномоченная по вопросам гендерной политики

В канун войны мы очень поздно пришли домой, где-то уже в полпервого ночи. Я поздно закончила рабочий день, после восьми, еще зашла в спортивный клуб, встретила с младшей дочерью и ее подругами. Мы гуляли по Оболонской набережной, потому что живем именно там, общались на разные темы. Настроение было напряженное, говорили о террорбоне, о знакомых, о невозможности планировать будущее, потому что непонятно, что может произойти в ближайшее время. На девять утра следующего дня у меня было запла-

нировано важное интервью, поэтому в полдевятого утра в четверг я должна была уже быть в Кабинете Министров Украины. Придя домой, быстро легли спать, а уже около пяти меня разбудила дочь со словами: «Мама, взрывы!!!» Мы открыли окно. Взрывы слышались отовсюду — из Вышгорода, Гостомеля, Броваров. Мы быстро собрались и поехали в дом в пригороде Киева, где в то время находился мой муж. Естественно, мы боялись, что начнется бомбардировка Киева.

С 24 февраля мы начали работу в режиме онлайн. Возможно, это звучит цинично, но COVID-19 дал возможность наладить все коммуникационные процессы именно для удаленной работы. С первого дня мы запустили инициативы для помощи людям, разрабатывали меры реагирования и помощи. К нам обращались знакомые и организации из Украины и из-за границы. И мы смогли организовать помощь женщинам, которые проходят лечение в Институте педиатрии, акушерства и гинекологии, детям из Дома малютки в городе Прилуки, которые были перевезены туда из Мариуполя. В дальнейшем мы уже осуществляли эту работу системно, совместно с Министерством здравоохранения и Министерством внутренних дел Украины — помощь в покупке лабораторий и средств для проведения медицинской, судебной, криминалогической экспертизы военных преступлений, в том числе сексуального насилия.

Уже 24 февраля мы согласовали направление деятельности, в частности включение вопроса обеспечения прав женщин и гендерного равенства во все государственные политики и законы, в том числе механизмы предоставления гуманитарной помощи. На следующий день правительство сформировало Координационный штаб гуманитарной помощи под председательством вице-премьер-министра по вопросам европейской и евроатлантической интеграции Украины Ольги

Стефанишиной. В сотрудничестве с ним мы создали платформу общественных организаций, работающих в рамках темы «Женщины. Мир. Безопасность», занимающихся вопросами гендерного равенства или прав и возможностей женщин. Мы начали работу как с общественными организациями, так и с советниками по гендерным вопросам, сеть которых была создана нами как раз в конце января. Советники по гендерным вопросам есть в центральных органах власти, в областных государственных администрациях, в органах местного самоуправления, в учебных заведениях. В настоящее время их около 50 человек.

Мы начали с создания механизмов быстрого удовлетворения гуманитарных потребностей: собрать средства на нужды женщин и девушек, предоставить им необходимую информацию, выяснить, где они находятся, и, по возможности, помочь нашим коллегам в Краматорске, Северодонецке, Мариуполе, Харькове и т.д. Многие переехали на запад Украины и сейчас работают там. Общественные организации сейчас очень активны и хорошо скоординированы.

Второй насущный вопрос — координация деятельности с общественными организациями, работающими в Европе, такими как PICUM (Платформа международной кооперации по мигрантам без документов), La Strada International (платформа европейских НГО, занимающихся противодействием торговле людьми), WAVI («Женщины против насилия в Европе» — сеть организаций, работающих с лицами, пережившими домашнее и сексуальное насилие), Child Help Life International, Ассоциация детских «горячих» линий и многие другие.

Совместно с La Strada International мы создали платформу для того, чтобы, с одной стороны, украинские общественные организации и международные организации могли оперативно обмениваться информацией, узнавать о проблемах украинских беженцев, о которых украинки рассказывают своим родственникам и знакомым, а с другой стороны, чтобы международные организации могли работать со своими правительствами, адресно оказывать помощь, решать проблемы людей. И эта работа с общественными организациями за рубежом, особенно в странах, принимающих украинских беженцев, очень важна. Этим я и занималась в течение всего этого времени, в частности в рамках 66-й сессии Комиссии ООН по положению женщин, которая проходила во второй половине марта. Сессия проходила в Нью-Йорке, в ней смогли принять участие два члена украинской правительственной делегации — я и Евгения Лукьянченко, консультантка офиса вице-премьер-министра по вопросам евроатлантической интеграции Ольги Стефанишиной. С нами также постоянно была Ярослава Сочка, первый секретарь Постоянного представительства Украины при ООН.

В Нью-Йорке мы не только участвовали в работе сессий, но и провели большое количество двусторонних встреч с руководителями делегаций, которые принимали участие в сессии. Мы встречались с министрами Великобритании, Франции, Швеции, Бельгии, Австрии и др. Все говорили о помощи, выделении средств, а также подчеркивали, что поддерживают регулярные контакты с украинской стороной и хотят, чтобы они продолжались. Мы обсуждали вопросы координации помощи ООН и важности гендерной составляющей такой помощи. В ходе встречи с исполнительным директором организации «ООН — Женщины» Симой Бахус и ее заместителем Осой Регнер мы поднимали вопрос создания международной платформы для координации усилий по обеспечению достойного отношения к украинским беженцам и соблюдения их прав. Это поможет не просто обмениваться информацией, но и изучать лучшие практики, выявлять слабые и сильные стороны. Предоставлять возможность странам использовать этот лучший опыт, реагировать на вызовы, которые стоят перед обществами в сфере торговли людьми. 6,5 млн украинских граждан в настоящее время пребывают за границей, а около 7 млн лиц поменяли свое место проживания в Украине.

Недавно было заседание Бюро Комиссии по гендерному равенству Совета Европы. Мы занимались организацией майского заседания Комиссии, где среди основных вопросов — помощь Украине. О реальных событиях и преступлениях россиян в Украине нужно доносить правдивую информацию, потому что, как ни странно это звучит, не все ею располагают: наверное, потому что не хотят.

Сейчас многие ощущают значительное разочарование в работе разных международных организаций, например, Красного Креста. Но чтобы таких разочарований было меньше, нужно работать с организациями. Нам нужно донести информацию о случившемся, говорить о мерах защиты наших граждан/ок за рубежом, в странах, принимающих беженцев. Речь идет, в частности, о предотвращении торговли людьми. Пользуясь уязвимостью украинских граждан, активизировались те, кто готов извлекать выгоду из любой сложной ситуации. Несмотря на то, что в Европе достаточно сильная политика по противодействию торговле людьми, такое случается. К сожалению, есть случаи насилия по признаку пола, сексуальные домогательства. Наши беженцы, из них 90% — женщины, находятся в достаточно уязвимом положении. Они могут легко стать жертвами торговли людьми. Также в центре нашего внимания — вопросы защиты детей, оказавшихся за границей без родителей, или детей из интернатных учреждений, вопрос усиления экономических возможностей беженков. Тем более что Директива ЕС «О временной защите» дала право на проживание, доступ к рынку труда, получение жилья, социальной помощи, медицинской или иной помощи и средств к существованию. Для детей и подростков без сопровождения временная защита дает право на законную опеку и доступ к образованию.

Директива о временной защите — документ, специально разработанный для обеспечения немедленной защиты нуждающихся и избежания чрезмерной нагрузки на системы предоставления убежища государств-членов ЕС. Это очень важный документ, и мы занимаемся включением гендерной составляющей во все гуманитарные программы. Мы говорим о возможности организовать курсы изучения языка стран, принимающих наших беженцев. Даже если это и временное убежище, беженцам все равно нужно адаптироваться к новым условиям жизни, потому что только так можно пережить эту страшную ситуацию и травмы, которые они получили, покидая свои дома и родину.

Важно постоянно общаться с международными организациями, чтобы они в пределах своих мандатов оказывали Украине максимально возможную помощь. Недавно мы встречались с GRETA — мониторинговым органом Совета Европы, который отвечает за мониторинг выполнения сторонами Конвенции Совета Европы политик о мерах по противодействию торговле людьми. Шесть лет я была членом этой организации, входила в состав мониторинговой группы в 2013–2019 гг. Я обратилась в Министерство иностранных дел Украины, и мы организовали встречу с коллегами из GRETA для обсуждения возможности проведения такого мониторинга в Украине. К сожалению, есть информация о насилии над беженцами. Мы очень благодарны таким странам, как Польша, Чехия, Словакия, Румыния, Молдова, Венгрия, за предоставление убежища нашим гражданам, но следует напоминать о защите их от торговли людьми. Нужно обеспечить сбор верифицированных данных об угрозах торговли людьми в этих странах. GRETA как раз может это сделать.

Чрезвычайно важна и тема сексуального насилия, связанного с конфликтом. Уже есть подтвержденные случаи, собранные общественной организацией «Ла Страда — Украина», подписано первое подозрение относительно сексуального насилия. Подписан Меморандум о сотрудничестве между Правительством Украины и Специальной докладчицей ООН по противодействию сексуальному насилию Прамилой Паттен, мы организовали визит в Украину и обеспечили сотрудничество с Фондом Нобелевского лауреата Дениса Муквеге и Глобальным фондом помощи пострадавшим от сексуального насилия во время войны. Совместно с партнерами: государством, общественными организациями, донорскими организациями — мы готовим дорожную карту комплексного ответа, для оказания помощи путем документирования фактов, предоставления советов врачам, адвокатам относительно действий в этих случаях.

Я всегда думаю о людях, которые находятся под постоянными обстрелами или вынужденно покинули свои дома. Наша работа направлена именно на помощь всем этим людям, чтобы они могли выжить и вернуться к мирной жизни, восстанавливать и развивать Украину.

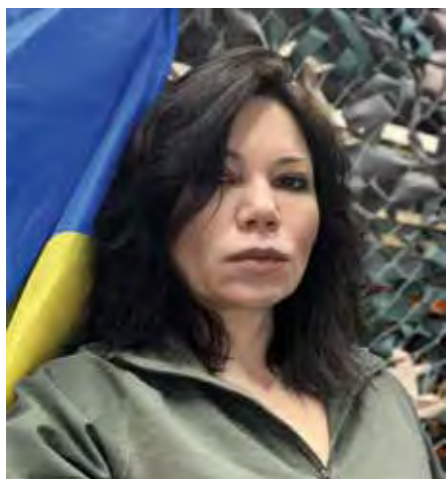
Урядова уповноважена з гендерної політики

10 квітня

What you should to know about ordinary russian soldiers in Ukraine:

1. The use of sexual violence by russian aggressors against civilians in Ukraine is a systemic, widespread practice rather than a single case.
2. Sexual violence during the war is a war crime for which there is no statute of limitations.
3. Sexual violence perpetrated by the prussian military in Ukraine targets not only women and girls but also men and boys. However, the vast majority of victims are women and girls.
4. The ordinary russian soldiers rape not only adults but also children.
5. In many cases, rape and abuse take place in the presence of children, which deeply traumatizes them and automatically makes them victims of violence according to international and national legal standards.
6. Sexual violence during the war not only includes rape, but it also perpetrated through the use of other methods of influence on a person – sexual torture or humiliation, intentional infection with sexually transmitted diseases, coercion to witness sexual violence against others, threats of rape or sexual violence, undressing, detaining female and male prisoners or hostages of in the same premises, etc.).
7. All war crimes, including sexual violence committed by ordinary russian soldiers in Ukraine, in particular in liberated territories, are documented by the National Police and other agencies involved.
8. Victims of sexual violence perpetrated by russian military – women and men, girls and boys – need urgent care, especially medical and psychological, empathy, emotional support, respect for their personality and dignity.
9. A terrible crime is not only the use of sexual violence by russian military as the weapon of war, but also the fact that ordinary russian people as well as well-known russian bloggers justify the sexual violence perpetrated by their compatriots.
10. russian propaganda actively denies the killings and violence against civilians by russian aggressors in the occupied territories and in the cities and villages liberated by Ukraine, forcing the world to believe that ordinary russian men were not involved.

Виктория Сюмар

народный депутат 8 и 9 созывов, фракция «Европейская солидарность». Ранее возглавляла комитет ВР по вопросам информационной политики. В 2014 году была заместителем секретарем СНБО

Война началась для меня в феврале 2014 года. После победы Майдана меня пригласили работать в Аппарат СНБО. Мой первый рабочий день начался со звонка: «Доброе утро, нам нужно готовить заседание СНБО. У нас началась война». Это было 28 февраля 2014 года. На тот момент в Украине еще не было сформировано новое правительство после побега

Януковича, а россияне начали захватывать Крым...

На том заседании принимались трудные решения. Западные разведки передали данные о концентрации свыше ста тысяч российской армии на материковых границах и предупредили: эскалация в Крыму будет означать вторжение в Донбасс и Харьковщину, захват Киева и возвращение Януковича как «законного президента».

Я хорошо помню ощущения того дня: доклад министра обороны о полностью «разваленной» армии, об отсутствии данных по количеству боееспособной техники, по исправности ПВО и т.д.

За счет болезненной потери Крыма мы выиграли время. Время, которое команда использовала для формирования новой боееспособной армии по стандартам НАТО. Потому что все эти годы шла война, как бы сильно ни хотели в Киеве ее не замечать.

А я тогда поняла одно важное: русские смогут захватить только те территории, где они контролируют сознание людей. Поэтому изменение самосознания населения страны с советского на украинское стало уже моим личным приоритетом: закрытие российских телеканалов, отказ от российского кино и сериалов, языковые квоты на ТВ и радио, украинизация образования. Все это способствовало тому, что Украина образца 2022 разительно отличается от Украины образца 2014 года.

Этот новый виток войны не стал неожиданностью. Западные аналитики не будут рассказывать сказки на весь мир, поэтому мы готовились. Я многих просила готовить укрепления — рубежи на севере Киевщины, звонила, убеждала... Но большинство предпочитало верить в «виртуальную войну».

24 февраля, проснувшись от надрывного звука сирены, ушла на работу — нужно было голосовать за военное положение, а муж, в прошлом подполковник «Альфы», взял уже начищенный автомат, собранный рюкзак и пошел добровольцем.

После победы Майдана меня пригласили работать в Аппарат СНБО. Мой первый рабочий день начался со звонка: «Доброе утро, нам нужно готовить заседание СНБО. У нас началась война». Это было 28 февраля 2014 года. На тот момент в Украине еще не было сформировано новое правительство после побега Януковича, а россияне начали захватывать Крым...

Практически все дни войны я была в Киеве. Мужу вместе с мэром Ирпеня Александром Маркушиным пришлось организовывать первые эвакуационные коридоры из оккупированного Бучанского района. Россияне разбомбили железнодорожный путь, и людей уже нельзя было вывезти по железной дороге, поэтому выводили из-под печально известного моста на Романовке, часто буквально под минометными обстрелами. Мы организовывали транспорт, готовили продуктовые пакеты, передавали их людям, которые ехали на вокзал, чтобы бежать подальше от войны...

Киев тогда совсем не казался безопасным, иногда происходили уличные бои, была угроза прорыва со стороны Пущи-Водицы.

В соцсетях мы информировали население о возможностях эвакуации, а в ответ получали сотни просьб о помощи. Много людей преклонного возраста, лежачих больных, которые не могли добраться до моста... Каждый случай — человеческая трагедия. Делали, что могли, чтобы найти и вывезти людей.

Не меньшая трагедия разворачивалась и в Вышгородском районе. Туда невозможно было даже доставить продукты, ни людям, ни в частный зоопарк «12 месяцев»... Многое перепробовали: что-то удавалось, а что-то нет...

У нас сильная партийная организация на Киевщине, поэтому быстро создали горячую линию, куда люди сообщали информацию о перемещении российских войск. Дальше ее передавали военным, что часто помогало корректировать наш огонь... Связи не было, электроэнергии тоже, но люди подзаряжали телефоны от генераторов или в машинах — и сбрасывали данные...

Благодаря этому каналу коммуникации мы знали о зверствах по отношению к мирным людям, о расстрелах еще до того, как об этом узнал мир. Скажу честно, от этого знания и чувства собственного бессилия я выплакала очень много горьких слез, просто каждый день...

А потом были слезы радости от встреч с теми, кого больше всего боялась потерять в оккупации. Мы в первые часы узнали об уходе россиян и, как только получили разрешение от военных, сразу повезли продукты и лекарства в Иванковский район, в Бородянку, в Демидов и Глебовку на Вышгородщину. Часто дорога в один конец занимала более шести часов, ведь все мосты были взорваны.

В соцсетях мы информировали население о возможностях эвакуации, а в ответ получали сотни просьб о помощи. Много людей преклонного возраста, лежачих больных, которые не могли добраться до моста... Каждый случай — человеческая трагедия. Делали, что могли, чтобы найти и вывезти людей.

Иногда мне казалось, что людям не менее важно, чем получить помощь, было поговорить, рассказать, что они пережили в российской оккупации. И как выжили...

До сих пор не понимаю, как выживали животные... В первый день зачистки Ирпеня от оставшихся россиян муж привез домой щенка. Он нашел его в полуразрушенном доме, написал смс: «Она такая маленькая, сидит среди обломков и плачет». Я даже не поняла кто, но ответила: «Забирай». Так у нас появилась третья собака, которую мы назвали Квиткой. Она — настоящее дитя войны: скулит, услышав звуки сирены, стремглав убегает от людей с оружием, которых удивительно хорошо различает, и очень боится звуков тракторов или мощных моторов. И никак не может наесться и почувствовать себя в безопасности. Поэтому я часто беру ее на

«
Сейчас с командой работаю над инициативами, которые обеспечат максимальную прозрачность процесса восстановления разрушенного: чтобы в наблюдательных советах, которые будут контролировать распределение средств, были пострадавшие и представители военных. Люди, так долго пробывшие в аду, точно имеют право на правду, честность и справедливость.
»

руки и обнимаю. Обнимаю так крепко и делюсь теплом. Так хочется обнять каждую и каждого, кому пришлось пережить и кто до сих пор переживает весь этот ужас...

В эти дни я чаще всего вспоминала фрагменты из книги Виктора Франкла «Человек в поисках смысла», где он описал, как выжил в немецких концлагерях. Вспоминала, потому что полностью согласна с ним: по-настоящему пережить самые трудные времена нам помогает только Любовь к людям и возможность помогать другим.

Сейчас с командой работаю над инициативами, которые обеспечат максимальную прозрачность процесса восстановления разрушенного: чтобы в наблюдательных советах, которые будут контролировать распределение средств, были пострадавшие и представители военных. Люди, так долго пробывшие в аду, точно имеют право на правду, честность и справедливость.

Елена Криворучкина

50 лет, народный депутат от политической партии «Слуга народа» в Верховной Раде Украины IX созыва, заместитель председателя комитета по вопросам экологической политики и природопользования

Уверена, что день начала войны останется в памяти украинцев навсегда. Проснувшись утром от взрывов, я не могла понять, как такое ужасное варварство возможно в XXI веке. На глубокие рефлексии времени не было, потому что уже в полседьмого утра необходимо было собраться в Верховной Раде для утверждения указа президента о введении военного положения.

Во время войны обычный формат работы народных депутатов принципиально изменился. И хотя в стенах парламента мы собирались реже обычного, приблизительно один раз в семь-десять дней, успевали принять сверхважные для военного времени законы. Война стерла все планы законотворческой деятельности, соответствовавшие нашим предвыборным обещаниям, и выдвинула другие требования, адекватные реалиям времени.

«**Х**отя в стенах парламента мы собирались реже обычного, приблизительно один раз в семь-десять дней, но успевали принять сверхважные для военного времени законы. Война стерла все планы законотворческой деятельности, соответствовавшие нашим предвыборным обещаниям, и выдвинула другие требования, адекватные реалиям времени.»

За исключением дней пленарных заседаний, я вместе со своей семьей находилась в Кривом Роге, в городе, от которого баллотировалась в Верховную Раду. Кривой Рог — родной город нашего президента. И в мирное, и в военное время от своего предвыборного обещания: «Я иду поддерживать президента» — ни разу не отступила. Военное время лишь изменило приоритеты деятельности: гуманитарная помощь беженцам, переселенцам и всем нуждающимся; помощь нашим защитникам, поддержка наиболее уязвимых слоев населения. Дистанционное общение с международными организациями и партнерами позволило на постоянной основе организовать эвакуацию людей, оказавшихся в сложных жизненных обстоятельствах из-за войны. В страны Европы только из Кривого Рога и Криворожского района в течение марта эвакуировали более 300 человек. Мамы с детьми находятся в Италии и Швеции. 82 ребенка-инвалида из Криворожского детского дома-интерната получают квалифицированную медицинскую помощь в немецкой клинике. Процесс продолжается.

Страшные события в Украине направлены на уничтожение не только мирных людей, инфраструктуры, но и нашей окружающей среды. С

первых дней войны я инициировала создание Оперативного штаба по фиксации и расчету экологического ущерба, причиненного российскими преступлениями, формированию их единого реестра (shtab.gov.ua). В состав Штаба вошли представители Государственной экологической инспекции, Специализированной экологической прокуратуры, СНБО, Министерства защиты окружающей среды и природных ресурсов Украины, Службы безопасности Украины и других государственных учреждений. Каждый день мы вместе работаем на конечный результат: системное предъявление нашему врагу судебных требований по уплате репараций за ущерб, причиненный нашей окружающей среде.

Чтобы зафиксированные нами факты были признаны международными судебными инстанциями, нам нужна поддержка мирового и европейского сообщества. Для этого сотрудничаю с международными экспертами. На разных информационных площадках отмечаю, что если военные действия в Украине ограничиваются границами нашего государства, экологические преступления таких границ не имеют. Мирный атом на наших атомных электростанциях в руках захватчиков может превратиться в катастрофу европейского уровня. В конце марта 6 российских ракет попали по нефтебазе во Львовской области, разрушили несколько дамб, что привело к попаданию нефтепродуктов в реку Полтву. Их распространение удалось остановить уже практически перед польской границей. 10 марта в результате попадания российской ракеты на юге страны затонул танкер Millennium Spirit с 600 тоннами нефтепродуктов, которые начали постепенно поступать в Черное море. Штаб уже зафиксировал нефтяное пятно общей площадью более 1000 квадратных км. В результате пострадают морские экосистемы не только Украины, но и Болгарии, Румынии, возможно, и Турции.

Только за март 2022 года наш штаб зафиксировал более тысячи случаев причинения вреда окружающей среде, из них уже более 150 событий внесены в единый реестр, в частности:

- обстрелы 22 нефтебаз и нефтехранилищ (без учета поврежденных и уничтоженных АЗС);
- повреждение и уничтожение 27 складских объектов военного и гражданского назначения, часто с товарами, веществами и материалами, которые могут представлять опасность для окружающей природной среды.

Лишь по 11 оцененным случаям размер предварительного ущерба составляет сотни миллионов долларов, а речь идет только о доступных для экологических инспекторов местах. Нам катастрофически не хватает дронов дальнего радиуса действия с возможностью дистанционного отбора проб грунта, воды и воздуха.

Враг не пренебрегает ничем, грабеж для него — обычное дело. Кто выносит личные вещи из частных домов украинцев, а кто ворует с большим размахом — даже природные ресурсы нашей страны. Так, 27 февраля 2022 года повреждены

«**К**аждый день мы вместе работаем на конечный результат: системное предъявление нашему врагу судебных требований по уплате репараций за ущерб, причиненный нашей окружающей среде.»

временная дамба, автомобильный мост и главное перегородочное сооружение №1 Северокрымского канала в Херсонской области. Основная цель таких действий врага — подача воды в Крым, ведь без украинской воды оккупированный Крым нежизнеспособен и ни одна отрасль промышленности оккупанта не может эффективно и полноценно работать и приносить доходы. Ущерб в результате такого незаконного водопользования составляет более одного миллиона долларов в день, то есть за период с 27 февраля 2022 года по 05 апреля 2022 года общая сумма ущерба составила более 400 миллионов долларов. Отмечу, что речь идет только о прямом ущербе от пуска воды по каналу.

С учетом важности указанного направления по фиксации и оценке ущерба, причиненного окружающей среде, а также необходимости стандартизации и систематизации этой работы для офиса Генерального прокурора с целью защиты интересов Украины в международных судебных инстанциях в состав Оперативного штаба введены представители Министерства обороны Украины, Министерства по вопросам реинтеграции оккупированных территорий, областных государственных администраций и международных организаций.

Только совместными усилиями мы можем зафиксировать весь нанесенный Украине ущерб и заставить врага заплатить за свои преступные действия против украинцев, государства и нашей окружающей среды. Только общими усилиями мы можем победить! И каждый день я отдаю себе отчет, что чувствую не только боль и гнев за разрушенные судьбы, за бесчеловечные издевательства русских фашистов, но и безграничную гордость за свой народ, за наших защитников, за нашего президента!

Наталья Мельник

37 лет, директор Департамента экономики и инвестиций КГГА, г. Киев

Мгновение, когда я узнала, что началось полномасштабное вторжение, — самое страшное в моей жизни. Это известие застало меня, как и большинство украинцев, дома в постели. Мне позвонил заместитель, и одновременно я получила сообщение от руководства, что нужно прибыть на работу. Первая эмоция — страх и паника, будто падаешь в бездну, ведь несмотря на то, что КГГА проводила определенные превентивные действия, например разработку концепции территориальной обороны (привлечения людей, работы с военкоматами), мало кто верил, что ситуация будет развиваться именно по худшему из сценариев.

Побороть оцепенение помог утренний кофе. И мы вместе с собакой (которую я не могла оставить, потому что не знала, когда вернусь и вернусь ли вообще) поехали на работу. Где-то в половине седьмого утра я уже была в своем кабинете.

Времени для отчаяния и слез не было. Мы следовали протоколу, предусмотренному на случай войны. В первую очередь следовало позаботиться об особо важной документации и организовать релокацию рабочих мест моего подразделения в безопасное место, ведь дальнейшее пребывание в центральном здании городской власти подвергало людей большей опасности в случае захвата города или ракетных ударов.

С первого дня войны городские власти перешли на новый формат работы: на базе подразделений КГГА создана Киевская городская военная администрация. Штат сотрудников сократился вдвое, ведь не все согласились на работу в режиме 24/7, связанную с большим риском и запретом покидать Киев.

Самый большой вызов — вопросы обороны города: обустройство блокпостов, поиск и доставка соответствующих материалов, надлежащая координация подразделений ТрО.

Вместе с коллегами из департамента финансов мы занимались вопросом переориентации и приоритизации расходов бюджета города в реалиях военного времени, в частности выделением средств на предотвращение или ликвидацию последствий российской агрессии.

Для решения внеплановых вопросов критически важно было увеличить объемы резервного фонда не менее чем в четыре раза. Киевсовет принял соответствующее решение, что дало возможность поддерживать жизнь города почти на уровне мирного времени. Да, массовый выезд населения из Киева привел к неуплате коммунальных платежей, но мы обязаны обеспечить

оставшихся в городе коммунальными услугами в полном объеме, особенно учитывая, что отопительный сезон все еще продолжается. Поэтому соответствующим коммунальным службам была предоставлена возвратная финансовая помощь.

Еще одна проблема — обеспечить город продуктами питания, ведь в результате ракетных ударов по всей территории Украины и связанных с ними разрушений инфраструктуры нарушены логистические цепочки. Уже на четвертый день войны городские власти организовали гуманитарный штаб, ориентированный прежде всего на нужды социально незащищенных слоев населения.

Для социальных служб главной задачей стала эвакуация детей с инвалидностью, многодетных семей, воспитанников детских домов, психоневрологических интернатов. К сотрудничеству были привлечены благотворительные фонды и волонтерские организации, а еще значительная поддержка поступила со стороны муниципалитетов европейских городов.

«
Для социальных служб главной задачей стала эвакуация детей с инвалидностью, многодетных семей, воспитанников детских домов, психоневрологических интернатов. К сотрудничеству были привлечены благотворительные фонды и волонтерские организации, а еще значительная поддержка поступила со стороны муниципалитетов европейских городов.
»

«
Киев очень изменился... Он стал единым организмом. Конечно, повсюду военные и блокпосты, разве что уютные кофейни напоминают о мирной жизни. Да, это новые реалии, к которым массово возвращающимся людям придется привыкать. Ведь сейчас Киев — настоящая крепость!
»

Впоследствии мое подразделение начало обобщать информацию о повреждениях инфраструктуры города в результате военной агрессии. В настоящее время городские службы проводят обследование этих объектов и рассчитывают стоимость восстановления. Конечно, в этом вопросе мы ожидаем поддержки со стороны государства, ведь уже сейчас есть проблема наполнения городского бюджета, четвертая часть которого в мирное время направлялась на улучшение и развитие инфраструктуры. Пока трудно оценить снижение поступлений в бюджет города, но оно будет значительным. Поэтому мы надеемся на возрождение бизнеса. Например, на конец апреля в Киеве уже работали более двух тысяч продовольственных магазинов, более шестисот кафе и пекарен, более пятисот салонов красоты, почти шестьсот СТО. Это вселяет надежду.

К тому же, война разрушает бюрократию, мы работаем в режиме открытых дверей. Война объединяет не только украинцев вокруг национальной идеи, но и представителей правительства, государственных органов и городских властей, делающих все возможное, чтобы Киев работал эффективно. Все, начиная с уровня министров, постоянно на связи, совещаются, договариваются, работают как один слаженный механизм.

Мои родители остались в Киеве, потому что они врачи и не имеют права покинуть пациентов. Сегодня столица была и остается самым безопасным местом в Украине.

Киев очень изменился... Он стал единым организмом. Конечно, повсюду военные и блокпосты, разве что уютные кофейни напоминают о мирной жизни. Да, это новые реалии, к которым массово возвращающимся людям придется привыкать. Ведь сейчас Киев — настоящая крепость!

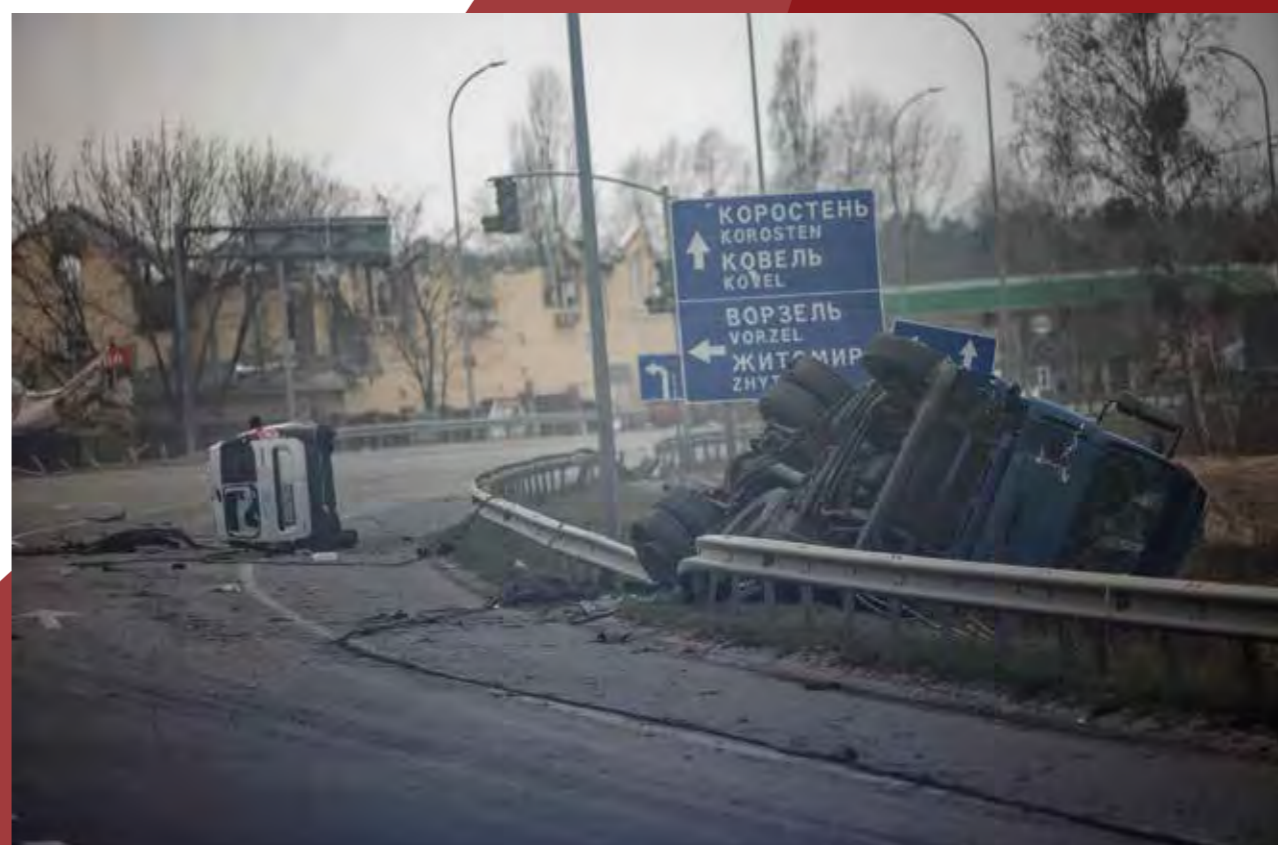

РАЗДЕЛ VII. В поисках убежища от ужасов войны (истории беженок и внутренне перемещенных лиц)

*Ні долі, ні волі у мене нема,
Зосталася тільки надія одна:
Надія вернутись ще раз на Україну,
Поглянути ще раз на рідну країну,
Поглянути ще раз на синій Дніпро, –
Там жити чи вмерти, мені все одно;
Поглянути ще раз на степ, могилки,
Востаннє згадати палкїї гадки...
Ні долі, ні волі у мене нема,
Зосталася тільки надія одна.*

*Леся Українка
- зроблено
любов'ю*

фото Дмитрия Ларина. Публикується с разрешения интернет-издания «Украинская правда»

Елена Железняк

38 лет, писательница, журналистка, г. Черкассы

Предчувствие войны накрыло меня дикой тревогой накануне — я баюкала шестимесячную Валю, встречала трехлетнюю Марийку с фоновой мыслью: где спрятаться с детьми, если действительно начнут стрелять и бомбить? Хотя в возможность войны мозг не верил ни секунды и списывал все на гормональную неустойчивость новоиспеченной кормящей матери. Но даже когда проговорили план действий на случай войны, тревога, несмотря на надежду, не отпустила.

Понимаю, что моя история — лишь одна из миллионов, однако именно из таких историй сейчас и складывается огромная боль нашей страны.

Война началась для меня в семь утра: муж разбудил со словами: «Вставай, надо вывозить детей, нас бомбят». Сомнений не было, потому что я действительно услышала взрывы. Как оказалось позже, обстреляли воинскую часть в 16 километрах от нас.

С этого момента я бесконечно падаю в колодезь, как Алиса. Только она оказалась в стране чудес, а я — в стране войны, и мое падение не прекращается с тех пор ни на мгновение.

Помыть, накормить детей, уложить досыпать, собрать самое необходимое, кардинально изменить планы на случай войны и вопреки всякой логике поехать в небольшой городок на левый берег Днепра к родителям, наверное, потому, что возле них всегда кажется безопаснее.

« —————
Понимаю, что моя история —
лишь одна из миллионов, однако
именно из таких историй и сейчас
и складывается огромная боль нашей
страны. ————— »

Страшно не было. Было ощущение сюрреалистичности происходящего.

Я за рулем. За мной в детских креслах одна плачет, другая капризничает. Блокпосты после 2014 года уже не пугают, воспринимаются как должное. Навстречу — танки на тягачах, как подтверждение, что все реально, вот они едут на войну. А потом — бесконечный поток автомобилей по встречной. Я с детьми еду навстречу фронту, но понимаю, что более безопасного места сейчас для них не найду. Это лучше, чем в многоэтажке большого города.

Дома как дома. Родители встревожены, но мы вместе, поэтому уже легче. Мы делаем что-то по дому и надеемся, что это ненадолго. На мгновение кажется, что отпустило и мы приехали только на выходные или на каникулы: готовим завтрак, договариваемся на обед налепить вареники, но стоит на мгновение остановиться — и чувствую, что продолжаю падать и дна у этой пропасти нет.

На следующий день вышли в город за продуктами — аптека работает только одна, полки магазинов полупустые, люди ходят, словно контуженные.

Несмотря на это, вернулись с полными сумками — хлеб, несколько консерв, последние бананы, шоколад. Но разобрать не успели — воздушная тревога! 4 часа в сыром погребе с грибком на стенах и одним выходом. Первые два раза еще удалось убедить трехлетнюю Марийку, что это такая игра. Но среди ночи, сонную, теплую и в пижаме тащить ее с шестимесячной Валей в погреб — это было для меня за гранью возможного. Стали просто переходить в коридор, защищенный двумя стенами, и научились засыпать под звук сирены. Я же еще должна научиться подавлять живое воображение, рисуя адских последствий для детей, если не пронесет...

Понимаю, что в случае простуды лекарств нет, медицинской помощи тоже. Наш маленький городок на подступах к дамбе и мосту. К тому же, в нем расположена воинская часть. Если мост уничтожат, уехать отсюда не будет никакой возможности. Воздушные тревоги пугают регулярностью и продолжительностью и, кажется, понемногу убивают жизнь во мне.

Сначала я отрицала саму возможность уехать, но после адской недели раздумий и колебаний в сопровождении сирен, отдаленных взрывов и неутешительных новостей таки решаемся ехать с детьми за границу, в Польшу. Туда еще в первый день войны поехала сестра, так как отдыхала в нескольких километрах от границы.

В эвакуационный поезд мы не пробилась, водитель маршрутки до границы пообещал места, но подставил. Остался самый опасный выход — машиной почти через всю Украину, тысяча километров. Всего четверо суток в пути!!! Об этом можно писать отдельную историю, но не сейчас.

За несколько километров до границы Марийка спрашивает: «Мама, а где мы будем сегодня ночевать?» А я не знаю, что ей сказать, потому что не имею никакого представления.

С 5 вечера до 2 ночи проходили таможеню. За это время удалось найти жилье за час езды от границы. Слава Богу, нас в 3 ночи встретили и приютили очень добрые польские супруги Анна и Петр. Они нас, иностранцев, впервые видели, почти не понимали, но принимали как родных.

Теперь мы в безопасности. Но Марийка постоянно просится домой, а я чувствую себя словно в невесомости — привыкла к ощущению непрерывного падения и больше ничего не имеет значения.

« —————
Я бесконечно падаю в колодезь, как
Алиса. Только она оказалась в стране
чудес, а я — в стране войны, и мое
падение не прекращается с тех пор ни на
мгновение. ————— »

Нина Ивановна Полуян

пенсионерка, г. Покровск (Донецкая область)

Я считаю Покровск своим родным городом, хотя родилась и получила медицинское образование в Эстонии, а мужа своего встретила в далеком поселке Архангельской области в России, где работала по распределению медицинской сестрой. Мой муж проходил там военную службу, а после окончания забрал меня в Украину, в свой родной город. Так что можно сказать, что мы — интернациональная семья.

Могла ли я когда-нибудь представить, что братский, как нам всегда казалось, народ придет к нам в дом и попытается поставить нас на колени... Что мне придется столкнуться с

ужасом войны дважды: в 2014 и 2022 году. Безусловно, для всех украинцев, но прежде всего для жителей Донбасса, война длится долгие восемь лет, однако большинству из нас, мирных жителей, со временем удалось привыкнуть к жизни «на рубеже». Исторически и географически так сложилось, что Покровск является «западными воротами Донбасса». Именно поэтому за него постоянно идут самые напряженные бои.

Во времена первого нашествия врага в 2014 г., несмотря на многочисленные просьбы близких, мы решили остаться — здесь наша земля, здесь похоронены наши родные, здесь наш дом, друзья, знакомые; пусть маленькое, но хозяйство и столярная мастерская мужа. Именно тогда, находясь

всего в 17 км от линии фронта, круглосуточно чувствуя вибрацию земли от нескончаемых взрывов и бомбежек, рикошетивших в мое сердце чувством страха, сжимавших грудь, выворачивающих мозг, я подорвала свое здоровье, оно просто не вынесло такой нервной нагрузки. Позже все ощущения постепенно стерлись и превратились в одну бесконечную тянущую боль, что весной 2020 года привело к проблемам с мозговым кровообращением. Рецидивы учащались, начались регулярные головокружения... В один из приступов я упала и сломала берцовую кость, что привело к тяжелой операции. Впоследствии я получила еще одну травму — снова перелом. И в результате я, раньше всегда улыбающаяся и веселая женщина, стала лежачим инвалидом. Каждая попытка встать заканчивалась потерей сознания. Это и обусловило лежачий образ жизни.

В моей истории не будет фактов кровавых расправ и издевательств, с которыми столкнулась женская половина моей Родины на оккупированных территориях. Мне хотелось бы рассказать,

что переживает во время войны человек в состоянии тотальной беспомощности при отсутствии возможности передвигаться. Не знаю, сумею ли я передать состояние женщины, матери, которая воспитала двух сыновей, вырастила троих внуков, а теперь четко понимает, насколько родные зависимы именно от нее.

Первые дни войны для нашего города прошли более или менее спокойно. Я лежала и думала. В те дни мне казалось, что выхода нет, что я со своими болячками стану той гирей, которая в конце концов утащит на тот свет всех близких мне людей. От постоянных переживаний состояние здоровья все ухудшалось. Обезболивающие, которые я принимала раньше, уже не помогали, а потом они еще и исчезли из аптек. К перечню болезней добавилась липома. Теперь родные все время проводили в поисках лекарства для меня, что меня тоже очень беспокоило. Именно тогда мы впервые задумались об эвакуации.

Оказалось, что волонтерское движение в Покровске не слишком развито, что о медицинском сопровождении, а тем более о моей транспортировке на скорой не может быть и речи. А враг подходил все ближе, начались обстрелы Покровска. На семейном совете было принято решение эвакуироваться самостоятельно на собственном автомобиле. Я никогда не забуду, как меня на льняной простыне загружали в авто под разрывы снарядов и бомб. В машине опустили задние сиденья (они так и не сложились в одну плоскость с днищем багажника), настелили одеяла, неровности заткнули подушками и вещами. То есть фактически я ехала в багажнике, лежа на спине. Весь скарб побросали в пакетах практически навалом рядом со мной. Так и поехали в направлении Днепра, выезжали второпях, поэтому осталось много нерешенных вопросов с документами по пенсиям. 170 км до Днепра показалась мне бесконечными. Ехали от блокпоста до блокпоста часами, казалось, что идет массовое переселение востока на запад. Мы чувствовали себя на дороге мишенью, потому что никуда невозможно свернуть в общем потоке. От постоянных встрясок и остановок меня так растрясло, что боль стала совсем невыносимой — слезы заливали лицо, но их никто не видел, потому что все были сосредоточены на пути. Через семь часов мы были на месте, меня перенесли в дом, где мы намеревались пережить эвакуацию. Но судьба распорядилась иначе: уже через три дня враг начал бомбить Днепр, и нам пришлось ехать дальше на запад. Где бы мы ни останавливались, продвигаясь дальше на запад, звучали сигналы воздушной тревоги, мы даже шутили, что везем ее с собой с востока. Мы тогда еще не знали, что враг бомбит

«
Могла ли я когда-нибудь представить, что братский, как нам всегда казалось, народ придет к нам в дом и попытается поставить нас на колени... Что мне придется столкнуться с ужасом войны дважды: в 2014 и 2022 году. Безусловно, для всех украинцев, но прежде всего для жителей Донбасса, война длится долгие восемь лет, однако большинству из нас, мирных жителей, со временем удалось привыкнуть к жизни «на рубеже».

»

«
Вмоей истории не будет фактов кровавых расправ и издевательств, с которыми столкнулась женская половина моей Родины на оккупированных территориях. Мне хотелось бы рассказать, что переживает во время войны человек в состоянии тотальной беспомощности при отсутствии возможности передвигаться. Не знаю, сумею ли я передать состояние женщины, матери, которая воспитала двух сыновей, вырастила троих внуков, а теперь четко понимает, насколько ее родные зависимы именно от нее.
Я преодолела расстояние более 2500 км, фактически лежа в багажнике легкового автомобиля, и когда увидела ортопедическую кровать, которую к нашей машине подкатил медперсонал госпиталя, то поняла: для человека нет невозможного.

»

практически всю нашу страну, пытаясь запугать население, даже не догадываясь, что то чувство свободы и независимости, которое было с нами в последнее время, непоколебимо.

Впоследствии, понимая, что я нуждаюсь в неотложной медицинской поддержке, а на западе Украины нет места, или есть те, кому это нужнее, чем мне, мы решили ехать в Германию. Нам сказали, что за границей нас подхватят под руки волонтеры и помогут.

После постоянных манипуляций с моим телом у моего 77-летнего мужа и 47-летнего сына возникли проблемы со спиной, понадобились услуги дополнительных людей, на поиск которых уходило много времени. Но от подобных «услуг» мне становилось еще хуже, потому что не каждый в состоянии почувствовать чужую боль: меня перетаскивали, как груз. Когда мы подъезжали к границе с Польшей, на блокпосте во время проверки машины воин терробороны усомнился, что меня довезут в сохранности, настолько я была бледна и обескровлена от боли. И это несмотря на огромное количество таблеток, которые я глотала горстями. На границе с Польшей волонтеры, увидев лежащую больную, обходили нас: да, нам никто не отказывал, обещали помочь и... исчезали.

К сожалению, не все психологически подготовлены к контактам с такими лежачими больными, как я. Я ни на кого не обижаюсь, я благодарна Богу, что мне удалось проделать такой путь, что я и моя семья сейчас в безопасности. Возможно, моя история будет для кого-то толчком на пути к собственному спасению.

Едва живые на четвертый день мы добрались до пункта назначения, где проживает наша дальняя родня, которая уже принимала других родственников. Здесь я впервые смогла улыбнуться и расслабиться. Я преодолела расстояние более 2500 км, фактически лежа в багажнике легкового автомобиля, и когда увидела ортопедическую кровать, которую к нашей машине подкатил медперсонал госпиталя, то поняла: для человека нет невозможного. Сейчас я лежу в чистой светлой палате, в соседней комнате мои родные. В окошко светит солнце, комната наполнена весенним воздухом. И я уверена, что это дыхание весны станет вдохновением и для наших бойцов, отстаивающих нашу независимость в борьбе с врагом. Мы обязательно справимся, я это знаю, и очень надеюсь, что это случится в ближайшее время!

г. Николаев. Фото Дмитрия Ларина. Публикуется с разрешения интернет-издания «Украинская правда»

Ольга

50 лет, учительница музыки, город Северодонецк Луганской области

Впервые я увидела войну еще в 2014 году, когда наш город Северодонецк был оккупирован россиянами во время нападения на Донбасс. Невыносимо было смотреть, как по городу ходят оккупанты и ведут себя так, будто это их город, будто они в нем хозяева, а не мы. Моя дочь была подростком, училась в десятом классе, и я решила бежать в Киев, потому что прежде всего волновалась за судьбу своего ребенка.

В родном городе у меня была жизнь, которую я очень любила — учила детей и создавала прекрасное. Меня приглашали ведущей на праздники, на дни рождения — я всех в родном городе знаю, а у половины города была на свадьбах. Что сейчас с этими людьми? В один день я потеряла все, что было смыслом моей жизни. Очень надеюсь на победу и жду мгновения, когда смогу вернуться домой. Будет ли мне куда возвращаться?

Помню тот день, когда Северодонецк был освобожден от оккупантов. Это произошло 22 июля 2014 года. Мы, переселенцы, поехали в центр столицы, на Майдан Незалежности. Оказалось, что там собралось много переселенцев из освобожденных городов. Все плакали от счастья, пели, кто-то развернул огромный украинский флаг и плакат с надписью «Северодонецк — это Украина». К нам подходили люди, обнимали нас, поздравляли, радовались вместе с нами. Это был действительно очень счастливый, очень особенный день.

Мы вернулись домой. Разрушений было немного — пострадала гостиница в центре города, несколько домов. Мы начали все восстанавливать. У городского совета поставили памятник украинскому воину, командиру Александру Радиевскому. 21 июля 2014 года он освободил от оккупантов город Рубежное, 22 июля — наш Северодонецк, а 23 июля погиб в боях, освобождая Лисичанск. Теперь он генерал-майор, посмертно. Жители города всегда несли к этому памятнику цветы. Раньше мы праздновали день города в мае, в День химика, но с 2014 года день освобождения Северодонецка от оккупантов, 22 июля, стали отмечать как второй день рождения нашего города.

24 февраля 2022 года война вернулась. Рано утром мне позвонила дочь из Киева и сказала: «Мама, уезжайте, спасайтесь, война!» В 06:50 утра я услышала взрывы. Город очень сильно пострадал: разрушены все торговые центры, значительная часть многоквартирных домов, школ, больница. Сначала мы решили остаться в Северодонецке. Каждый день наблюдали разрушение и горе. Два мальчика остались слепыми, пострадав от осколков. Я очень спокойный, уравновешенный и стойкий человек, но после этих событий я чувствую сильную боль и яростную агрессию по отношению к врагу.

Я учительница музыки, дома у меня было семь скрипок. Я поставила их в коридоре, где нет окон, чтобы они не пострадали, если в дом попадут обломки снаряда. В результате обстрела в моем доме вылетели окна, а на месте квартиры моей сестры осталась просто большая дыра.

Мы с сестрой с первого дня прятались в бомбоубежище, дома не ночевали. Там, в убежище под школой, было более 200 человек. Люди спали на полу, столах, было очень много детей, младенцев. Хочу горячо поблагодарить волонтеров — пока была возможность, они приносили нам горячие супы, борщ. На 8 марта даже раздавали детям печенье и яблоки. Никогда не думала, что привычные продукты станут для нас такими особенными. Я организовала прямо там, в подвале, выставку детских рисунков. Рисовала с детьми в бомбоубежище, делали концерт, чтобы немного отвлечь их и чтобы они не боялись.

Я забрала с собой в подвал свою любимую скрипку, на которой играю с 16 лет, еще с тех пор, как была школьницей. Мне жаль свои инструменты. К примеру, пианино, на котором я играла с детства. И скрипки. Понимаю, что во время войны главное — просто остаться в живых. Но все равно очень жаль того, что имеет эмоциональную ценность.

Мы эвакуировались 14 марта. Магазины тогда были пусты. Город сильно пострадал от разрушений: я видела, как люди варили еду под открытым небом во дворах, потому что в домах не было газа и электричества. Часто думаю о тех, кто остался в нашем бомбоубежище, когда мы уехали. Смогли ли они спастись? Муж моей сестры остался, потому что у его матери отказали ноги и она не могла эвакуироваться с нами. Мы оставили им машину на тот случай, если они смогут уехать самостоятельно, а сами выехали эвакуационным автобусом. Я не знаю, цела ли эта машина и смогут ли они уехать невредимыми.

Мы уезжали из города под звуки взрывов. Сначала в автобус сажали женщин с маленькими детьми, потом людей постарше. Нас довезли в Днепр, а оттуда мы сели на поезд во Львов. Я всю дорогу тащила за собой любимую скрипку. Это моя жизнь, я не могла ее оставить. Я умоляла волонтеров, чтобы футляр со скрипкой пронесли в вагон, я боялась, что ее раздавят в толпе во время посадки в поезд. Эта скрипка — все, что осталось от моего прошлого. Во Львове мы с сестрой впервые за более чем 20 дней смогли принять душ. Представляете? Мы больше 20 дней не мылись.

Сейчас я — беженка в Польше. Не знаю, что мы будем делать дальше. С моими учениками нет связи. Где они, что с ними? Мне больно. Душа разорвана на куски. Не знаю, что будет завтра. В родном городе у меня была жизнь, которую я очень любила — учила детей и создавала прекрасное. Меня приглашали

ведущей на праздники, на дни рождения — я всех в родном городе знаю, а у половины города была на свадьбах. Что сейчас с этими людьми? В один день я потеряла всего, что было смыслом моей жизни. Очень надеюсь на победу и жду мгновения, когда смогу вернуться домой. Будет ли мне куда возвращаться?

Говорят, музыка лечит душевные раны. Поэтому я беру в руки скрипку и играю для себя, других женщин-беженек и их детей. Они слушают, им нравится. Однако я уже не могу сконцентрироваться на музыке, как раньше. Мои пальцы играют механически, а мысли и сердце блуждают в другом месте.

Польские дети организовали концерт для беженцев из Украины, и первой вышла девочка со скрипкой и играла «Мелодию» Глюка. Это было очень пронзительно. Я слушала и плакала. Теперь очень часто плачу. Когда думаю обо всех разрушениях, о смертях, об искалеченных детях, о сломанных войной судьбах — сердце сжимается и текут слезы. Я плачу по несколько раз в день.

Юлия Никитина

39 лет, исследовательница, общественный деятель, г. Киев

Где-то около пяти утра 24 февраля меня разбудил муж. Он сказал: «Котик, я сварил кофе, и, к сожалению, пора просыпаться — в Киеве взрывы, вероятно, началось». Мой муж — очень спокойный и уравновешенный человек, и понять, что происходит что-то действительно плохое, можно только по его интонациям: в критических ситуациях он начинает говорить очень мягко и ласково. В ту ночь голос у него был мягкий, как бархат.

Мы сели пить кофе, успокаивать трясущуюся собаку, проверять новости и инвентаризировать все подряд: членов семьи,

требующих внимания и помощи, деньги, возможности, все имеющиеся ресурсы. Паники не было вообще, как нет ее и сейчас. Только холодная ярость, собранность, любовь и намерение выстоять. Из перечня вариантов «бить», «бежать» или «замереть» мы на первое время выбрали «замереть». Если бы не маленький младший ребенок — выбрали бы вариант «бить» и пошли бы записываться в ТрО.

В нашей семье трое детей — двое старших детей мужа от первого брака и наша общая дочь. Старшему сыну мужа исполнилось 18 как раз в день начала войны, 24 февраля. Наверное, этот день рождения он не забудет никогда. Старшие дети (как и их мама, сильная и умная женщина) отказались уезжать из Киева, волонтерят.

Еще у нас есть родители мужа и мои мама и сестра. Родители мужа, иконописец и искусствоведка, выезжать из своей киевской квартиры, к нам или куда-либо еще, отказались. Мою 75-летнюю маму мы забрали к себе на третий день войны. В таком составе (мы с мужем, младшая дочь, моя мама и собака) жили 8 дней. Нам очень сильно повезло — наш дом старый, с очень толстыми стенами, рядом с ним есть удобное убежище, фактически пустое, ведь большинство людей из нашего района выехали почти сразу. Нас невероятно поразило наше ОСМД — эти фантастические люди за несколько дней до войны покрасили в убежище стены, поставили удобные широкие лавки, притащили туда 4 одеяла и 20 литров питьевой воды и молча куда-то исчезли. Очень надеюсь, что после войны смогу их за это отблагодарить.

На восьмой день войны мы поняли, что вариант «замереть» себя исчерпал. Во-первых, семья, сплоченная вокруг ребенка в городе, на который со всех сторон надвигается нашествие бешеных москвитов, фактически парализована, ведь нужно что-то делать, а не просто донатить деньги ВСУ и выполнять точечные волонтерские задачи. Муж не может эффективно помогать армии и ТрО, потому что у него в полупустом районе сидят две женщины и ребенок, которых нужно защищать.

Я не могу эффективно работать на информационном фронте, потому что постоянно бегаю по маршруту дом — убежище.

Поэтому мой любимый остался в Киеве, где активно помогает ТрО, а мы выехали на запад Украины, нас принял на своей ферме друг мужа (пусть живет долго и счастливо!).

Сейчас, находясь в относительной безопасности, я наконец-то могу быть максимально полезна своему государству и заниматься тем, что умею делать лучше всего. Я подключаюсь к информационным атакам украинской IT-армии всеми возможными способами: продолжаю документировать перемещение депутатов Киевсовета, отслеживаю решения фракций, комиссий и отдельных депутатов по резонансным вопросам, опровергаю и разбираю на молекулы пророссийские фейки, неустанно фиксирую телеграмм-каналы медийных личностей, чтобы было чем аргументировать после нашей победы, когда нам снова попытаются впарить этих «хороших русских».

«
Опроверяю и разбираю на молекулы пророссийские фейки, неустанно фиксирую телеграмм-каналы медийных личностей, чтобы было чем аргументировать после нашей победы, когда нам снова попытаются впарить этих «хороших русских».

Настало время для реализации моего давнего проекта — онлайн-справочника, который поможет беженкам и переселенкам зарабатывать деньги на жизнь: он как раз заточен под работу урывками и без комфортных условий. Потому что я отдаю себе отчет, что моей семье повезло: мы не попали непосредственно под обстрелы, все мы живы и даже относительно здоровы, нам не пришлось пересекать границу, мы пока еще можем обеспечить себя и менее активных членов семьи. Поэтому мы можем и должны помогать тем, кому не так повезло, а этих людей в Украине больше, чем когда-либо можно было себе представить.

Я верю, что мы выстоим — мы оказались очень сильной нацией. Я верю, что мы победим. Потому что мы сейчас живем в настоящем мифе: все наши девизы, все верования нашей древней нации стали живой реальностью. Воля или смерть — это больше не мертвый старинный текст, это ужасная реальность жителей оккупированного Мариуполя. Героям слава — больше не стандартный ответ на приветствие, а правда о войнах всех фронтов, от богов войны из ВСУ до бабушек, разливающих коктейли Молотова на киевской Оболони.

И я точно знаю, что буду делать во время войны и после нее.

Как инициатор и автор «Энциклопедии гражданина» — справочника по практическим методам защиты прав человека, я потрачу всю свою ярость и всю свою безграничную любовь и гордость на то, чтобы мы ничего не забыли. Чтобы ни один человек в мире не забыл. Чтобы ни одна коллаборационистская гадина не жила больше на моей земле, отравляя скользкой ложью москвитов мозги наших детей. Чтобы ни один Герой этой войны и ни одна из жертв войны не остались без уважения и основательной поддержки со стороны тех, кому посчастливилось остаться живым и здоровым.

Виктория Савостьянова

39 лет, фотограф, г. Буча

В то утро я проснулась от звуков взрывов совсем рядом. Россия все же напала на Украину!!! У меня безумно колотилось сердце, я сидела в оцепенении, но мысль, что рядом с Бучей аэропорт Гостомель, отрезвила. Пока я будила подругу, с которой еще вчера под суши обсуждала дела и мечтала о долгожданном отдыхе, за окном снова что-то взорвалось, так, что дом словно подбросило. Я выглянула из окна и увидела столб черного дыма на другой стороне городка...

« **Неожиданно для себя я превратилась в эффективного волонтера! Таким образом, я трансформирую все свое отчаяние и ярость в действие!** »

На тот момент мне даже в голову не приходило оставить Украину. СМИ писали, что атакуют только военные объекты, и мирных жителей война не коснется. Но почему тогда мы, мирные жители, весь день просидели в ванной на полу, ловя каждый звук? Тело начинало дрожать и отказывалось слушаться: инстинкт самосохранения подсказывал, что нужно что-то делать. Мы выехали из Гостомеля в Киев к моему папе ближе к вечеру, когда уже стемнело. Я была уверена, что еду только на несколько дней, и собрала лишь необходимое: документы, фототехнику и архивы (на всякий случай), ноутбук, джинсы, свитер и футболку. Еще почему-то бросила в рюкзак семечки «Лакомка», книгу «Квантовый воин. Сознание будущего» и массажный мячик...

Но в Киеве тоже было беспокойно: раздавались воздушные тревоги, люди массово уезжали из города, папа пошел записываться в терроборону. Тогда мы приняли решение выехать во Львов. По дороге я встретилась с отцом, который уже был вооружен и ехать с нами отказался. Мы вдвоем чуть не плакали, но я понимала, что иначе он не может.

Выезд из Киева я запомнила на всю жизнь: длинный караван машин ползет очень медленно, слышны взрыв за взрывом, взрыв за взрывом... и ты не знаешь, куда сейчас попадет снаряд или какой-нибудь случайный обломок. Первые дни войны — самые страшные!

Дорога была очень долгой и тяжелой: в Бердичеве нам чудом удалось заночевать на матрасах в коридоре гостиницы, страшные пробки были на каждом блокпосту. Взрывы, сообщения о жертвах среди гражданских в разных уголках Украины заставили нас ехать дальше в сторону Молдовы, поскольку там были не такие загруженные границы.

Молдова, Румыния, Венгрия — мы проехали 1700 км за две недели с перерывами. Иногда было страшно, часто было грустно. Иногда мы смеялись. Иногда плакали. Были и панические атаки, и все признаки посттравматического расстройства, которое мы сознательно исцеляем.

По дороге мы старались быть полезными — делились информацией, поскольку были в числе первых и могли описать особенности длительных переездов, сориентировать тех, кто едет по нашему пути, о наличии топлива, мест в гостиницах, об адресах местных жителей, которые любезно бесплатно

предоставляли свои квартиры и дома для ночлега. В случае необходимости задерживались, чтобы помочь с расселением, находили транспорт для женщин с детишками, которые не имели машин и шли пешком. Так прошли первые недели...

Сейчас окончательно определилась, чем я смогу быть полезна своей стране. К тому же, я систематически освещаю преимущества и недостатки регистрации в той или иной стране, помогаю с жильем и переводом. Неожиданно для себя я превратилась в эффективного волонтера! Открыла в себе организаторские способности — поиск берцов и тактических перчаток стал вторым основным направлением моей помощи Украине. Таким образом я трансформирую все свое отчаяние и ярость в действие!

Мне удалось вернуться к главному делу своей жизни — фотографии. Сейчас я свободна в передвижении, поэтому стараюсь воспользоваться этим временем, запечатлеваю историю в фото: истории украинских семей, вынужденных уехать за границу, проявления солидарности со стороны европейских стран, беспрецедентные борды и плакаты, призывающие открыто противостоять агрессору (и это в XXI веке в центре Европы). В моей коллекции уже сотни фотографий.

Ключевой аспект моей творческой деятельности на данном этапе — проведение фотосессий для переселенцев из Украины и их детей. По моему мнению, в такие психологически трудные времена, когда у нас так мало поводов для радости, очень важно дарить людям положительные эмоции. Мне очень нравится наблюдать, как женщины и девушки, которые оставили на родине своих мужей и сыновей, поднимают заплаканные глаза и снова учатся улыбаться солнцу. Каждая такая фотосессия — это своеобразный психотерапевтический сеанс, на котором мы лечим друг друга. Сегодня у меня есть запросы на такие фотосессии в Нидерландах, Бельгии, Германии, Польше.

Если спросить, чего я сейчас хочу больше всего, без сомнений отвечу: мира и вернуться домой. Я не знаю, сохранились ли наши дома, в каком они состоянии, можно ли в них жить... Но это город, который меня

« **Мне удалось вернуться к главному делу своей жизни — фотографии. ...стараюсь воспользоваться этим временем, запечатлеваю историю в фото: истории украинских семей, вынужденных уехать за границу, проявления солидарности со стороны европейских стран. В моей коллекции уже сотни фотографий.** »

любил и который я люблю всей душой я, и если эти чувства были взаимными, то, уверена, любовь сохранила нас друг для друга. Стены можно будет отстроить, а вот чувство гордости за Украину, за ее людей, за ее деток, за ее защитников, за свой город, за своих друзей (давнишних и тех, которых завела на дорогах войны), которое нас наполняет все время вынужденной эмиграции, не сможет разрушить ни один жизненный шторм. Мы это знаем и это для нас главное! Слава Украине!

РАЗДЕЛ VIII. Наши соотечественницы: защита и поддержка из-за границы

*І жах, і кров, і смерть, і відчай,
І клекіт хижої орди,
Маленький сірий чоловічок
Накоїв чорної біди.
Це звір огидної породи,
Лох-Несс холодної Неви.
Куди ж ви дивитесь, народи?!
Сьогодні ми, а завтра – ви.*

Ліна Костенко

Акція у Палаті економіки Австрії, розмістившей проросійську зовнішню рекламу в г. Вене. Фото Марини Крутько

Иванка Килюшик

30 лет, ученая и исследовательница, журналистка изданий «Наше слово» и «Наш вибір», координатор Украинского дома в Варшаве, г. Варшава

Я родом из Луцка. Окончила исторический факультет Восточноевропейского национального университета им. Леси Украинки. Несмотря на диплом магистра с отличием, работу в Украине по моей специальности найти было сложно, а я стремилась развиваться и осваивать дополнительные компетенции. От своего преподавателя узнала о стипендии в Варшавском университете для кандидатов из постсоветских стран. Приняла участие в конкурсе для обучения в магистратуре и победила, поэтому с 2015 года живу, учусь и работаю в Варшаве.

В Варшаве участвовала во многих общественно важных исследованиях относительно украинцев и Украины. Так, мы исследовали ситуацию украинских мигранток во время пандемии COVID-19 и интеграцию молодых мигрантов и мигранток в Польшу. После приезда в Польшу я также начала работать в Украинском доме в Варшаве — украинском культурном центре, в котором проводятся конференции, выставки, концерты, презентации, а также занятия различных кружков. Мы старались создать место, где украинцы могут чувствовать себя как дома, а также получить консультацию по поводу легализации пребывания. Учреждение создано и функционирует благодаря усилиям фонда «Наш вибір», работающего в шести направлениях: информация, интеграция, образование, культура, искусство, исследования. Информационный портал «Наш вибір» — издание, в котором на украинском и польском языках публикуется важная информация для беженцев и мигрантов из Украины. Также издаем для граждан Украины справочники по легализации пребывания, труда, образования и т.д. Для детей мигрантов и беженцев создали субботнюю школу, а для детей дошкольного возраста функционирует детский клуб «Рукавичка». Кроме того, функционирует галерея «Дім», где мы представляем украинское искусство и боремся со стереотипным видением современной украинской культуры.

Еще до 24 февраля мы организовывали антивоенные митинги в Варшаве. Признаюсь, надеялась, что нагнетание Россией агрессии против Украины, которое началось еще в прошлом году, — новая провокация, поэтому в ближайшее время ситуация стабилизируется, а война не начнется. 22 февраля, — в день, когда Путин признал ЛНР и ДНР независимыми государственными образованиями, — президент России отметил в своей речи, что Украина не имеет права на существование и является искусственно созданной страной, которая возникла на руинах Советского Союза. Я слушала эту речь с ужасом, понимая, что войны уже не избежать, но ожидала активизации военных действий на востоке Украины с целью расширения территорий «республик», созданных Россией на оккупированных украинских землях.

Проснулась 24 февраля под утро, потому что на телефон ежесекундно поступали десятки сообщений и звонков. Начала просматривать новости, везде писали, что Россия начала полномасштабную войну в Украине и атаковала нашу страну с разных направлений. Под авиаудары попал Луцк, неподалеку от которого живет моя семья; точнее, прилетело по аэропорту, расположенному недалеко от города.

Что мы с коллегами из фонда «Наш вибір» сделали в тот же день в первую очередь — организовали протест под посольством России. Пришло немало людей. Помню свои первые эмоции в начале войны — это была очень сильная злость. Ее я видела на лицах пришедших на митинг людей. Злость не проходит, а только усиливается.

24 февраля мы начали активно помогать беженцам из Украины, прежде всего создали гугл-формы для волонтеров и людей, предлагающих временное жилье. За первые две недели поступило около 5000 анкет от волонтеров и 11000 предложений временного жилья. Вместе с Академией Леона Козминского наш фонд открыл рецепционный центр. Мы спешили. Война началась в четверг. Люди начали приезжать, их нужно было встречать, размещать, консультировать и помогать. Социальные службы Варшавы не успели бы подготовиться к наплыву беженцев на выходных. Мы встречали людей на вокзалах и отвозили их на территорию Академии, предоставляя временное убежище. Потом наши волонтеры звонили по поводу предложений жилья и сводили — тех, кто приехал, и тех, кто готов предоставить приют.

« **Работа фонда и непосредственно Украинского дома с начала войны в Украине полностью изменилась. С началом войны мы стали получать по 2000 звонков в день. Сейчас оказываем информационную поддержку беженцам из Украины: где можно пересечь границу, где и какую помощь можно получить, как решить ту и иную проблему в Польше.** »

Работа фонда и непосредственно Украинского дома с начала войны в Украине полностью изменилась. Мы отменили все планируемые на ближайшее время мероприятия, изменив формат работы консультационного пункта. На информационной линии Украинского дома в Варшаве до 24 февраля работали два оператора, а с началом войны мы стали получать по 2000 звонков в день. Именно поэтому увеличили штат до 24 операторов. Сейчас оказываем информационную поддержку беженцам из Украины: где можно пересечь границу, где и какую помощь можно получить, как решить ту и иную проблему в Польше.

Сейчас мы работаем почти круглосуточно: помогаем в поиске жилья, организовываем информационные и интеграционные встречи для беженцев, открываем полевую школу, чтобы дети могли закончить учебный год, отправляем наших волонтеров в другие города для оказания помощи беженцам. Планируем организовать долгосрочную протекцию, которая будет состоять, прежде всего, из курсов польского языка и психологической поддержки. Мы создали клуб украинских женщин в Польше, потому что беженцы — это прежде всего женщины с детьми. Его цель — помочь женщинам из Украины интегрироваться и освоиться на польском рынке труда.

«
Мы создали клуб украинских женщин в Польше, потому что беженцы — это прежде всего женщины с детьми. Его цель — помочь женщинам из Украины интегрироваться и освоиться на польском рынке труда.
»

Истории украинцев, приезжающих в Польшу в поисках убежища, поражают. Их сложно забыть. Истории семей из Мариуполя, сидевших без еды, света и связи несколько недель в подвалах. Истории семей из Чернигова, выезжавших под обстрелами оккупантов мимо расстрелянных машин с погибшими людьми. История дочери Александра Кононова, известного волонтера без руки и ноги, на инвалидной коляске, которого застрелили российские оккупанты в Луганской области...

Эта война принесла и принесет много трагедий. Но я все равно верю в Победу. К сожалению, это будет Победа, за которую мы заплатим дорогую цену. Мы получаем большую коллективную травму, с которой нам и нашим следующим поколениям придется жить.

Верю, что зло будет наказано, а все виновные в этой войне будут отвечать перед обществом. Я бы хотела, чтобы военный трибунал над агрессором состоялся в Драматическом театре Мариуполя.

Виктория Петровская

41 год, основательница Украинской организации «Единство», г. Будапешт

В Венгрии я живу давно: когда-то из-за неблагоприятной экономической ситуации в Украине решила искать счастья за границей. Со своим будущим мужем, кстати, тоже украинцем, познакомилась уже в Будапеште.

Несмотря на место жительства, я всегда беспокоилась о судьбе Украины и украинцев, поэтому выступила инициатором создания в Будапеште украинской организации «Единство». Пока нас пятнадцать украинок с активной жизненной позицией.

18 февраля совместно с другими общественными организациями мы провели в большинстве столиц европейских государств собрания солидарности с Украиной. Мы предчувствовали: что-то должно случиться, ведь ситуация вокруг страны обсуждалась во многих СМИ. Но разум отказывался верить в подобное.

24 февраля в шесть часов утра муж разбудил меня и произнес единственное слово: «Началось». Я сразу встала, взяла с собой украинский флаг, села на трамвай и поехала в полицию. Ориентировочно в девять часов у меня уже было разрешения на проведение митингов у посольства РФ — на 24 и 26 февраля. В Венгрии право человека на выражение своего мнения записано в Конституции и уважается. За 54 дня войны мы провели тринадцать демонстраций, на которые приходило от 300 до 400 человек, а в первый день — даже несколько тысяч. Кроме посольства РФ, мы выходили к посольству Республики Беларусь с призывом отказаться от войны и помощи агрессору.

«
За 54 дня войны мы провели тринадцать демонстраций, на которые приходило от 300 до 400 человек, а в первый день — даже несколько тысяч.
»

Самую резонансную демонстрацию мы устроили 27 марта, после того, как Владимир Зеленский обратился к Виктору Орбану с речью о геноциде украинского народа, начав ее словами «Послушай, Виктор!» и сравнив события в Украине с событиями, происходившими с евреями на берегу Дуная. Мы вышли к мемориалу жертвам геноцида «Туфли», после чего были в буквальном смысле этого слова «разгромлены» подавляющим большинством СМИ. Медиа, освещавшие это событие, почти не уделили внимания цели и содержанию нашей акции, им были неинтересны наши молитвы за Мариуполь. Ведущие издания изобиловали заголовками вроде: «Украинцы осквернили мемориал жертвам геноцида». Можно сказать, что наша активная проукраинская позиция очень редко освещается венгерскими медиа — скорее как исключение.

Вместе с другими украинскими обществами и общественными организациями Венгрии мы официально обращались к министру иностранных дел Петеру Сиярто и премьер-министру Виктору Орбану с просьбой пересмотреть свою позицию. Однако, кроме слов благодарности за письма, никакого результата не получили.

25 февраля мы решили объявить наш банковский счет ресурсом для помощи украинской армии. Сейчас собрано более пятнадцати миллионов форинтов, больше всего акцентируем внимание на помощи украинским госпиталям (Харьков, Борисполь, Львов), в частности на медицинских препаратах и турникетах. Но уже есть опыт закупки касок, раций и даже бронезилетов.

Еще одно направление нашей деятельности — помощь с обучением украинским детям, вынужденным выехать в Венгрию: мы основали образовательно-художественный центр, где собираем детей каждую субботу. Для детей-беженцев организовали детский сад и школу по будням, чтобы мамы могли спокойно зарабатывать на жизнь.

Вне общественной деятельности я работаю в компании, которая помогает украинцам трудоустроиться в Венгрии. Безусловно, после 24 февраля конъюнктура на рынке труда кардинально изменилась. Сейчас очень нужны рабочие места для женщин, особенно с детьми, которых нужно чем-то занимать, пока их мамы работают. Мы стараемся открыть новые возможности для трудоустройства. Сейчас для женщин есть вакансии мастеров швейного дела, продавщиц и кассирш в продовольственных магазинах, операторов на куриной фабрике и т.д. Иногда нам удается вместе с потенциальным работодателем разработать идеальную схему. Например, он берет на работу четырех женщин с детьми при условии, что каждая из них поочередно присматривает за детьми. Таким образом решаем несколько проблем переселенков одновременно.

Сказать по правде, я не ожидала, что венгры будут так активно помогать беженцам, ведь с начала войны я заблокировала на Facebook почти двадцать венгерских «друзей», у которых слишком агрессивная пророссийская позиция.

«
Крайне досадно, что в европейской столице в XXI веке кто-то готов поддерживать причастных к смерти мирных жителей Бучи, Ирпеня и других когда-то цветущих городов и поселков Киевщины. Как можно не замечать замученных гражданских мужчин, изнасилованных женщин и детей, убитых стариков и немощных, сожженных людей?»
»

К сожалению, сейчас я не вижу возможности для изменения сознания в венгерском обществе. Мне стыдно за шаги правительства! Мне кажется, что если бы не членство страны в ЕС, то позиция Орбана могла бы быть еще более откровенно пророссийской. Мне больно, что он молчит о Буче, никак не комментирует ужасы, которые пришлось пережить украинцам.

30 апреля планировалась большая пророссийская демонстрация — это уже вторая попытка. В прошлый раз мы писали жалобы в министерства иностранных дел и внутренних дел, а также в полицию... Тогда организаторы отказались, якобы из-за плохих погодных условий. На этот раз акция состоится при любой погоде, потому что они ее позиционируют как демонстрацию солидарности с Россией под лозунгом «Нет лжи ЕС, США и Украины». Они официально взяли разрешение на участие полутора тысяч человек — это очень много. Событие массово тиражируется в Facebook, инициативная группа активно ищет российскую символику для зрелищности. Заявлен авто-, мото- и велопробег... По моему мнению, если в Будапеште состоится такое масштабное событие фактически в поддержку агрессора, то отмыться от такого стыда Венгрии будет сложно. Что интересно, это масштабное событие организует и хорошо финансирует частное лицо.

Крайне досадно, что в европейской столице в XXI веке кто-то готов поддерживать причастных к смерти мирных жителей Бучи, Ирпеня и других когда-то цветущих городов и поселков Киевщины. Как можно не замечать замученных гражданских мужчин, изнасилованных женщин и детей, убитых стариков и немощных, сожженных людей? Этим невинных жертв российских военных, которые пришли с единственной целью — истреблять украинское население.

Нет названия этим зверствам, нет прощения, это геноцид украинского народа! Поэтому мы готовы хоть каждый день выходить на демонстрации в поддержку Украины, ведь лично я верю, что таким образом мы закладываем кирпичик в будущую победу. Мир должен знать правду о каждой смерти невинных людей, о каждом зверстве российского агрессора!

Елена Федина

40 лет, предприниматель, г. Лондон

Я уже долгое время живу в Лондоне вместе с семьей: мужем, который по воле судьбы оказался не английским лордом [смеется. — прим. ред.], а простым украинским парнем, и тремя прекрасными детишками. Нам удалось поставить здесь на ноги собственный бизнес, однако наши сердца всегда будут принадлежать Украине.

День 24 февраля 2022 года разделил жизнь всего цивилизованного мира на «до» и «после». Для меня труднее всего было осознать, что это в целом возможно. Смотреть видео, в которых вражескими ракетами обстреливают столицу европейского государства, моего родного Киева, было невыносимо.

Хотя у меня уже нет живых родственников в Украине, а у мужа — только двоюродный брат, мы с первого дня решили, что не можем стоять в стороне и ничего не делать. Сейчас мы организовали и наладили адресную помощь в Украине, постоянно принимаем участие в протестных акциях, но в первые дни мы не очень понимали, с чего начать.

Нам очень повезло, что Великобритания была одним из первых государств мира, которое смело выразило бескомпромиссную позицию и стало реально помогать Украине. Самые популярные туристические достопримечательности Лондона: Колонна Нельсона и Лондонский глаз — подсвечивались цветами украинского флага. Даже герцог и герцогиня Кембриджские заявили, что поддерживают смело борющийся народ Украины. А вы понимаете, сколь это важно для монархии.

Посольство Украины в Великобритании на второй день полномасштабного вторжения России в Украину создало платформу With Ukraine для консолидации международных усилий по сбору средств для оказания гуманитарной поддержки Украине и ее народу. Только за первую неделю работы удалось собрать около одного миллиона долларов.

Такие действия со стороны первых лиц страны и дипломатов помогли сплотить украинцев и украиноориентированных англичан. Протесты и демонстрации в поддержку Украины начали массово проходить по всей Великобритании, кроме Лондона, они охватывают такие крупные центры, как Манчестер и Эдинбург. Для многих людей это едва ли не единственное, что они могут сделать для своей страны.

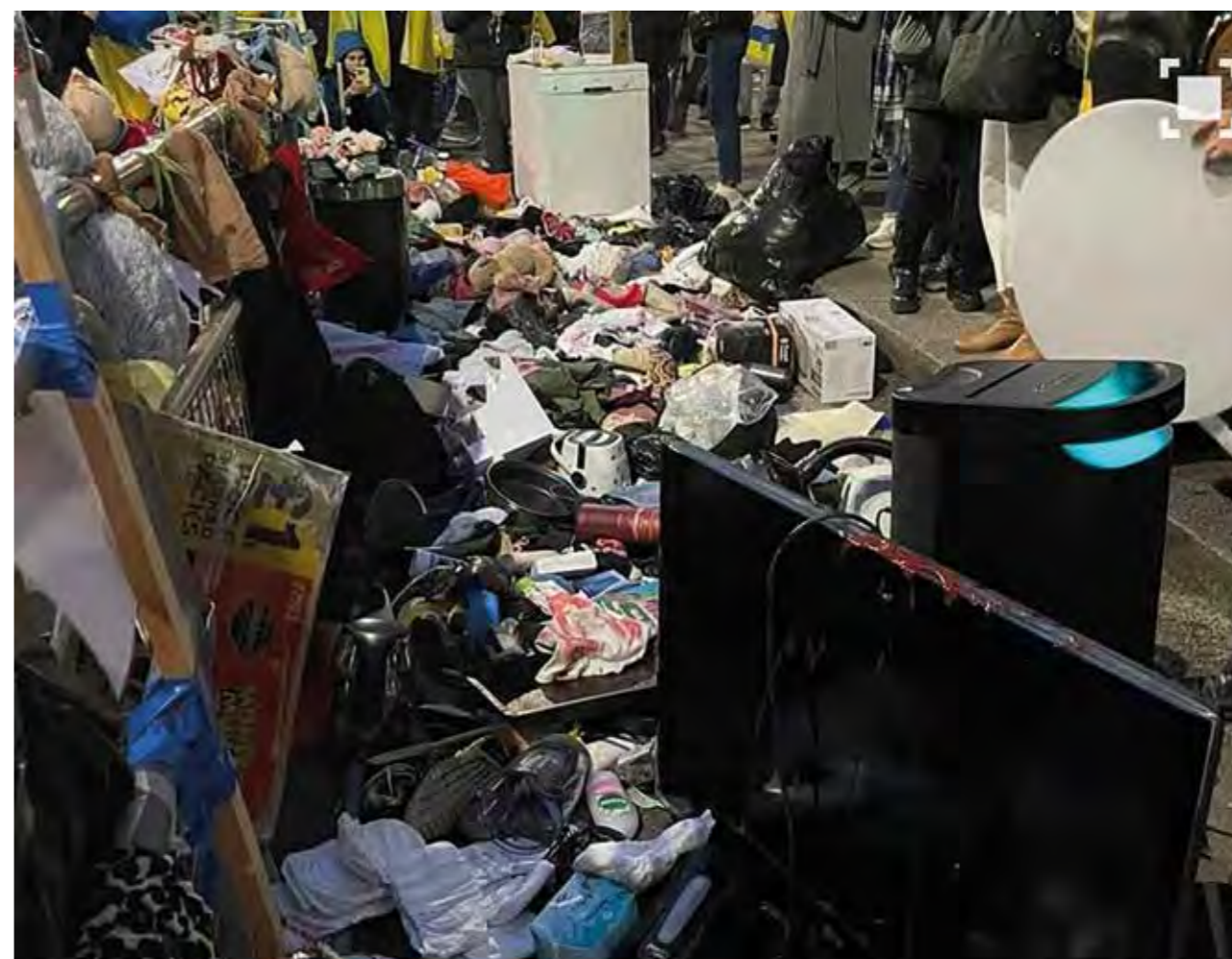
«
В ответ на страшные события в Буче 8 апреля у посольства РФ была организована «акция заботы» — люди приносили вещи, которые сотрудники посольства могли взять себе как «трофеи». Мы увидели, насколько русский народ нуждается в предметах первой необходимости, предметах, которые в каждой цивилизованной стране есть у каждой семьи. Поэтому решили продемонстрировать свою «заботу» на фоне того, что российские военные массово мародерствуют в домах Украины.»

Мы стараемся, чтобы по крайней мере кто-то один из детей каждую субботу участвовал в митинге на Трафальгарской площади. На первых демонстрациях, кроме флагов, мелькали транспаранты с пацифистскими лозунгами «Нет войне!», иногда попадались более радикальные, с осуждением России и ее лидера Владимира Путина. С каждой новой акцией требования ужесточались: закрыть небо над Украиной, арестовать все счета российских чиновников и олигархов, а также ввести эмбарго на торговлю нефтью и газом с Россией. И, как видим, ситуация, хоть и медленно, но сдвинулась с мертвой точки.

Самая масштабная акция, которую мы с семьей посетили, состоялась 27 марта и была организована мэром Лондона Садиком Ханом, который заявил, что за последний месяц Украина пережила невероятную боль и страдания и что Лондон стоит плечом к плечу с нашей страной в самые темные времена. Демонстранты прошли

«
Люди несли электронную и бытовую технику, сковородки (одну из них вместе с сопроводительным письмом и фото украинского ребенка отправили русскому послу Александру Яковенко), обувь и одежду, детские игрушки, украшения. Подобные преступления нельзя простить, а виновные должны быть наказаны.»

по городу с украинскими флагами, а на центральный экран на площади Пикадилли вывели лозунг авторства Йоко Оно «Imagine peace». К митингу присоединились некоторые знаменитости, в частности актрисы Хелен Миррен и Джули Уолтерс.

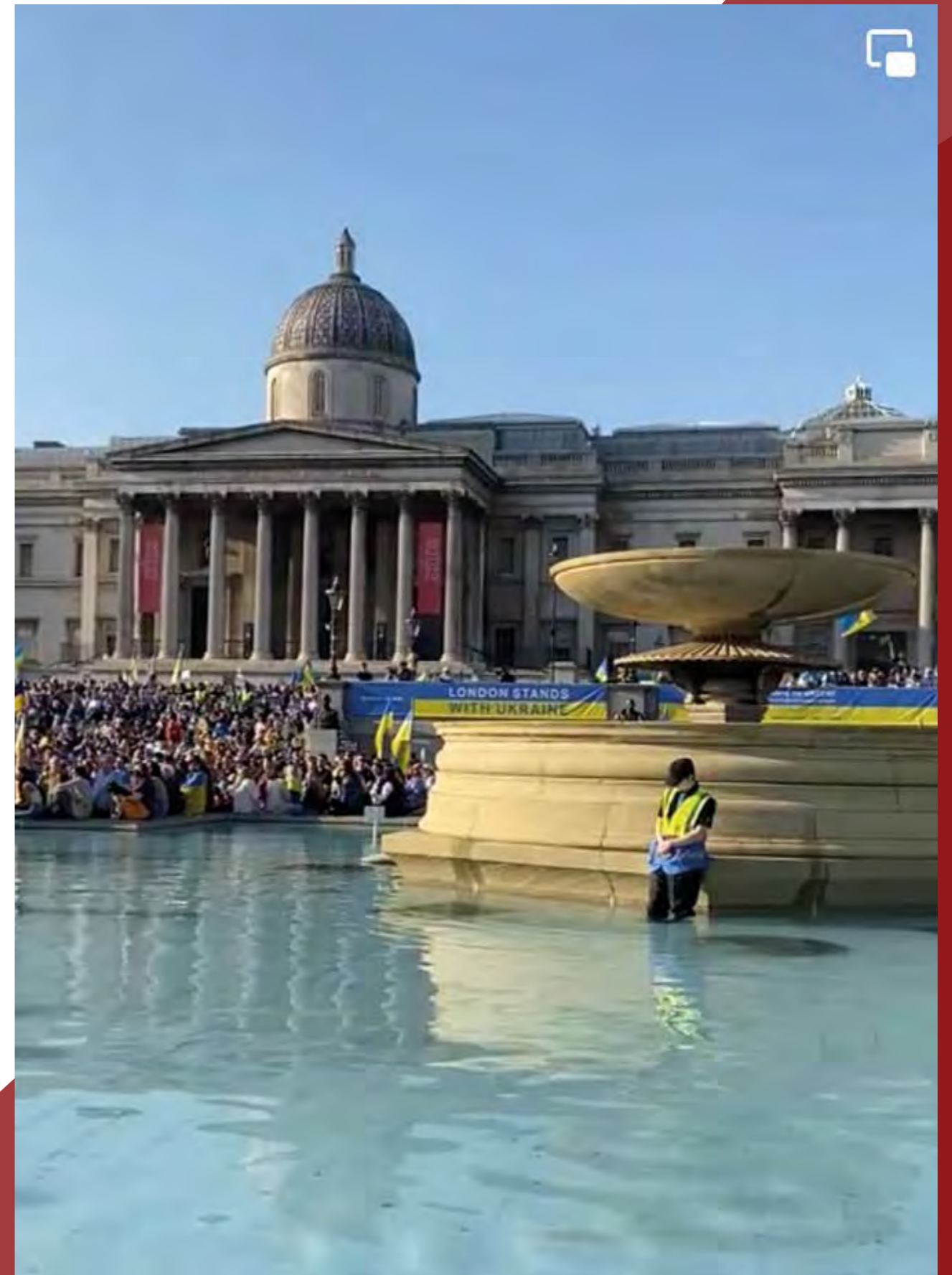
Очень тяжело стоять на площади среди тысяч украинских флагов и наблюдать на больших экранах страшные кадры этой ужасной войны. Кадры из освобожденных пригородов Киева рождают острейшие эмоции: боль, отчаяние, страх... **НЕНАВИСТЬ**. Мне почему-то вспомнились воспоминания бабушки Ромы (моего мужа), которая жила на западе Украины, о Второй мировой войне: она рассказывала, что беды простым украинским людям принесли не немецкие оккупанты, а русские освободители. Унижения, изнасилования, мародерство...

« **Я** не понимаю, как можно спокойно ходить в кинотеатры, путешествовать, пить вино в ресторанах, когда где-то в центре Европы насилуют и убивают людей, похищают и пытаются активистов. »

В ответ на страшные события в Буче 8 апреля у посольства РФ была организована «акция заботы» — люди приносили вещи, которые сотрудники посольства могли взять себе как «трофеи». Мы увидели, насколько русский народ нуждается в предметах первой необходимости, предметах, которые в каждой цивилизованной стране есть у каждой семьи. Поэтому решили продемонстрировать свою «заботу» на фоне того, что российские военные массово мародерствуют в домах Украины. Люди несли электронную и бытовую технику, сковородки (одну из них вместе с сопроводительным письмом и фото украинского ребенка отправили русскому послу Александру Яковенко), обувь и одежду, детские игрушки, украшения. Подобные преступления нельзя простить, а виновные должны быть наказаны.

Я очень не люблю рассказывать о своей волонтерской деятельности, ведь, наверное, как каждой волонтерке — патриотке Украины, мне кажется, что я делаю недостаточно, что каждый бы так поступил на моем месте. Я не понимаю, как можно спокойно ходить в кинотеатры, путешествовать, пить вино в ресторанах, когда где-то в центре Европы насилуют и убивают людей, похищают и пытаются активистов.

Мы с мужем активно собираем средства и адресно помогаем украинским военным. Мы наладили логистику на польской границе и несколько раз в неделю отправляем необходимое. Только вчера, например, муж вернулся с польской границы, куда сам доставлял автомобиль для наших ребят. Я горжусь своим мужем, в свое время я сделала правильный выбор — украинские мужчины самые лучшие. Поэтому победа будет за Украиной!

Светлана Букловская

*27 лет, руководитель отдела digital-аналитики
компании-девелопера, г. Одесса / г. Будапешт*

Одесса — сильный, независимый и цветущий город. Именно таким он остался и после 24 февраля. Я чувствую себя частью большой команды, которая делает его лучше. Любые разговоры о «притеснении» русскоязычных жителей моего города или о наличии «нацистов» в моем городе или в моей стране — полная дурь, в которую может поверить только сумасшедший. До последнего не хотела верить, что Россия для воплощения амбиций своего президента под прикрытием этих выдуманных поводов нападет на Украину. Но это случилось.

Я очень люблю свою работу — в компании, строящей жилые городки будущего. Они яркие, инновационные, с большим зеленым пространством для отдыха детей и взрослых. Моя компания не перестала строить даже после начала войны. Мы уверены в победе и стремимся выполнить наши обязательства перед клиентами и помочь развитию экономики страны.

Компания моего мужа, работающего в сфере IT, передислоцировалась в Будапешт. Еще с декабря 2021 года руководство компании настаивало на релокации сотрудников, поэтому в феврале 2022 года мы переехали в Венгрию, хотя и надеялись, что война все же не начнется.

В первые дни нападения России на Украину меня мучил «комплекс вины выжившего»: была подавлена и не знала, что делать. Позднее мы с мужем решили помогать своей стране из Будапешта. К нам начали обращаться друзья из Украины с единичными заказами по военному снаряжению, которое можно купить в Европе. Мы начали активно помогать, а сейчас скоординировали эту помощь уже более системно, объединившись с командой украинских IT-специалистов, тоже занимающихся волонтерством в Будапеште.

Наша задача — поиск, покупка и доставка до границ Украины необходимых для военных вещей, которые на родине сейчас уже крайне трудно или совсем невозможно найти. Заказы получаем от друзей, родственников, знакомых и проверенных украинских волонтерских организаций, с которыми сотрудничаем на постоянной основе.

«**В**первые дни нападения России на Украину меня мучил «комплекс вины выжившего»: была подавлена и не знала, что делать. Позднее мы с мужем решили помогать своей стране из Будапешта.»

Мы покупаем снаряжение и технику в Венгрии, а иногда в других странах Европы. К примеру, недавно закупили партию тепловизоров в Великобритании вдвое дешевле, чем они стоят в Украине. В Венгрии без специального разрешения запрещено покупать бронированные жилеты и каски, поэтому военную амуницию приходится покупать в других странах Евросоюза. Раньше доставляли заказы на границу Украины с Венгрией — так было удобнее по логистическим соображениям. В последнее время провезти через венгерскую границу помощь стало гораздо труднее: венгры отказываются пропускать оптические приборы для военных или товары двойного назначения, например аптечки, поэтому мы доставляем заказ волонтерам в Украину через словацкую границу.

Координаты нашей команды размещены на сайте Help Ukraine online, на котором есть возможность задонатить. Конечно, у нас нет возможности закупать большое количество тепловизоров или бронежилетов, потому что они достаточно дорогие. Именно поэтому в таких случаях мы выполняем скорее посредническую функцию: найти, приобрести, доставить на границу с Украиной, а средства на технику и амуницию собирают волонтерские фонды в Украине.

Мы очень хотим вернуться домой, но понимаем, что больше сделаем для победы Украины здесь, в Будапеште. Мы ждем Победы. Верим в Победу. И будем делать все ради Победы!

«**Л**юбые разговоры о «притеснении» русскоязычных жителей моего города или о наличии «нацистов» в моем городе или в моей стране — полная дурь, в которую может поверить только сумасшедший. До последнего не хотела верить, что Россия для воплощения амбиций своего президента под прикрытием этих выдуманных поводов нападет на Украину. Но это случилось.»

Ольга Купливанчук

34 года, маркетолог в Галерее современного искусства Green Hill Gallery, г. Берлин (Германия)

Мое детство и школьные годы прошли в городе Комсомольске-на-Амуре в России. После окончания школы я поступила в Одесский экономический университет в Украине. Мой отец родом из Одессы, здесь жили мои бабушка с дедушкой. Всегда любила этот город, поэтому приехала сюда и осталась в нем после окончания университета. Потом сюда переехала вся моя семья. По национальности я — украинка, хотя имею российское гражданство и вид на жительство в Украине.

« Мы не отчаиваемся, а что-то делаем, чтобы сохранить жизнь защитников Украины, чтобы приблизить победу. Помогая военным и территориальной обороне, мы не чувствуем себя беспомощными в сложившейся ситуации — наоборот, становимся участниками мировой поддержки нашей страны, и не только на словах. »

Четыре года назад я вышла замуж и переехала в Германию к мужу. Он родом из Харькова и на тот момент уже несколько лет работал в Берлине.

Я выучила немецкий, и сейчас у меня интересная работа в Берлине. В этом городе большая украинская диаспора и очень много студентов и программистов из Украины. Кстати, мой муж тоже программист. Большинство наших друзей здесь — украинцы. В Германии много общественных организаций и сообществ, основанных украинцами.

За неделю до начала войны я была в Одессе — навестила маму, чтобы поздравить с юбилеем. Уже тогда поступали сообщения о возможном нападении на Украину со стороны России — не только от иностранных разведок, но и от украинских политиков и военных. Однако в Одессе об этом больше шутили. Это же столица юмора! Город спокойно жил своей жизнью — так мне казалось. Утром 24 февраля, увидев новость о бомбардировке Украины, я сначала посчитала ее глупой шуткой. Все ждала, что это окажется какой-то ошибкой. К большому сожалению, это была не шутка и не ошибка!

Нам всем было страшно за своих родных. У меня друзья из разных городов Украины — из Киева, Ровно, Харькова. Помню, как мы собрались вместе в тот день, плакали и не понимали, что происходит, были шокированы. На следующий день в Берлине начались демонстрации украинцев и всех, кто нас поддерживал. В воскресенье, 27 февраля, в Берлине прошла самая большая в Европе демонстрация против войны в Украине — на нее вышли почти полмиллиона человек. Ходила на все демонстрации, но чувствовала растерянность: я должна что-то делать!

Так получилось, что с началом боевых действий к нам стали обращаться друзья и родственники с просьбами помочь приобрести бронжилеты, шлемы, тепловизоры и другую военную амуницию, которой в Украине не хватало. Мы начали помогать, сначала открыв кампанию по сбору средств для моей подруги. Поскольку средства собирало частное лицо, то максимальная возможная сумма — 20 тысяч евро. Их мы собрали очень быстро, всего за три дня. Мы рассылали информацию о сборе средств для помощи украинцам друзьям и знакомым. На четвертый день я открыла новый

счет для сбора средств.

Мы не знали, где покупать амуницию и технику для военных, и обращались к разным людям, которые могли в этом помочь. И нам помогали. Мы находили бронжилеты в Саксонии, нам их доставляли из Великобритании, подруга лично покупала их в Швейцарии. Нам все шли навстречу и старались помочь. Поддержка Украины в Европе сейчас очень сильна. Даже немцы, самая педантичная нация, иногда закрывали глаза на то, что у нас нет определенных разрешений, и продавали столь необходимые для военных каски.

В этой деятельности мы обрели смысл. Благодаря ей мы не отчаиваемся, а что-то делаем, чтобы сохранить жизнь защитников Украины, чтобы приблизить победу. Помогая военным и территориальной обороне, мы не чувствуем себя беспомощными в сложившейся ситуации — наоборот, становимся участниками мировой поддержки нашей страны, и не только на словах.

Я вижу, как изменилось отношение к Украине и украинцам у немцев, прежде всего у обычных граждан. Рядовые берлинцы выходили встречать украинские поезда с беженцами и селили их у себя дома. Украинская культура и украинская история сейчас очень популярны в Германии. В книжных магазинах на полках, где обычно выставляют бестселлеры, сейчас исключительно книги об Украине на немецком языке. Постепенно меняется и отношение к Украине у немецких политиков. Если сначала Германия отказывалась поставлять Украине оружие, то сейчас она третья в рейтинге поставщиков оружия. Меняется и позиция Германии касательно торговых отношений с Россией. Конечно, не так быстро, как хотелось бы, но лед тронулся.

Считаю, что Украина как нация уже победила в этой войне. Представление об Украине в мире, ее роль в мире изменились. Если до 2014 года многие европейцы не знали об Украине, то после начала полномасштабного вторжения нашу страну начали узнавать. После 24 февраля 2022 года уже нет в мире взрослого человека или ребенка, который не знал бы, как выглядит украинский флаг и где находится Украина. К сожалению, все эти изменения дались Украине ужасной ценой. Слишком дорогой ценой.

« Я вижу, как изменилось отношение к Украине и украинцам у немцев, прежде всего у обычных граждан. Рядовые берлинцы выходили встречать украинские поезда с беженцами и селили их у себя дома... Если сначала Германия отказывалась поставлять Украине оружие, то сейчас она третья в рейтинге поставщиков оружия. Меняется и позиция Германии касательно торговых отношений с Россией. Конечно, не так быстро, как хотелось бы, но лед тронулся. »

Ирина Ратцке-Рыбак

56 лет, психолог, супервизор, психоаналитик, группаналитик, терапевт, глава Секции психоаналитической психотерапии пар и семьи Ассоциации психотерапевтов и психоаналитиков Украины, г. Регенсбург (Германия)

Происходящее сейчас — это своего рода портал или переход сквозь огонь. Надеюсь, в независимое и счастливое будущее...

С первых дней полномасштабного вторжения, нашествия на нашу землю мы продолжали работать вместе с коллегами. Уже на третий день провели плановую супервизию. Упорно

провели ее именно потому, что она была запланирована. Интуитивно и эмоционально не разрешили захватчикам разрушать наши планы. Уже позже задумались о том, что непрерывность — это часть психического здоровья, а нам важно было его сохранить для дальнейших больших испытаний. Потому что эта группа специалистов — психологов, психотерапевтов психодинамических направлений — будет помогать, спасать искалеченные психики и души. Тогда мы даже не могли себе представить, какие испытания нас ожидают. Что придется проходить тест на человечность как таковую.

«**Тогда мы даже не могли себе представить, какие испытания нас ожидают. Что придется проходить тест на человечность как таковую.**»

После пандемии стало ясно, что мир уже никогда не будет таким, как раньше. К тому же, было трудновато. Вероятно, жизнь решила ускориться, меняя реальность при переходе к новому миру. К сожалению, все происходит слишком быстро и болезненно.

Если во Вторую мировую, в «отечественную», войну люди умирали под лозунгом «За Родину!», то мы за свою Родину будем выживать! И жить долго и счастливо... Потому что мы спасаем Жизнь, именно с большой буквы! Помогаем, развиваем именно ради изменений, пусть нам и хотелось бы, чтобы они происходили иначе. Потому что это война не только за нашу свободу и независимость. Это отстаивание демократических ценностей, социальных человеческих отношений, возможно, даже какой-то части человеческой природы. Да, мир изменится коренным образом.

Изменения происходят на нескольких уровнях одновременно.

На индивидуальном, или, так сказать, ближайшем уровне. Это прежде всего физический уровень. От ужасных преступных надругательств над человеческим телом до мощной героической защиты своих близких, любых других людей и даже животных. А также мы почувствовали, как изменились персональные «маленькие» качества, раскрылись и таланты, и старые проблемы. И этот процесс еще не завершен. Мы где-то посередине пути и многое еще узнаем о себе на уровне маленькой группы или ближайшего окружения. Это наши семьи, родственники, друзья и знакомые. Списки этих людей резко изменились. Появились новые неожиданные связи, разрушились старые. Или, наоборот, вернулись люди, о которых мы давно уже позабыли. Здесь, кроме физического, более важным становится эмоциональный уровень. Новая жизнь прорастает в новый мир болезненно, но сохраняет контакт с прошлым. Как и должно быть в здоровой психике, в частности в рамках семьи.

Дальше социальный уровень. Большая группа, дальнейшее окружение. Как часто мы слышали очень искренние слова о любви к Украине во время первой ужасной заправки — Майдана. Это уже общие действия в единой душевной интенции, порыве. За восемь лет войны в Украине мы уже освоили интеллектуальный уровень, осознали важность того, за что нас пришли убивать. Это традиции, государственность, национальное единение без национального врожденного признака. Украинцы — это состояние свободолюбивой души разных национальностей. Это государственная идентичность. Здесь и переосмысление истории, и настоящее, и борьба за будущее. И помогают нам как конкретные люди, так и целые страны.

Есть и следующий, мировой, или глобальный, уровень — интуитивный, духовный уровень ощущения процессов во всем мире. Коллективная Душа по Юнгу. С самых первых дней этого ужаса я и мои коллеги получали слова поддержки со всего мира. Поддержка от европейцев казалась естественной, потому что они рядом. Мы сдерживали опасность, которая навалилась на нас, а могла бы вылиться смолой из ада на них... Но нам сочувствовали и люди с другой стороны Земли, поддерживали самым разным образом. Это и трогало, и вдохновляло одновременно. Это уже потом мы сами и наши коллеги со всего мира замерли от ужаса, от событий под Киевом: в Буче, Ирпене, Чернигове, потом был Мариуполь и Харьков... И это уже будет общая боль, такая невыносимая, что и плакать вместе не сможем, только смотреть прямо в глаза, или душу, и спрашивать: «Как ты?»

Конечно, на каждом уровне человек задействован со всеми своими качествами и функциями как целостная личность. Но при определенных обстоятельствах что-то мы активизируем, а что-то подавляем. В настоящее время функционируют и формируются новые группы взаимоподдержки, где можно подробно разобраться с происходящим. Потому что на фоне всех этих событий у нас есть еще одна человеческая функция и возможность — быть свидетелем всеобщей истории, которая состоит из наших с вами маленьких историй.

Мы идем в будущее, а время идет вместе с нами. Через травмы невыносимых воспоминаний — к любви, к утверждению жизненных перспектив, через реанимацию, утверждение и укрепление настоящего... Ибо все наши погибшие Ангелы — с нами в наших сердцах... А с выжившими будем работать над синдромом уцелевшего... Потому что это мы... Мы все вместе в каждом уголке Земли, мы — новый мир, который уже никогда не будет таким, как прежде

«**Если во Вторую мировую, в «отечественную», войну люди умирали под лозунгом «За Родину!», то мы за свою Родину будем выживать! И жить долго и счастливо... Потому что мы спасаем Жизнь! Потому что это война не только за нашу свободу и независимость. Это отстаивание демократических ценностей, социальных человеческих отношений, возможно, даже какой-то части человеческой природы.**»

«**У нас есть еще одна человеческая функция и возможность — быть свидетелем всеобщей истории, которая состоит из наших с вами маленьких историй.**»

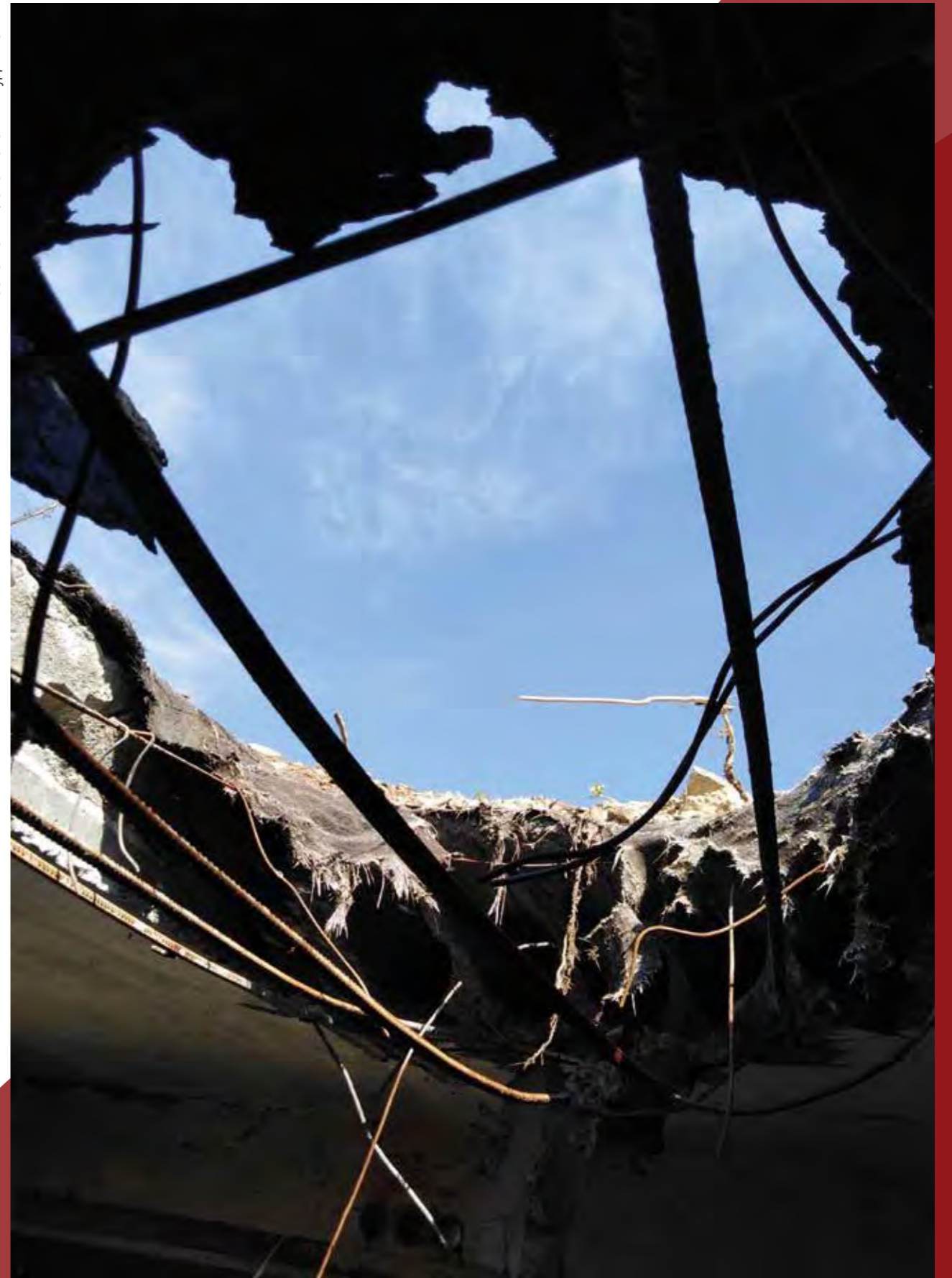

РАЗДЕЛ IX. Разоренные гнезда

*Мій рідний дім -
То місто золоте!
Колиска і мистецтва, і науки.
Немає в світі місць, де б не були
Відомі наші вироби та руки.*

Юрій Тригубенко

г. Гостомель. Фото Натальи Будинкевич

Наталья Будинкевич

45 лет, г. Гостомель
(Записано Ириной Лылык)

Мы встретились с Натальей в Хасселте (Бельгия). Это большой город, расположенный между моим временным убежищем и городом, где находится колледж, пригласивший ее дочь работать над курсовым проектом в рамках сотрудничества учебных заведений Бельгии и Украины. В Украине мы с Натальей сотрудничали и любили общаться вне офиса. Обычно встречались в кафе и обсуждали не только рабочие вопросы, но и другие, самые разные, темы. Однако в Хасселте встретились не те две успешные и улыбающиеся женщины, какими мы были в Киеве. Мы обе выглядели уставшими,

были в одежде с чужого плеча, ведь уехали с Родины в феврале без летних вещей, а главное — в глазах читались усталость, безысходность и надежда одновременно. На этот раз мы также встретились для обсуждения в том числе и рабочих задач, ведь Наталья на следующий день отправлялась в Украину. По традиции нашли уютное кафе и говорили о нас и о войне.

«**Когда мы прощались, я сказала, что очень хочу домой. Наталья ответила: «Я понимаю. Вы хотите в свою прошлую жизнь, в свой дом, но прошлой жизни уже нет, ваш дом, как, впрочем, и вся Украина и мы с вами, — все изменилось».**

Рассказ Натальи

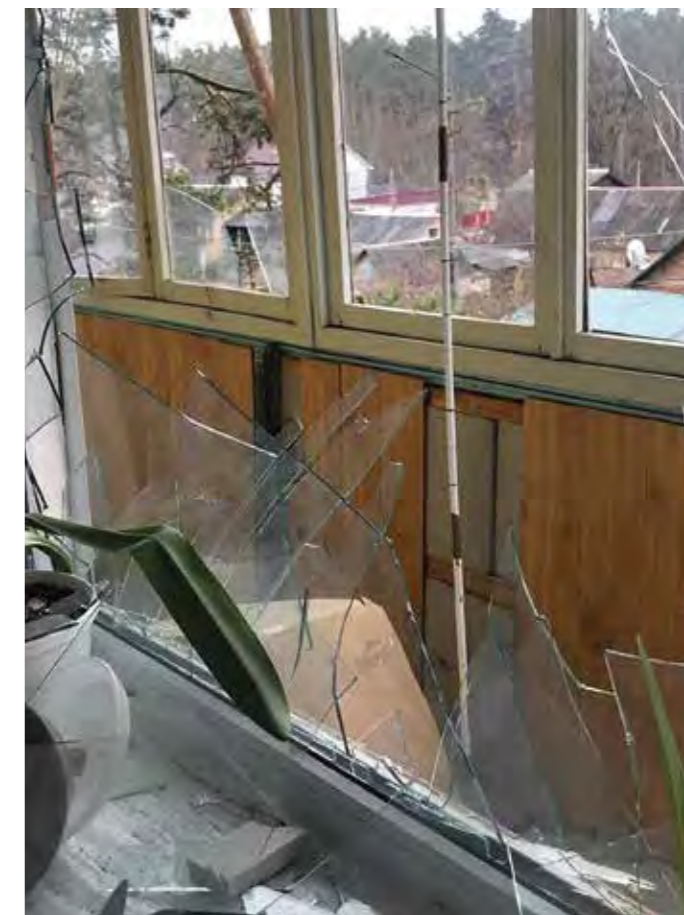
24 февраля мне позвонил парень моей дочери Насти: она попросила его вывезти меня и бабушку к ней во Львов на машине. Я спорила. Совершенно не хотела и не планировала никуда ехать. Парень эмоционально убеждал. Он рассказывал об аэропорте, о воинской части, об опасности, ведь вторжение России началось с нападения на военный аэродром в Гостомеле. В конце концов я согласилась. Вечером мы все собрались на ужин у моей мамы в Ирпене, хотели спланировать дальнейшие шаги. К нам присоединился мой брат Николай, отлучился из военкомата. Он не знал, куда их направят, но зашел домой на часик — собрать вещи. Говорил, что их будут учить. Чтобы мы не переживали, что их живым щитом под Киевом не выставят.

Утром 25 февраля мы уехали во Львов. Варшавская трасса была забита машинами. Через два часа мы доехали только до села Мотыжин, где находился родительский дом моей мамы. За год или два до войны в нашем селе открылся «Добропарк», куда полюбоваться тюльпанами приезжал почти весь Киев и область. Но мир знает о нашем селе из-за страшных преступлений, совершенных россиянами в этой войне... Мы решили, что в Мотыжине будет достаточно безопасно, поскольку никаких крупных промышленных и военных объектов здесь нет. Так же думали и другие люди, выехавшие целыми семьями из киевских квартир в родительские дома. Почти в каждом дворе стояли по два-три автомобиля. Так люди хотели переждать страшные дни, ведь в некоторых районах Киева уже шли уличные бои.

Но деревню оккупировали русские войска, пытали и расстреливали мирное население. Поскольку исчезли электричество и связь, у нас не было информации, чтобы принять решение, ехать под пулями в неизвестность или переждать. А для многих этот выбор оказался судьбоносным. К счастью, моя подруга верно оценила ситуацию. Ей удалось вырваться из оккупации и вывезти нас во Львов. Тогда я думала, что вернусь через неделю-две, поэтому не взяла почти ничего из вещей. Но мы оставались на западе Украины до конца марта.

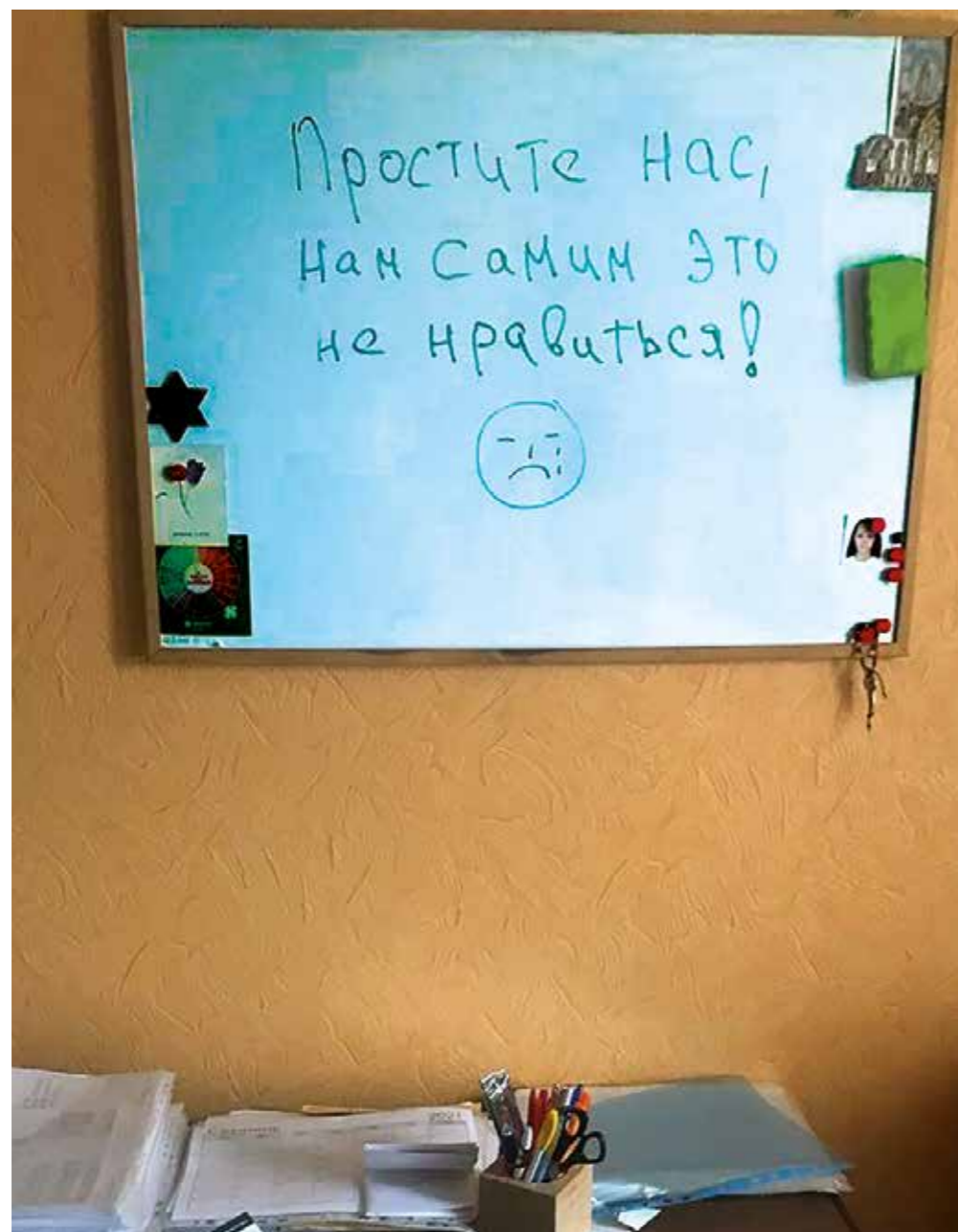
Когда Гостомель освободили и закончился почти недельный комендантский час, в течение которого волонтеры со всей Украины помогали разбирать завалы в городе, я сразу поехала домой. Очень хотела найти брата — он не выходил на связь с 27 февраля, и мы никак не могли о нем ничего узнать ни в военкомате, с которым невозможно было связаться, ни через каналы поиска родных, ни через социальные сети. Путь домой был нелегким: поезд Львов — Киев задержался более чем на три часа, потому что в тот день ракеты повредили железнодорожную инфраструктуру. Впрочем, повезло с метро в Киеве — я ждала всего несколько минут (в те дни поезда курсировали раз в час). Потом шла пешком от метро к трассе по почти пустому Киеву и встретила знакомого, с которым лет пять до этого не виделась. Он был на машине и довез меня до печально известного моста в Романовке, где так драматично проходила эвакуация... Мост уже отстраивали, полным ходом работала техника, присутствовал мэр Ирпня Александр Маркушин и Петр Порошенко, поэтому у меня такое медийное получилось возвращение, с фотографированием, почти фотосессия.

Мой город было трудно узнать, как и мой дом. Хотя можно сказать, что мне повезло: моя квартира уцелела. Она была открыта и разграблена. Я живу на первом этаже. Поэтому оккупанты, разбив окно, смогли попасть в квартиру и открыть дверь изнутри. Это в довоенной жизни запертые входные двери давали ощущение, что твой дом — твоя крепость. В новой реальности мое семейное гнездо было разорено — на полу валялось битое стекло, множество окурков и бутылок из-под алкоголя (кстати, кроме опустошенных бутылок из моего бара, была куча пустой тары из-под крепкого алкоголя, очевидно, из других квартир). Я не досчиталась многих своих вещей — одежды, косметики, бижутерии... В коридоре стояли еще коробки с набросанными вперемешку моими и чужими вещами. Я до войны очень любила покупать духи, особенно в дьюти-фри, когда возвращалась из отпуска. Духи были сложены в косметичку. Конечно, она исчезла. Вообще, мой дом стал грязным и неопрятным. Кстати, на доске для заметок мне оставили записку: «Простите нас. Нам самим это не нравится!»

Через три дня я снова была во Львове и подала заявление в полицию об исчезновении человека. Еще через два дня нам сообщили, что брат погиб. Мы снова поехали домой, но теперь уже всей семьей, чтобы попрощаться и похоронить. Брат погиб на третий день войны, на перекрестке Ирпень – Гостомель, защищая два важных для него города в составе территориальной обороны Ирпеня. Прямое попадание пули в сердце. Бронежилеты на тот момент им еще не выдали. Так закончилась его война... На 51 день войны мы смогли похоронить его в Мотыжине. Хорошо, что мы хоть получили его целиком. В моргах много погибших просто сложены из разных частей тела, поколечені до неузнаваемости...

Когда мы прощались, я сказала, что очень хочу домой. Она ответила: "Я понимаю. Вы хотите в свою прошлую жизнь, в свой дом, но прошлой жизни уже нет, ваш дом и, в конце концов, вся Украина, и мы с Вами изменились».

Некоторые украинки и украинцы уже начали возвращаться в свои разоренные дома. Их истории мы расскажем позднее...

г. Буча. Фото Дмитрия Ларина. Публикуется с разрешения интернет-издания «Украинская правда»

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- COVID-19** – коронавирусная инфекция
- IT-компания** – компания, работающая с информационными технологиями (information technologies)
- NFT** – невзаимозаменяемый токен, вид криптографических токенов, каждый экземпляр которых уникален
- АТО** – Антитеррористическая операция (была объявлена в 2014 году для борьбы против террористических группировок на Востоке Украины)
- СМИ** – средства массовой информации
- ВНО** – внешнее независимое оценивание
- ВСУ** – Вооруженные Силы Украины
- КГБ** – Комитет государственной безопасности
- ЛНР, ДНР** – так называемые Луганская и Донецкая народные республики, непризнанные в Украине и мире фиктивные квазигосударственные террористические образования
- НФаУ** – Национальный фармацевтический университет, г. Харьков
- ОСМД** – объединение совладельцев многоквартирного дома
- ПВО** – противовоздушная оборона
- ППД** – пункт постоянной дислокации воинской части
- СТО** – станция технического обслуживания
- ТрО** – Территориальная оборона
- УВР** – учебно-воспитательная работа
- ФАП** – фельдшерско-акушерский пункт

СОСТАВИТЕЛЬНИЦЫ

Елена Бучинская, кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга им. А.Ф. Павленко Киевского национального экономического университета им. В. Гетьмана

Елена Давликанова, доктор философии, координатор проектов Представительства Фонда им. Фридриха Эберта в Украине

Ирина Лылык, президент ООО «Украинская Ассоциация Маркетинга», кандидат экономических наук, доцент

Оксана Яшкина, доктор экономических наук, профессор кафедры маркетинга Одесского национального политехнического университета

Выражаем искреннюю благодарность всем, кто помогал собирать истории и готовил сборник к печати: изданию «Волинські новини», журналистке Марине Петик и изданию OBOZREVATEL, волонтерке Елене Винницкой, журналистке Олесе Биде и изданию Hromadske, Инне Малевич, ВМС ВС Украины, Любове Стаценко, Людмиле Долгоновской, Ларисе Компанцевой, Татьяне Забаштанской, Татьяне Мехед, «Суспільне Чернігів», Наталье Савицкой, Анне Милашевич, Елене Коноваловой, Станиславу Лунину, Але Хайтлинной, Олесе Магеровской, а также Наталье Палий. Отдельная благодарность — Севгиль Мусаевой, Дмитрию Ларину, изданию «Украинская правда» и КГГА за предоставление разрешения на использование фотоматериалов.

В публикации также использованы фотографии, предоставленные самими героинями, их родственниками/цами и неравнодушными украинцами и украинками, которые стали свидетелями этих страшных событий.

Взгляды, выраженные в этой публикации, не обязательно отражают взгляды Фонда им. Фридриха Эберта.

Коммерческое использование всех публикаций и других материалов, изданных Фондом им. Фридриха Эберта (ФФЭ), без разрешения запрещено.

**FRIEDRICH
EBERT
STIFTUNG**